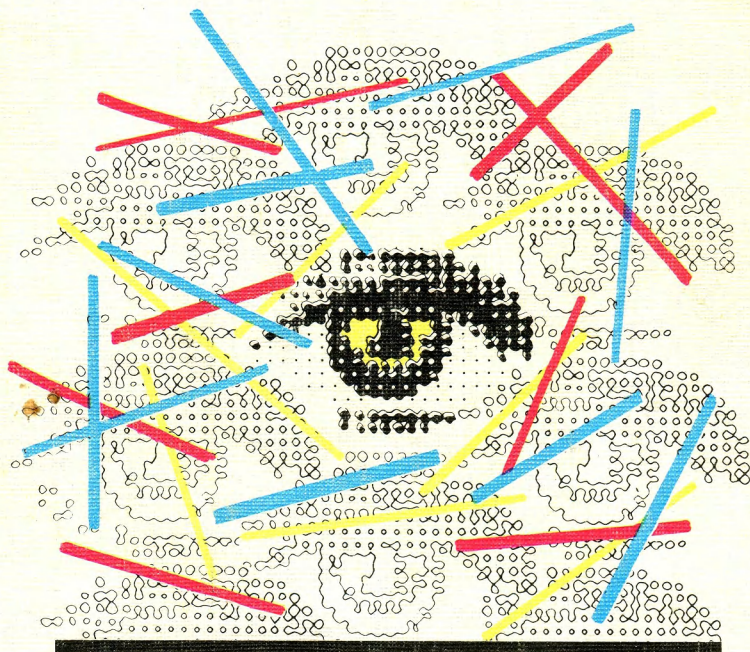

Б
С
И
О
Б
В
Л
Е
И
Т
О
С
Т
К
Е
О
К
И
А

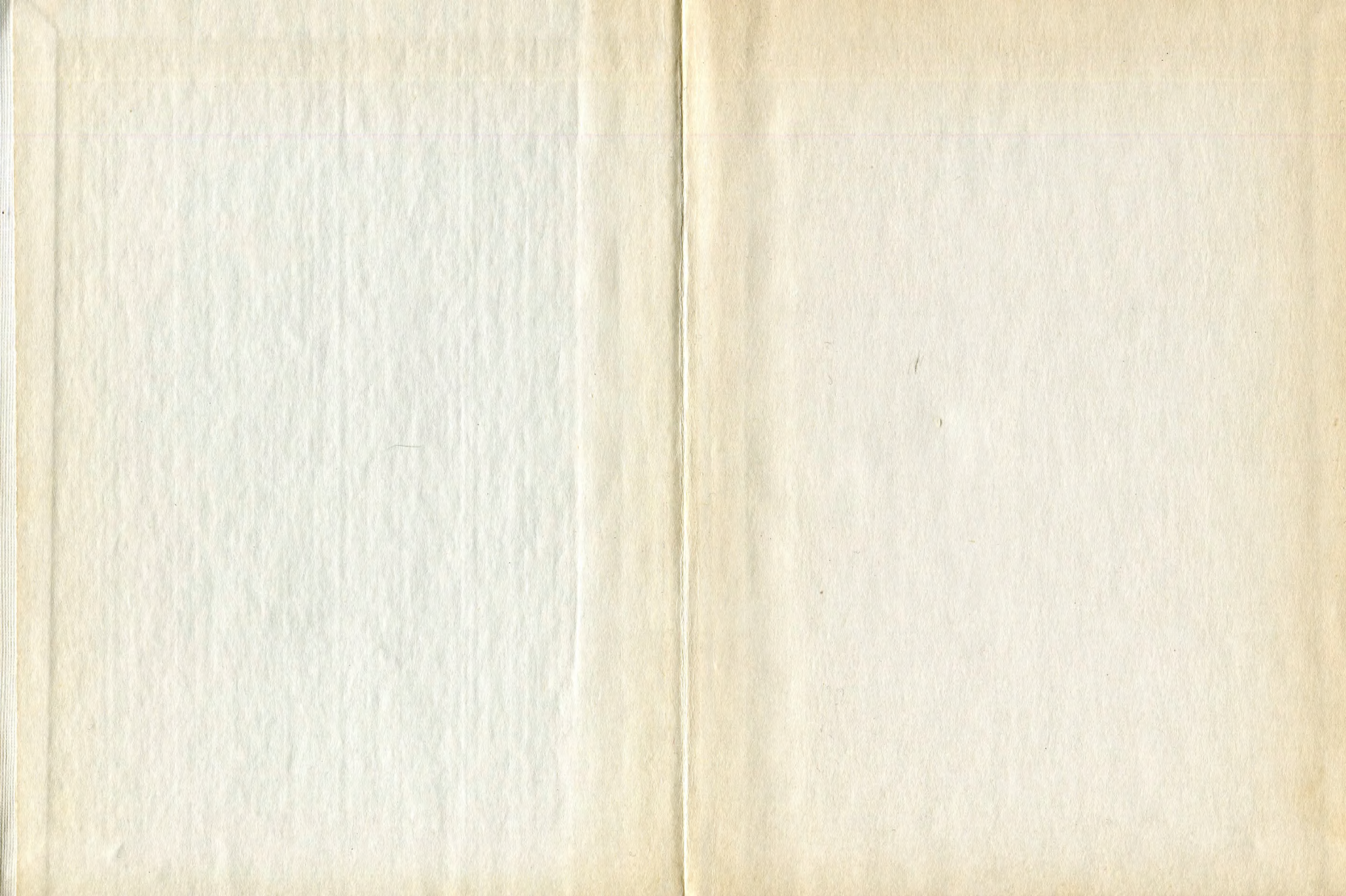
ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

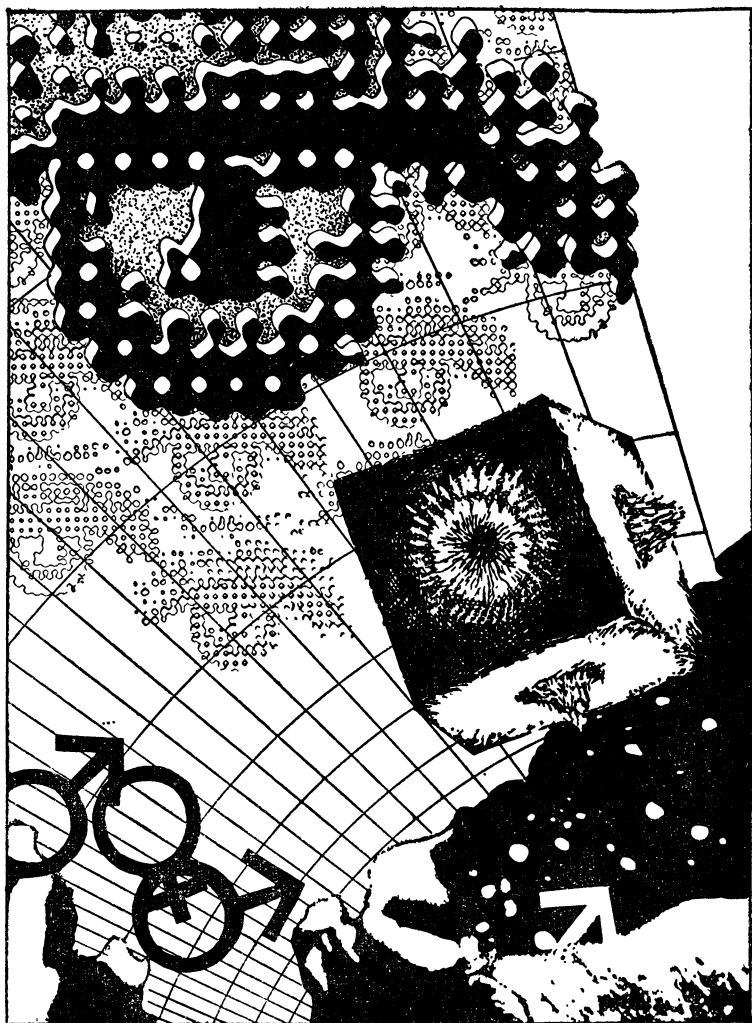

ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Б И Б Л И О Т Е К А
Ф А Н Т А С Т И К И

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Научно-фантастический роман

МОСКВА. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1990

ББК 84Р7
Г 61

Головачев В. В.

Г 61   **Черный человек : Научно-фантаст. роман. — М. : Мол. гвардия, 1990. — 352 с., ил. — (Б-ка советской фантастики).**

ISBN 5-235-01482-0

Книга писателя из Днепропетровска Василия Головачева посвящена извечной в научной фантастике теме — контактам с внеземными цивилизациями. Какие они, чужие? Чем контакт может обернуться для землян? Автор в приключенческом романе дает свою версию...

Г 4702010201—250
078(02)—90   КБ—006—014—90

ББК 84Р7

ISBN 5-235-01482-0

**© Головачев В. В.,
1990 г.**

Ч А С Т Ь

Когда Шаламов очнулся от беспамятства и с трудом поднял ставшие чугунными веки, он не сразу понял, что все еще находится в рубке интергалактического спасательного шлюпа «Кентавр» с маской-фильтром на лице. К тому же сбивала с толку невесомость. Все органы чувств вопили во всю мочь, что он попал если не в мясорубку, то по крайней мере в камнедробилку, в то время как старт должен был быть мягким и не влияющим на самочувствие.

Шаламов попробовал шевельнуться и едва сдержал стон: тело напоминало студень, в который вонзился миллион игл, осколков стекла и прочих острых предметов.

— Ёлки-палки! — сказал Шаламов вслух, не узнавая голоса. — На сон это похоже мало. Эй, кто-нибудь, что случилось? Где я?

— Вы на шлюпе курьерской линии СПАС — Главный — Орион-6, — прошелестел в ушах бесплотный голос.

И Шаламов вспомнил, где он находится.

Багровая пелена в глазах медленно растаяла, сквозь мглу проступили очертания рубки.

Поскольку «Кентавр» был спасательным шлюпом класса «универсал-абсолют» и представлял собой, по сути, единый квазиживой организм, внутри которого, как семечко в яблоке, обитал водитель, называемый по

древней традиции пилотом, то рубка шлюпа должна была иметь вид трехметрового кресла-кокона, оборудованного множеством датчиков; датчики подавали информацию напрямую в мозг пилоту и через «дисциплинатор» — блок целе-смыслового контроля* передавали его мысленные команды исполнительным механизмам. Теперь же в передней части кокона напротив Шаламова зияла брешь, образуя своеобразное окно, за которым располагалось странное помещение, напоминавшее пещеру. «Пещера», заросшая гребнеобразными перепонками, имела, однако, явные признаки технологической обработки. Ее торец представлял собой черный гладкий экран, по которомуплыли светящиеся линии, искаженные геометрические фигуры, замысловатые символы и знаки, а напротив в кресле, напоминающем журавлиное гнездо, сплетенное из толстых металлических прутьев, восседала завораживающая взор фигура: трехгорбая глыба в пластинчатых доспехах из полированного желтого металла. Глыба казалась живой и неживой одновременно и вызывала в памяти ассоциации с окаменевшим бегемотом или, наоборот, ожившей скульптурой модернистов. Но хотя Шаламов соображал пока туго, он сразу узнал маатанина.

Цивилизация маатан была открыта около десяти лет назад, но в контакт с землянами не вступала, отвечая молчанием на все вопросы и предложения, словно не замечая братьев по разуму. Маатане были негуманоидами и за свой необычный облик, подчеркнутое нежелание вести диалог, явное пренебрежение к деятельности людей получили название «черные люди». Разведчики, спасатели и археонавты не раз встречали в космосе корабли маатан, игнорирующих любые знаки запрета посадки, предупреждения и опасности, но еще не было слу-

---

* Этот блок «отсеивает» неадекватные моменту мысли пилота при управлении, если тот почему-то отвлекается, поэтому пилотами спасательной службы должны работать люди с четкой дисциплиной мысли.

чая, чтобы «черные люди» ответили на чьи-либо сигналы.

— Джо, — позвал Шаламов мысленно, обрадовавшись тому, что пси-связь с координатором не пострадала. — Жив, старина? Что случилось? Почему я в маске? Высвети экспресс-информацию.

— Маска надета аварийно, — сухо ответил координатор, — потому что в рубку проник инертный газ. Но я вам не Джо, а функциональный киб-интеллект типа «проводник» класса «интелмат-пять», прошу обращаться в соответствии с инструкцией.

— Слушаюсь, проводник! — пробормотал изумленный Шаламов.

Искусственные интеллекты устанавливались, а вернее, выращивались на каждом базовом спасательном шлюпе и даже на модулях аварийно-спасательной службы и обычно откликались на то имя, которое отражало название шлюпа или было вложено в них при рождении. Шаламов еще с первого рейса назвал координатора своего шлюпа Джорджем, по имени героя старинного романа Апдайка «Кентавр», и тот принял имя как должное. И если уж он вдруг «обиделся», значит, шлюп был поврежден серьезно, вплоть до нарушения работы главного компьютера.

— Экспресс-информацию выдать не могу, — продолжал пси-доклад координатор. — Почти все рецепторы и нейронные узлы парализованы, датчики пространства разрушены. Через пять-шесть минут смогу восстановить визуальный обзор, но мешает присутствие чужих логических цепей, сбивающих оптимальное функционирование систем.

— А нормальную гравитацию сделать можешь? Я не люблю работать в невесомости.

— Только после восстановления ремонтного узла, через час, да и то с вероятностью ноль шесть.

— Как мы оказались в одном месте? — Шаламов снова посмотрел на сверкающую металлическими зер-

калами доспехов неподвижную фигуру «черного человека».

— Информации нет.

— Тогда включи меня в свой главный нервный контур напрямую и дай память от момента старта.

— Опасно, контур блокирован хаотическим поступлением чужих сигналов и «белого шума». Источник сигналов находится внутри моего информполя, вероятно, внедрен в меня ударно, однако мне неподконтролен.

— Позволю напомнить пункт инструкции: «В нештатной ситуации водитель имеет право...»

— Подчиняюсь.

И в мозг Шаламова хлынула лавина сигналов, донесений датчиков, обрывков команд, мыслей и чувств координатора, бессмысленное бормотание поврежденных аппаратов, шепоты аварийных систем, «пачки» импульсов и глухой угрожающий шум...

Повторно очнулся пилот спустя час, хотя и не помнил этого — координатор сам равнодушно сообщил ему о времени и причинах беспамятства.

Невесомости уже не было, сила тяжести равнялась примерно трем четвертям земной, координатор сдержал слово и починил генератор тяготения.

— Ввел максимальную аптечку, — добавил он, — вы были на грани коллапса.

— Спасибо, — пробормотал Шаламов, наслаждаясь почти нормальной силой тяжести и разливающимся по телу теплом: стимуляторы аптечки сработали и вытеснили из головы расплавленный свинец боли. Теперь он кое-что знал, по сути, главное.

Давно известна формула: проблема межзвездных путешествий — проблема побуждений, движущих разумом, а вовсе не физическая проблема; если межзвездные путешествия нужны — разум ее решает. Как, например, сделал это человек. Но, кроме человека, в космосе обитают и другие разумные существа, решившие ту же задачу сходным путем, и в один прекрасный день (вечер,

утро) два межзвездных корабля, подобных в движении лучу света, точнее — потоку информации, а еще точнее — растянутым от точки старта до точки финиша «суперструнам информации», вдруг оказываются в одной и той же точке пространства в один и тот же момент. Именно этот редчайший случай и выпал на долю Шаламова.

Осознав свое «счастье», пилот понял, насколько ему повезло: шлюп, вонзившись в чужой космолет, не взорвался! Столкновение напоминало скорее процесс взаимопроникновения двух пересекающихся струй пыли или пара, и в настоящий момент «Кентавр» и маатанский корабль действительно напоминали мифическую тезку земного шлюпа: сам он стал «головой и торсом», а «туловищем» был корпус чужого корабля.

— Включаю обзор, — предупредил координатор.

Экранов визуального обзора шлюп не имел, вместо этого сигналы видеокамер выдавались непосредственно в мозг пилоту, прямо к синапсам, минуя глаза, но суть видеосистемы от этого не изменилась.

Первым впечатлением Шаламова было впечатление глубины: казалось, он заглянул в гигантский, непостижимо глубокий колодец, причем колодец, вывернутый наизнанку — со светлыми стенками, — потом упал в него и стал погружаться, глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии света: мерцание таинственного «колодца» завораживало взор, как танцующее пламя костра...

— С ума сойти! — сказал Шаламов, очнувшись.

— Не понял, — откликнулся координатор, — повторите.

— Что это?

— Для правильной оценки мало достоверной информации.

— Оцени с любой вероятностью, я и так понял, что это не Орион-6, не далекая галактика и не диффузная туманность.

— С вероятностью ноль семьдесят семь мы приближаемся к «серой дыре». Термин знаком?

— Знаком, — буркнул Шаламов, вспоминая все, что знал о «серых дырах».

Эти загадочные объекты были предсказаны учеными-космологами еще два века назад и по теории представляли собой входы в свернутые «струны», скомпактифицированные — то есть «схлопнувшиеся лишние измерения» (наша Вселенная рождалась двенадцатимерной, но в процессе эволюции девять из двенадцати измерений сжались в «струны», скомпактифицировались). Косморазведчики и пограничники уже встречали рассеянные по Галактике «серые дыры», но «заросшие», покрывшиеся, как вода льдом в проруби, слоем преобразованного пространства, сквозь который могли просочиться разве что отдельные атомы; этот слой называли еще «мембраной закона компактификации». Но еще никто никогда не встречал «незаросших серых дыр», Шаламов, видимо, был первым «счастливчиком» из землян.

— М-да, повезло... Из «струны» нас выбросило явно не по вектору Ориона. Как далеки мы от «серой дыры»?

— Мы уже в ее горловине, иначе не видели бы «колодца». «Серую дыру» можно увидеть, только попав за ее горизонт. Кстати, если не принять мер, нас затянет за «критический горизонт», и выбраться назад мы уже не сможем.

— Сколько времени в нашем распоряжении?

— Не знаю.

— Тогда к чему эти советы? Затянет, так затянет, мы и так не можем выбраться отсюда, вломившись в маатанина. Я хочу посмотреть на тебя со стороны, дай внешний обзор.

Координатор выстрелил одним из уцелевших зондов, его камеры передали изображение Шаламову, и тот присвистнул от удивления, хотя уже знал, что шлюп и маатанский корабль проникли друг в друга и «срос-

лись». Но теперь их вид стал доступен прямому визуальному наблюдению.

Чужак был огромен, раз в двадцать больше двадцатиметрового «Кентавра» и на два порядка сложнее. Больше всего он напоминал раздавленный панцирь черепахи, сложенный из выпуклых «костяных» пластин размером с зимний стадион. Весь панцирь был усеян тускло светящимися рубиновыми линзами, словно десятками паучьих глаз, и множеством других деталей разной формы и размеров.

«Кентавр» мог трансформировать свое тело в широком диапазоне форм — в зависимости от решаемых им задач, но «оборвав струну движения» нештатно, не успев оптимизировать форму соответственно новым условиям, он представлял сейчас деформированную «ракетку для настольного тенниса» и «лопастью ракетки» проткнул «панцирь черепахи» там, где должна была находиться ее голова.

— Весело!.. — пробормотал Шаламов. Сказать больше ему было нечего. Он еще раз более внимательно оглядел район дрейфа сцепившихся кораблей, осторожно подключая к сознанию выводы немногих исправных датчиков пространства, но определить свои координаты не смог, звезд сквозь мерцание горловины «серой дыры» не было видно. Пространство внутри горловины в пределах прямого визуального наблюдения было стерильно чистым и пустым, если не считать радиационного фона, обнаруженного датчиками.

«Странно, звезд близко нет, а «дыра» светится, — подумал Шаламов. — Эффект, которого я не знаю? Или «серые дыры» накачаны энергией изначально?»

— Логично, — отозвался координатор.

— Да, но тогда возникает вопрос: какого черта нас занесло именно сюда, в горловину? Может быть, мааганский транспортник направлялся в «серую дыру», зная дорогу, а нас вывернуло по вектору его «струны»?

— Логично, — повторил координатор.

— Я и сам знаю, что логично, — озлился Шаламов, морщась от приступа головной боли. — Сам-то ты можешь что-нибудь предложить?

— Нет, — холодно отрезал Джордж.

— Тогда пиши завещание. Сам говорил: затынет за горизонт — не вылезем... или вылезем в другой вселенной. Подходит перспектива? Ищи ориентиры, какие-нибудь объекты, тела, может, мы не одни здесь болтаемся, не зря же маатанин шел сюда на всех парах. Чини шлюп, в общем, делай что-нибудь. Впрочем... — Шаламов внезапно покрылся потом от приступа слабости, — сначала займись мной. Дай укол гиперальгина и через час рольфанг-массаж... если не разучился его делать.

Координатор промолчал.

2

Выдержав рольфанг — серию глубоких и болезненных массажей всех основных групп мышц — и приняв душ, Шаламов впервые после аварии почувствовал себя человеком.

За то время, что он отдыхал и лечился, координатор неожиданно обнаружил концентрацию массы примерно по вектору дрейфа кораблей, и Шаламов присвистнул от удивления, когда узнал, что это за «концентрация массы»: по всем признакам это была планета! Как она оказалась в горловине «серой дыры», приходилось только гадать. Приказав Джорджу поточнее направить к ней вросший в гиганта чужака «Кентавр» — кормовой двигатель, к счастью, не пострадал, — Шаламов принялся исследовать маатанский корабль. В его распоряжении было достаточно времени до встречи с планетой, скорость «упряжки» космолетов была невелика по космическим меркам.

Девяносто процентов имеющейся на борту шлюпа

аппаратуры не работало, но и оставшихся датчиков хватило пилоту на определение основных параметров маатанского транспортника: массы, размеров, энергозаряда, гравидинамики систем. Было интересно разбираться в конструкции чужого корабля, созданного негуманоидами, но полностью понять принципы его компоновки и функциональные особенности Шаламов не смог даже с помощью Джорджа. Один из маатан, сидевший (или стоявший — поди разберись) в «гнезде» прямо перед рубкой-креслом пилота, был, очевидно, еще жив. Но если бы у пилота спросили, почему он так решил, он мог бы ответить только одним словом — интуиция.

Пока он приводил в порядок рубку, искал способы устранения неисправностей, лечился сам, блистающий металлом «черный человек» ни разу не пошевелился, и обстановка в зале управления не изменилась, если не считать того, что экран перестал работать, извергать потоки светящихся кривых, и лишь изредка на нем вспыхивали неяркие блуждающие звезды.

Наконец Шаламов проанализировал свое положение достаточно трезво и сделал неутешительный вывод: ремонт своими силами невозможен. Оживить компакт-генераторы, то есть генераторы свертки пространства в «струну» — как называли их инженеры, или, по терминологии пилотов спасательных шлюпов, — дыробои, без спецверфи нечего было и думать. К тому же растащить корабли, проникшие друг в друга до накладки кристаллических решеток материальных структур, было бы не под силу и специалистам на Земле. Поразмышляв о коварстве случая, Шаламов приказал себе не паниковать и решил, пока связка «хлама» будет ползти к обнаруженной планете, обследовать чужой корабль.

Для начала он осмотрел маатанина в «гнезде», используя переносной диагностер из походной аптечки, но микрокомпьютер прибора лишь отметил пульсацию целого набора биополей и не смог прямо ответить на вопрос, жив ли «черный человек». Не помог и Джордж,

обладавший о маатанах лишь сведениями общего характера.

Шаламов и не ожидал позитивного результата от своих полудилетантских изысканий, имея кое-какие познания и навыки лечения нормальных людей, а не «черных негуманоидов». Облачившись в гибкий и легкий гермокостюм для короткого выхода в космос — во избежание неприятных сюрпризов, пилот вошел в «пещеру» центра управления чужого корабля, внимательно осмотрел изломанные волей разработчиков стены «пещеры», поросшие гребенчатыми перепонками, и понял, что выхода из центра самостоятельно не найдет. Однако автоматика этого странного зала все еще работала и сама предложила гостю свои услуги.

В самом темном углу помещения, как раз напротив черного экрана, пилот обнаружил нечто, напоминавшее прозрачный мыльный пузырь в два человеческих роста. Стена за пузырем была вогнута, сходясь кольцами в коническую воронку, вершина которой «дышала» — то проваливалась в стену, то надвигалась на наблюдателя. Все это сооружение находилось под напряжением. Зантригованный Шаламов подошел ближе, наклонился к прозрачной поверхности пузыря, в тот же миг внутри вспыхнула фиолетовая звезда, пузырь бесшумно лопнул и облепил человека тугим коконом, так что тот не мог пошевелиться. Мышцы неприятно свело от электрического удара, несмотря на защиту гермокостюма. В следующее мгновение все вокруг пришло в движение: воронка в стене надвинулась вплотную, провалилась наружу и превратилась в длинный прозрачно-светящийся туннель, стены которого побежали мимо с нарастающей скоростью.

Если это катапульта для выхода в космос — мне здорово не повезло, отрешенно подумал Шаламов. Выбросит в пространство — поди догони своего «коня», впряженного в чужую колымагу... И вдруг он понял, что его беспечность и заторможенность могут стоить ему

жизни. Страх парализующей струей газа ударил в голову, перехватил дыхание: все-таки пилот еще не выздоровел полностью и не был готов к подобной ситуации. Он рванулся изо всех сил назад, стараясь высвободиться от сдавливающих тело пут. Тотчас же тоннель изогнулся, как живой, и выбросил его в тупике, слабо освещенном бледно-голубыми прожилками в плите потолка.

— Спасибо! — с чувством поблагодарил Шаламов вслух неизвестно кого, облизывая пересохшие губы и успокаивая сердце. Потребовалось целых пять минут на то, чтобы сообразить: тревоги напрасны, включившийся механизм вовсе не катапульта, а своеобразный внутрикорабельный транспорт.

— Но все-таки сначала надо было спросить — хочу ли я прокатиться. — Шаламов укоризненно покачал головой; самобичевание было не в его характере, а чувство юмора не раз помогало справляться с растерянностью и быстро обретать форму. — Набрасываешься, как дикий зверь... мустанг необъезженный! Как я теперь вернусь обратно?

«Мустанг» не ответил, мигая фиолетовым глазом готовности к новому старту.

Пилот ощупал сухие и теплые стены тупика и выглянул из ниши. Он увидел короткий, но широкий коридор с плохо обработанными на первый взгляд бугристыми стенами, освещенный ручьем жидкого с виду голубого пламени, который вопреки здравому смыслу струился по потолку. Ближайший торец коридора был черным и дымился, впечатление было такое, будто в нем догорает костер. Дальний конец коридора зарос шипастым «кустарником» без листьев, а на концах каждого шипа светилась багровая капля. Даже отсюда ощущалось, что «кустарник» заряжен электричеством.

Непроизвольно задерживая дыхание при каждом шаге, спасатель обошел коридор, внутри которого царил

примерно земная гравитация, издали с опаской осмотрел «заросли крыжовника» и подумал, что техника маатан ни в коем случае не должна причинять вреда как хозяевам, так и гостям. Но, с другой стороны, что безвредно хозяину-негуманоиду, вполне может нанести вред гостю-человеку. Усмехнувшись своему внутреннему призыву к осторожности, Шаламов медленно приблизился к «дымящейся» стене коридора и стал свидетелем включения маатанской автоматики.

Как только он приблизился к «струйкам дыма» на расстояние метра, облачко дыма застыло, покрылось морозным узором, словно «дым» закристаллизовался от холода, и на его месте протаял глубокий колодец с черными стенками и светлым дном, похожим на блюдо со светящейся икрой. Шаламов не сразу сообразил, что видит торец «серой дыры», открытый в сторону какого-то далекого звездного скопления. Сработавший автомат включил не то телескоп, не то экран видеосистемы. Понаблюдав за мерцанием «икринок», каждая из которых на деле представляла собой звезду, пилот поймал себя на мысли, что не знает, как добираться до своего «Кентавра», изуродованного, с травмированным координатором, но простого и надежного, готового защитить своего хозяина от любой предвиденной создателями опасности. Тогда Шаламов заставил себя с большей тщательностью проанализировать имевшуюся информацию о маатанском корабле и пришел к выводу, что «мустанг» ему нестрашен: в конце концов это всего-навсего лифт с плавающими координатами выхода и должен когда-нибудь вынести его в рубку с не пришедшим в себя водителем.

Так и случилось.

Не обращая внимания на приступы слабости и головной боли, а также на электрические уколы, сопровождавшие посадку на «мустанга», Шаламов принялся его объезжать. Сначала «мустанг» выбросил его на узкий балкон, нависающий над провалом неизвестных разме-

ров. Пространство под балконом было заполнено текущим багрово-фиолетовым полумраком, в котором плыли дымы, шлейфы искр, что-то урчало, хрустело, чавкало, вспыхивало, странные тени двигались в дыму, корчились и шипели. Шаламов нагнулся к перилам балкона, и дремавшая доселе техника этого места снова отреагировала на его движение: из провала с низким гулом выплыл «мыльный пузырь», подплыл к балкону, зажигая внутри себя знакомую фиолетовую звезду.

Пилот отступил, усмехнувшись своей готовности попробовать действие и этого «зверя» — скорее всего разновидности лифта или защитной кабины. В последний момент, когда он садился на «мустанга», ему показалось, что провал за балконом на самом деле вовсе не провал, а зрачок какого-то исполинского живого существа, смотревшего на него пристально и тяжело.

Вторая попытка привела его на стык трех коридоров: один из них был круглым и освещался ослепительным желтым светом, казалось, он заполнен расплавленным стеклом; второй, наоборот, давился темнотой, живой и текучей, как речная вода; третий был вполне земным, квадратным в сечении, с черным потолком, по которому мчались стремительные ручьи голубого света. Заходить в него Шаламов не стал.

В третий раз он вышел в мрачном склепе с едва светящимся низким потолком и черными, с багровыми прожилками, стенами. Склеп был заполнен рядами неподвижных металлических глыб, восседавших на «гнездах аиста» — собратьев маатанина в рубке. Возле каждого располагался плоский экран и пучок членистых антенн, похожих на удочки, но ни одна из фигур не казалась живой, экраны были черны, и веяло от них пронзительным холодом космического пространства.

Шаламов со смешанным чувством жалости и отвращения рассматривал застывшие глыбы, понимая, что эти странные существа, то ли пассажиры, то ли члены эки-

пажа, мертвы или на полпути к водам Стикса. Он не знал, что послужило тому причиной, может быть, резкое изменение условий в пассажирском салоне, может, отсечка энергии или подачи воздуха, но гибель «черных людей» не могла оставить его равнодушным.

Устав от стремительных рывков «мустанга» и борьбы с собой, Шаламов обреченно шагнул в его объятия и наконец вышел в знакомом треугольном зале с единственным его обитателем. Вздохнул с облегчением. И еще не отдышавшись, как следует, понял: что-то изменилось.

На первый взгляд все было, как и прежде: мерцающий экран, мертвая неподвижность всех предметов, тишина — и все же пилоту показалось, что он не один в зале. Впрочем, он и был не один, вторым был «черный человек». Глаз у горбатившейся глыбы, подобных человеческим, пилот не заметил, и тем не менее маатанин смотрел на него так же пристально и тяжело, как и жуткий монстр в провале.

— Привет, — сказал пилот первое, что пришло в голову, ощущая давление чужого взгляда в пси-диапазоне, интуитивно. — Я думал, что ты уже не очнешься, дружище.

В голове вспыхнула вязь пылающих знаков, быстро и плавно меняющих очертания, пока не превратилась в неграмотно построенную фразу (это была именно картинка, видение, а не «мысленный шепот», как при обычном пси-обмене, воспринимаемый человеком как шепот звуковой): «Вода... жидкие гуманоид... хомо Земле да... дело что хомо на борт проникател...»

Шаламов еще не собрался с мыслями, что ответить маатанину на заданный вопрос, как фраза превратилась в пляшущие языки пламени, из которых вылепилось новое предложение: «Мы информации — причина поломка проникател — неопытность водител Земле хомо,,, смысл понятное да... нет...»

— Еще бы! — сказал Шаламов, ошалевший от столь бесцеремонного обвинения и от того, что «черный человек» знает земной язык; по всей видимости, маатане давно изучили язык и пси-спектр мыслеобщения людей, хотя и пикогда не общались с ними в открытую. — Но у меня прямо противоположная информация: еще десять лет назад мы сообщили вам граничные параметры наших космических маш... э-э, проникателей. Ваша раса использовала другие частоты свертки пространства в «струны», и «столкнуться» двум нашим проникателям было невозможно. Мы не меняли частот «струн», изменили вы, не известив нас, из-за чего, собственно, и произошел этот прискорбный случай, так что извини, друг, я не виноват. Но давай все же начнем с другого конца: найдем более мирный способ контакта и попробуем выжить в этих условиях. К сожалению, мой... м-м, проникатель потерял связь, в том числе и дальнюю. А твой?

Маатанин вдруг изменил позу, причем выглядел этот процесс настолько необычно, что Шаламов застыл, изумленный, он еще не видел, как передвигаются «черные люди»: тело маатанина буквально встопорщилось мелкими кристалликами, словно человеческая кожа пупырышками от холода, превратилось в сrostок кристаллов разной величины, и каждый кристалл ожил, трансформируясь из одной формы в другую; вероятно, эти движения были аналогичны вспуханию и сокращению мускулов под кожей человека при ходьбе, только «мускулы» маатанина были твердыми, кристаллоподобными. Он превратился в металлическую глыбу, напоминающую грубую скульптуру человека с горбом головы.

В мозгу Шаламова высветились слова:

— Проанализ полученные сведения хомо да. Ориентациеры нет функционира... нет информации положение проникател два... кто район галактика мы... нет...

— Этого и я не знаю. Наши проникатели пересеклись «на струне» и выпали в евклидовом пространстве, причем не просто в пространстве, а внутри горловины «серой дыры». Термин знаком?

— Термин знакомство да... нормальное проникател у цел...

— К сожалению, нас потихоньку затягивает в глубь «дыры», придется садиться на поверхность планеты, которую я обнаружил, хотя и не понял, откуда она взялась.

— Загде... нет да. Так... зачто... нет... зачем... вопрос.

— Вы хотите провалиться в «дыру»?

— Да так есто... необходимое... утверждение.

— Благодарю покорно! Мне с вами не по пути. Если за время полета к планете никто не откликнется, я буду садиться.

Огненные ленты перестали трепетать в голове Шаламова, маатанин «замолчал». Шаламов выжидательно смотрел на него, чувствуя, что блокада собственной воли начинает сдавать, тошнота подкатывает к горлу и темнота небытия накрывает его душной и болезненной волной. К тому же то и дело руки и ноги начинали казаться манипуляторами или гибкими рукавами-шлангами — давал знать синдром механошока после прокочки через мозг памяти компьютера.

Ощущение взгляда со стороны внезапно исчезло, будто выключили пси-излучатель. Металлическая гора «черного человека» опала на «журавлином гнезде», расплылась. Пилот понял, что маатанин потерял сознание. Впрочем, он сам был на грани срыва, езда на «мустанге» отняла немало сил и здоровья. Пробормотав извинение, Шаламов доплелся до рваной дыры в gondole своего шлюпа, свалился в кресло и поплыл в забытье, не чувствуя, как корабль начал осторожно лечить, массажировать, кормить и поить своего господина.

«Кентавр» с прицепом маатанского корабля достиг обнаруженной планеты спустя трое суток.

Человек очень быстро привык преодолевать колоссальные межзвездные расстояния, которые свет преодолевает сотни, тысячи и даже миллионы лет, и упустил из виду, что без своих совершенных машин для преодоления пространства он становится абсолютно беспомощным, случись авария или какое-то происшествие, обрекавшее его на вечное блуждание между звезд. И хотя подобные происшествия случались редко, каждый из попавших в беду разрабатывал философию одиночества, буквально потрясенный открывшейся перспективой. Шаламов тоже был потрясен, хотя закалка характера и не позволила ему поддаться панике...

За время подлета к планете он дважды пытался завязать беседу с маатанином, который то и дело проваливался в «коматозное состояние», но помощи так и не попросил, а на предложения пилота отвечал равнодушным: «Хомо гуманоидо жидкие Землие да нет», — что в устах «черного человека» соответствовало, наверное, старой поговорке, переицзованной на новый лад: «гуманоид негуманоиду не товарищ».

С помощью диагностера и Джорджа Шаламов, как мог, обследовал «черного нигилиста» и пришел к выводу, что жить тому осталось немного: запасы энергии у маатанина почему-то истощались гораздо быстрее, чем снабжала его собственная система жизнеобеспечения. Впечатление было такое, будто энергия от питателей утекает в какую-то «черную дыру» внутри маатанина, и в то же время приборы вопреки смыслу отмечали в теле «черного человека» громадные запасы

энергии. Почему он не мог ими воспользоваться, было непонятно.

Надо было что-то делать, но пилот не знал — что. «Черный человек» был прав: земная медицина не могла ему помочь, не имея понятия о метаболизме негуманоида, параметрах обмена и жизненных циклах.

Шаламов еще раз попытался обследовать чужой корабль в надежде найти живого и здорового члена экипажа, и снова потерпел неудачу. От электрических разрядов «мустанга» он защитился, надев пленочный скафандр, но обследовать гигантский «проникатель»-космолет за несколько часов, не зная принципов смены координат выхода лифта, было невозможно. «Мустанг» выбрасывал его то под купол башенки, торчащей на воротнике «панциря черепахи», то в глубокие колодцы, то в широкие гrotы с мерцающими сводами, заполненные таинственными движущимися или неподвижными предметами, однако живых маатан, равно как и мертвых, в этих помещениях не нашлось.

В башенке, стены которой были оптически прозрачными, Шаламов задержался, с невольным благоговением любуясь сиянием Горловины, как он стал называть вход в «серую дыру». Подумал: поверит ли кто-нибудь его рассказу? Ведь чтобы оценить своеобразие «серой дыры», ее надо увидеть. И все же он попробует рассказать... если вернется. Обязан вернуться! Спасатель всегда должен возвращаться, иначе какой он тогда спасатель.

Шаламов прищурился, вглядываясь в лучистое мерцание воронки «серой дыры», сходящейся в точку на пределе видимости. Куда же ты ведешь, самая древняя из «струн»? В какие измерения, в какие пространства? Осью какого мира ты служишь? И почему ты «не заросла», как другие «серые дыры»? Может быть, не только я один «провалился» в Горловину? Ведь оказалась же здесь каким-то чудом целая планета! Улыб-

нись, Фортуна, помощи встретить своих, и даже если не своих, то хотя бы друзей-гуманоидов...

Вернувшись на корабль, Шаламов попытался помочь Джорджу с ремонтом станции связи, но координатор, сам травмированный при аварии, не принял его предложения и снова обиделся, перестав разговаривать. В это время «Кентавр» догнал тело, которое Джордж принимал за планету, и ошеломленный Шаламов наконец разглядел, что это такое на самом деле.

Перед ним висел, медленно вращаясь, слабо освещенный сиянием Горловины колоссальный куб размером с небольшую планету типа Марса! Как и нормальная планета, он имел сфероидальную атмосферу, над которой возвышались лишь «горные пики» углов куба, и моря, занимавшие большую часть каждой грани. В центре каждого моря располагались архипелаги больших и малых островов, а материков Шаламов не заметил вовсе, если не считать «материками» ребра планеты-куба, играющие здесь роль горных хребтов. На базе своих знаний и логических умозаключений Шаламов мог смело назвать это тело искусственным объектом, но что-то останавливало его сделать окончательный вывод, какие-то неясные предчувствия да еще соседство «черного человека», который признался, что цель его полета — именно «серая дыра». Не их ли это сторожевой пост у входа в Горловину? Правда, не видно развитой инфраструктуры, которая должна иметь место, будь планета населена расой конструкторов куба, и обширной сети искусственных спутников и станций, формирующих архитектуру околопланетного пространства. По всем признакам планета необитаема, хотя по данным экспресс-анализа имеет кислородную атмосферу.

К тому же мнению склонялся и Джордж, несмотря на открытие им на островах каких-то почерневших развалин. Шаламов тем не менее обрадовался, углядев шанс встретить обитателей развалин и попросить у них помощи. Не привыкший сокрушаться по несбывшимся на-

деждам, он ввел себе стимулятор, подключил мозг через Джорджа к искалеченной системе датчиков, исполнительных машин и контуров защиты дисциплинатора и принялся сажать почти неуправляемую связку шлюпа с маатанским кораблем на одну из граней куба.

Когда все закончилось, Шаламов с неожиданным сочувствием вспомнил о «черном человеке», потрогал свои соленые губы, не то от крови, не то от пота, подумал: губы у меня, кажется, всмятку, и потерял сознание.

Пришел в себя через пять часов, так велики были потеря сил и «засорение» мозга информационными шлаками — сигналами регистраторов, радаров, исполнительных вычислителей траектории, отработчиков команд,— чем обычно оперировал только координатор. В голове шумело, перед глазами все плыло и шаталось, руки не слушались, но пилоту удалось перекинуться парой слов с координатором, после чего, успокоенный, он снова впал в беспамятство и проспал около семи часов, не чувствуя, как медицинский комплекс, отвечающий за здоровье хозяина, пытался лечить его, поить и кормить, подавая питающие, укрепляющие и стимулирующие препараты прямо в кровь.

Проснулся почти свежим, бодрым, отдохнувшим и первым делом проверил состояние маатанина: «черный человек» был жив, судя по медленной пульсации электрических и пси-полей в его теле, однако на пси-контакт не шел.

Шаламов определил положение «Кентавра» и остался доволен своим мастерством: грохнулись они точно по расчету — «черепеха» чужого корабля послужила посадочной «подушкой», а шлюп сыграл роль наездника. Теперь предстояло заняться внешним осмотром и попытаться найти аборигенов, способных хоть как-то помочь в беде. Пилот еще раз проверил данные экспресс-анализа и с неохотой констатировал, что придется-таки надевать если не скафандр, то, во всяком случае, маску.

фильтр: воздух планеты-куба, несмотря на присутствие кислорода и азота, имел иной изотопный состав, дышать им было нельзя.

Экипировавшись для пробной вылазки, Шаламов разблокировал люк и с трудом, сдерживая проклятия от ломоты в суставах, вылез на смотровой балкон в корме «Кентавра».

Сначала его оглушила странная смесь сладковатых и кисло-острых запахов, сбив дыхание: кипрей, клевер, полынь, аммиак, окись азота и озон; маска-фильтр пропускала практически все безвредные газовые смеси, задерживая только ядовитые, опасные для здоровья и совсем незнакомые. Потом показалось, что он оглох: тишина стояла, как в вакууме, — по первому впечатлению.

Обычного для дневной поры на любой «нормальной» планете солнца в небе не было, но света хватало: казалось, он льется отовсюду, не давая теней, окрашивая небо в нежно-розовый с перламутровыми переливами цвет. Левая часть небосклона скрывалась за грядой высоких, кипенно-белых, с яркими рубиновыми прожилками облаков.

Холмистая равнина уходила вперед до горизонта, справа переходила в каменистое плато и заканчивалась группой невысоких желтых скал, а слева, совсем недалеко от упавших космолетов, начинались необычные, черные, словно недавно сгоревшие, развалины большого города, состоящего, насколько хватал глаз, из одних толстых, пересекающихся под разными углами стен. Ни одной крыши Шаламов не заметил, как, впрочем, и других деталей, соответствующих понятию архитектуры городской застройки: стены, стены, стены до горизонта, черные вверху и светлеющие до пепельного оттенка к основанию.

— М-да, — промычал Шаламов, переживая острый приступ желания проснуться. — Не хватало мне стать причиной какого-нибудь межпланетного конфликта...

Он вернулся в кольцевой коридор и сформировал смотровой балкон с противоположной стороны.

«Черепаша» маатанского корабля пропахала при посадке широкую и глубокую борозду в почве планеты, и над этой серо-зеленой бороздой вспыхивали снопы долго не гаснущих искр, которые Шаламов принял поначалу за бабочек или мелких светящихся птиц.

Интересно, подумал пилот, если причина пожара в городе — не мое приземление, а это видно, слава богу, невооруженным глазом, мы до города не доползли, то когда и по какой причине он сгорел?

С высоты в триста с лишним метров было видно, что воды моря, окружающие остров со всех сторон, похожи на расплавленный янтарь или на мед. И никого и ничего на глади моря, никого и ничего в воздухе, небо пустынно и чисто. Тишина...

Что ж, пока нам не на что жаловаться, если следовать принципу оптимизма. При столкновении «Кентавр» не взорвался — первая удача. Не попадись в Горловине планета-куб, его могло затянуть в «серую дыру» — удача номер два. Промахнись он в остров — утонул бы в море-океане, попробуй вылезти оттуда! Осталось разобраться с аборигенами: раз есть город, значит, должны быть и его хозяева. А коли так, то появляется шанс выбраться отсюда и помочь маатанину. В таком случае нарекаем эту планету, этот шедевр кубизма именем Шанс, и да поможет нам Фортуна! Амины!

Уложив таким образом «по полочкам» имевшуюся информацию, Шаламов мог теперь как следует рассмотреть маатанский корабль-«проникатель» при почти дневном освещении и еще раз убедиться в том, что технические сооружения негуманоидного разума, переживающего технологическую стадию эволюции, необычны, удивительны и кажутся далекими от совершенства, хотя на самом деле просто функционально приспособлены решать задачи своих повелителей, смысл и цели которых зачастую так и остаются непонятными людям.

Корабль маатан только издали напоминал черепаху, а с расстояния в семьдесят метров он походил на обросшего полипами, ракушками, водорослями и прочей свешивающейся и мигающей живностью исполинского кита. Непривычного человека это зрелище привело бы в содрогание, но Шаламов в бытность свою разведчиком-первопроходцем повидал немало на своем веку, в том числе по-настоящему жуткого и чудовищного, поэтому он только отметил знакомые геометрические формы и мимолетно подумал, что маатанину свой корабль починить будет гораздо сложнее. Если только он выживет в этой передрыге...

Подкрепившись питательным и вкусным к тому же бульоном, Шаламов предпринял новую попытку разбудить «черного человека», но тот не отзывался, застыв бугристой, черной сверху и бронированной снизу, похожей на старого сивуча тушей. Тогда пилот переделался в кокос — компенсационный костюм спасателя, имеющий ко всем своим достоинствам еще и прямую связь с координатором, нацепил антиграв, респиратор и вышел в вечный день чужого мира, которому название Шанс.

До развалин города решил пройти пешком. Идиллическая тишина настраивала на философские размышления, а прекрасная ласковая погода, напоминающая земное бабье лето умеренных широт, призывала к умиротворению и спокойствию. Джордж включил исследовательский комплекс и объяснил здешнее «лето» равномерным потоком тепла, идущим из глубин моря, а значит, из ядра планеты-куба, и поддерживающим на планете одинаковые условия. Сгоревшие закопченные развалины, к которым подходил Шаламов, никак не вписывались в концепцию безмятежного, размеренного бытия планеты. Что же здесь случилось, черт побери?!

Шагая по негустой желтой траве, Шаламов спустился с холма, в который упирался уродливым носом маатанский корабль. При каждом шаге с травы срывался рой электрических искр и оседал на сапогах. Воздух

был насыщен электричеством, как облако, готовое пролиться дождем — влагой, и кожу на щеках и на лбу слегка пощипывало при ходьбе.

Шаламов принялся: спектр запахов стал иным, видимо, аппарат обоняния уже адаптировался и не реагировал столь остро на незнакомые радикалы. Преобладающими стали запах озона и горьковато-нежный запах, напоминающий аромат масличной пальмы.

Координатор, подключенный контуром пси-связи напрямую к мозгу, пробудился и выдал двадцать семь наименований пахучих веществ, составляющих общий фон запахов здешних мест. Потом предупредил об «электрических карманах» — неизвестной глубины круглых ямах, заряженных статическим электричеством, которые встречались довольно часто и были, похоже, разбросаны по всему острову. Шаламов выслушал сообщение, пожал плечами и обошел яму на почтительном расстоянии.

Черно-серые стены города приблизились и накрыли спасателя ощутимо теплой тенью. Датчики, встроенные в костюм, сообщили температуру стен: около сорока двух градусов по Цельсию. Шаламов с недоумением взгляделся в представшие перед ним развалины. Больше всего они напоминали сrostки неровных стен разной толщины — от двух дециметров до двух метров, разной длины и высоты: ничего похожего на геометрический порядок, расчет, логику и гармонию, соответствующие понятию пилота об архитектурных сооружениях. Но главное, что развалины, низкие и редкие на окраине, вскоре переходили в поистине непроходимые «заросли» из черных стен, перегородок, перепонок, буквально сросшихся в шеренги, лабиринты, «беседки», в «хижины» и «дворцы» без кровли, с окнами-дырами и дверями-провалами... Температура воздуха в городе была градусов на двадцать пять выше, чем вне его, повысилась и концентрация горьких примесей.

Шаламов забрел в тупик, остановился и потрогал

стену ближайшего здания: поверхность стены была бархатистой, горячей на ощупь, как шкура живого существа, с тонким муаровым рисунком, видимым только вблизи и напоминающим загадочные письмена, и она... вздрагивала! Шаламов приблизил ухо к стене и уловил внутри ее медленную пульсацию какой-то жидкости.

«Господи, да они живые! — сообразил он. — Клянись Купавой, живые! Ведь я слышу пульс, гул пробивающейся по сосудам крови!..»

С минуту он прислушивался к четким, размеренным ударам сердца исполина и не сразу расслышал мысленный «шепот» координатора:

— Догадка верна с вероятностью ноль восемь. Отмечаю повышение пси-фона в районе города, рекомендую вернуться.

Тут только пилот понял, почему у него при углублении в город появилось ощущение чьего-то скрытого присутствия, взгляда в спину: он и в самом деле находился внутри большого скопления биомассы, обладавшей разветвленной нервной системой, которая и создавала пси-фон, биоизлучение «мысленного эха». Спасатель скомандовал антиграву подъем и взлетел над «живым городом», внимательно вглядываясь в сплетение «улиц», «переулков», узких извилистых проходов, двориков, «площадей» и открытых «зданий». Теперь было ясно, что ни о какой системе в скоплении сросшихся стен речь не идет, перед человеком располагался самый настоящий лес! Выросший по своим законам, странный, жутковато похожий издали на развалины сгоревшего города, состоящий из «живых» деревьев-стен, но лес!

Шаламов записал картину стенолеса на видео и поднялся выше.

Остров оказался плоским — в пределах холмистого рельефа, большим, а главное — идеально круглым, будто был вычерчен гигантским циркулем, и не имел береговой линии с пляжами и рифами. Он выступал из морских вод метров на сорок гладким цилиндром и будил

в памяти ассоциации искусственных морских платформ Земли. Впрочем, Шаламов не слишком удивился сходству, вспомнив, что форма планеты — куб, искусственное происхождение которого не вызывало сомнений.

Остров почти полностью зарос «развалинами», «Кентавр» на черепахе маатанского корабля сел на его краю, а в самом центре острова пилот разглядел какое-то колоссальное сооружение: храм не храм, но нечто в этом роде, удивительно красивое, поражающее законченностью форм и эстетическим совершенством. У Шаламова даже дух захватило от поднявшегося волнения, хотя спустя минуту он отметил и некоторые отклонения в симметрии «скульптур» сооружения, нарушения в его структуре и очертаниях. Оно недостроено, понял он без подсказки координатора. Значит, где-то поблизости должны бродить и сами строители? В таком случае надо срочно готовиться к нештатному контакту, чтобы предстать пред светлые очи хозяев в нужной кондиции, не то пойдет гулять по здешнему миру легенда о небритом пришельце.

Порадовавшись своей проснувшейся способности не унывать в любой ситуации, Шаламов утихомирил боль в грудной клетке и помчал домой, где ждал его холодно-вежливой, но все же заботливый Джордж.

4

Маатанина он застал в тот момент, когда «черный человек» самостоятельно пытался заняться ремонтом рубки. Тот, кто метко назвал маатан «черными людьми», смотрел в корень: во-первых, маатанин, по сути, до сих пор оставался загадкой, «черным ящиком», никто из земных ученых не обследовал его и не знал параметров жизнедеятельности, а во-вторых, при движении он чем-то

напоминал человека, вернее, карикатуру на него, грубый слепок.

Он слез со своего гнездоподобного кресла и медленно пополз вдоль стены рубки, превратив нижнюю часть тела в «ногу улитки». Шаламов никогда не видел, как передвигаются маатане, поэтому с любопытством и жалостью смотрел на слабые попытки коллеги разобраться в обстановке.

Черная сгорбленная фигура с намеками на плечи, голову и руки, одетая по пояс в сверкающие многогранные зеркала, колыхаясь при каждом шаге, как металлоподобный студень, тяжеловесно доползла до стены и замерла. «Кожа» верхней части туловища встопорщилась мелкими кристалликами и стала похожа на крупнозернистую наждачную бумагу. Одно «плечо» маатанина претерпело несколько быстрых трансформаций, меняя форму в строго детерминированном диапазоне геометрических фигур, и вдруг прошло сквозь стену. В то же мгновение «гнездо» в центре рубки превратилось в «жидкую» стеклянную чашу и скользнуло к маатанину, который без сил рухнул в нее грудой кристаллов разных размеров и форм.

— Осторожнее! — Шаламов подскочил к упавшему «черному человеку». — Не хватало мне еще собирать тебя по частям. Помощь нужна?

— Ничто... — высветилось перед глазами. — Нет помоч... нельзя да хомо командо зона операции... без мой да вход нет... нет понятное... вопрос.

Маатанин снова сформировал свое непослушное тело и полез в стену зала, но теперь ему было легче передвигаться по рубке — бывшее «гнездо» стало подчиняться его командам и превратилось в тележку-антиграв, перемещающая хозяина со скоростью корабельного «мустанга». Однако энергии у «черного» хватило ненадолго. Он успел только включить экран, по которому тотчас же поплыли вереницы странных знаков, и потерял со-

знание — превратился в безжизненную глыбу не то металла, не то камня.

Шаламов вздохнул. Помочь маатанину он не мог, а сочувствием сыт не будешь. Он даже накормить коллегу не мог, не зная, чем питаются негуманоиды и каким способом. Может быть, попробовать подсоединиться к компьютеру его корабля? — мелькнула мысль. Должен же у них быть компьютер или что там его заменяет — вычислитель-водитель, автомат.

— Подобное подсоединение стопроцентно гарантирует психическое расстройство, — буркнул Джордж. — А то и аннигиляцию личности. Тебе мало того, что получил? Да и откуда я знаю, на каких принципах работают их компьютер и каким образом к нему можно присоединиться?

— Нашел бы, если бы захотел... — Шаламов автоматически проверил экипировку. — Ладно, это беспредметный спор. Надеюсь, хозяева Шанса... знаешь, давай лучше назовем этот куб Стражем, вернее Стражем Горловины, а? Так вот, хозяева Стража Горловины должны помочь нам подчиниться или хотя бы доставить «черных людей» на родину. Ну и нас, конечно.

Выйдя наружу, пилот бегло оглядел тело «Кентавра», глубоко вонзившееся в маатанский корабль, как нож в пень по самую рукоятку, вздохнул и направил полет к «храму», с хладнокровным автоматизмом выполняя привычную работу разведчика: видеосъемку, замер параметров среды и наблюдение за всеми объектами, способными представлять опасность. Правда, в данном случае самыми опасными объектами были маатанский корабль и приближающийся «храм».

Чем ближе подлетал к нему Шаламов, тем необычнее становился облик колоссального строения. Оно на глазах теряло красоту контуров, четкую структуру, эстетику плавных гармоничных переходов, грубело и корежилось, пока не превратилось в топорную неизящную постройку-барак из плохо пригнанных многотонных глыб, пористых

стен, гнутых перепон, балок и витых поверхностей с невообразимо сложной системой связей и растяжек. Растерянный пилот затормозил, не веря глазам. То, что выросло перед ним, больше напоминало взорванный, но не разлетевшийся, а склеенный неведомой силой в момент разлета грузинский мгвиловани — пещерный город. Пилот несколько минут разглядывал хаос «каменных» глыб и блоков, потом сдал назад. По мере того, как он удалялся от строения, жуткие вблизи разрывы, дыры, выпуклости и горбы складывались в красивый затейливый узор, корявые балки, столбы и шпильки превращались в изящные башенки, мелкие детали исчезали, рассасывались на общем фоне, и вскоре перед потрясенным пилотом предстал великолепный «дворец», сотворенный явно не человеческими руками, но с подобными человеческим размахом и фантазией.

— Ёлки-палки! — сказал Шаламов негромко. Полубовался на «дворец», приблизился к нему вплотную и вернулся в исходную точку: метаморфозы чужого строения не исчезли, оно то становилось «храмом», достойным богов, то превращалось в жуткий ансамбль слепо-лепных кое-как развалин. Причем пилот теперь убедился в том, что это чудовищное сооружение не недостроено, как ему показалось вначале, а, наоборот, начинает разваливаться от старости: вблизи хорошо были видны иззубренные бреши в его стенах и обрушившиеся вниз блоки, погнувшиеся, корявые, неровные балки, похожие больше на гигантские кости и сухожилия с утолщениями и наплывами.

— Что ты на это скажешь? — обратился пилот к Джорджу.

— Не имею полной информации... — завел было обычную песню координатор, но Шаламов его перебил:

— Дай прогноз и перестань дуться, мы оба в одинаковом положении. Или хочешь остаться здесь?

Координатор поперхнулся и не отвечал несколько секунд, потом выдал сигнал метронома, что в переводе на

человеческие эмоции соответствовало растерянному покашливанию, и сказал:

— Замечание учту. Даю прогноз: судя по этому сооружению, отсутствию развитой инфраструктуры и спутниковой архитектуры, планета имеет нуль психозоя, несмотря на все признаки искусственности.

— Иначе говоря, хозяев здесь нет,— уточнил Шаламов. — А может быть, перед нами памятник старины? И хозяева живут на других островах, а этот — заповедная зона?

Джордж промолчал. То ли учел замечание пилота, то ли сумел заменить несколько поврежденных нервных узлов и понемногу приходил в себя, обретая былую интеллектуальную форму.

«Приду — проверю», — подумал Шаламов, блокируя канал пси-связи с координатором. Похоже, придется поработать с оптимизатором, сам Джордж вряд ли вылетит себя полностью.

Пилот осторожно опустился на горизонтальный участок одной из угловых башен сооружения, похожей на полый складчатый волдырь, усеянный рваными дырами, словно по нему стреляли из гранатомета. Материал крыши, мутный, зеленый, как старинное бутылочное стекло, на камень или металл не походил.

— Кремнийорганика с примесями солей бора, — сообщил Джордж. — Хотя я могу и ошибаться.

— Пора взяться за исследования всерьез, если мы не хотим неприятных сюрпризов здешней природы. Наш исследовательский комплекс сдох, попробуй расконсервировать «пчел» из основного груза, если, конечно, он не поврежден.

— Извини, шкипер, «пчел» я уже запустил, сохранилось всего три контейнера, около сотни штук. Пока есть ресурс, они будут работать.

Как и любой спасательный шлюп, «Кентавр» имел киб-систему анализа полевой обстановки, «пчелы» были рабочими органами этой системы, сборщиками информа-

ции, но так как оборудование шлюпа пришло в негодность в результате столкновения, Джордж догадался использовать «пчел» из перевозимого «Кентавром» оборудования.

— Маяк все еще не работает?

— Ему досталось больше всего, ремонту практически не подлежит. Я пытался запустить дубль, но и он, вероятно, влип в материал чужого корабля всем рабочим объемом.

— Вот повезло, а? Нечем даже хозяев позвать, разве что покричать караул.

Шаламов включил антиграв и, преодолевая взявшийся откуда-то ветер, сквозь одну из дыр в оболочке опухолевидной башни влетел внутрь. В то же мгновение его подняло вверх и вжало спиной в купол потолка. Внутри башни царил невесомость!

Вот откуда здесь сквозняк, сообразил Шаламов, а развалины-то функционируют! Не получилось бы, как с прогулкой по маатанскому «проникателю»...

Он уравновесил себя в центре башни и осмотрелся.

Здесь было довольно светло, стены башни казались обмазанными толстым слоем слабо светящейся икры. Пол помещения сходиллся двумя неровными оплывшими конусами к двум отверстиям. Одно из них напоминало прорубь во льду, затянутую свежим морозным узором, второе давилось мраком, осязаемо густым, как желе. Шаламов осторожно приблизился к отверстию и заглянул внутрь. Он увидел длинный мрачный туннель, уходивший куда-то глубоко в недра здания, а на дне его мерцал странный багровый отблеск, будто там догорал костер. Интуиция подсказывала пилоту, что идти в этот туннель не стоит.

— Ты согласен со мной? — позвал он координатора.

Никто не ответил.

— Проводник, в чем дело?

Молчание. Глухая ватная тишина и в пси-диапазоне.

Этого еще не хватало! Выходит, стены экранируют все виды связи?

Шаламов полюбовался на «прорубь», испытывая желание разбить «лед» рукой, потом на уходящий вниз туннель с «отблесками костра», вспомнил Верхарна: «Пространство, сплющенное между скал, смотрело на него горящими глазами», — и вылетел из башни наружу. Время экспедиции по чужому зданию неизвестного назначения еще не пришло. Тотчас же послышался мысленный «голос» координатора:

— ...дите! Даниил, почему молчите? Где вы? Я вас не слышу, сообщите координаты местонахождения... — Джордж нервничал и перешел на «вы».

— Все в порядке, старина, я никуда не исчезал, здесь, оказывается, зона блэкаута*. Не паникуй, если связь снова прервется, попробуй на всех доступных диапазонах еще раз позвать хозяев. На нашем острове их явно нет, но ближайшие острова могут быть заселены.

— Мощности уцелевшего радиопередатчика не хватает даже на двести километров, но я давно пробую, вторые сутки.

— Как там наш «черный друг»?

— Плакал.

— Что?!

— Это образное выражение, — поправился Джордж. — Он очнулся, посидел у экрана, минут пять издавал жалобный стон в звуковом диапазоне вместе с пси-волной тоски и горя — во всяком случае, очень похоже — и снова отрубился.

«Парень совсем ослабел, — подумал Шаламов озабоченно. — Кто знает, сколько ему жить осталось. Да и мои резервы не бесконечны, надо поторопиться с поисками аборигенов, не может быть, чтобы никого из них не осталось на целой планете. Сюда я еще вернусь, поищем вокруг».

---

* Б л э к а у т — полное прекращение радиосвязи.

Он облетел остров вдоль и поперек, но не обнаружил ничего, кроме «развалин леса». Остров был безлюден, если применять термин земного языка к отсутствию неведомых обитателей планеты, хотя в зарослях «стенолеса» вполне могли жить какие-то представители здешней фауны.

Понаблюдав за изумительно ровной и гладкой — ряби почти не было — поверхностью словно светящегося изнутри янтарно-медового моря, Шаламов затропился домой, с нарастающей тревогой обдумывая слово «плакал», которым координатор охарактеризовал состояние маатанина. Конечно, ни о каком внешнем сходстве речь не шла, негуманоид не мог ни плакать, ни смеяться так, как это делал человек, но что его состояние близко подошло к критическому, было видно невооруженным глазом. А при подлете к сросшимся кораблям пилот стал свидетелем работы маатанской техники.

Горб «проникателя» вспучился, выросший волдырь — грузовой люк по-маатански — лопнул и со скрежетом выплюнул нелепую черную конструкцию, изломанную фантазией ее конструкторов, чем-то напоминающую безголового Змея Горыныча. Дребезжа, как разболтанный вентилятор, она зависла на несколько мгновений над десятиметровым отверстием люка, встопорщила черные лохмотья перепончатых крыльев и перьев и косо пошла в небо, исчезла в розовом сиянии.

— Наверное, зонд-автомат, — подал голос координатор.

— А где наши?

— Трудятся всюю, принимаю информацию, хотя исправен всего один канал.

— Готовь к походу куттер, через час попробую облететь планету и поискать хотя бы одну живую душу.

Шаламов вернулся в корабль и первым делом навестил маатанина. «Черный человек» был в сознании и торчал перед своим экраном, густо усыпанным светя-

щимися, меняющими форму узорами, но едва ли он видел эти узоры так, как человек, обладая совершенно другим аппаратом зрения.

— Он должен видеть в ультрафиолете и мягком рентгене, — подтвердил координатор. — Хотя не исключено, что диапазон его зрения сдвинут и в фиолетовую область видимого света.

— Если у него рентгеновское зрение, представляю, каким он видит меня: скелет в сапогах и шлеме. — Шаламов подошел ближе к маатанину. — Как ты себя чувствуешь, дружище?

«Черный человек», не шевелясь, «оглянулся» — пилот почувствовал на себе его взгляд, — но не ответил. Только по шершавой пупырчатой коже конвульсивно пробежала волна более крупных кристалликов.

— Могу я все-таки чем-нибудь помочь? Например, что-нибудь отремонтировать...

— Жидкие Земле хомо нет помоч... утверждение... совсем другой... себе нет помоч глуп да... больше нет беседа время да...

«Ну и что ему ответить? — с досадой подумал Шаламов. — Доказывать, что кто-то из конструкторов их «проникателей» самовольно поменял диапазон частот «генераторов струны»? Он не поймет... потому что не хочет понимать. Винить друг друга во всех смертных грехах — последнее дело, неужели он не понимает, что друг без друга нам не обойтись?»

«Черный человек» равнодушно «отвернулся» — давление его тяжелого взгляда исчезло — и занялся своими делами, а через минуту расслабленно оплыл в кресле, потеряв сознание. Он был невероятно слаб и так же невероятно упорен и не хотел — хоть убей! — просить помощи у какого-то там «жидкого хомо». Какие чувства руководили им? Гордость? Презрение? Равнодушие к судьбе «недоразвитого землянина», к своей собственной судьбе? Или понимание обреченности? И вообще облада-

ет ли чувственной, эмоциональной сферой негуманоидный разум?

Шаламов впервые пожалел, что мало интересовался раньше ксенопсихологией.

— У меня есть кое-какие данные из этой области, — откликнулся Джордж. — Мы знаем всего две негуманоидные цивилизации: маатанскую и орилоухскую. Ни те, ни другие в контакт с нами не вступают. Причины такого странного отношения к разуму мне неизвестны, вероятно, оно традиционно. Знаю только, что орилоуни обладают зачатками психокультуры и своеобразным искусством, что уже предполагает наличие эмоциональной сферы, однако их этика и мораль настолько отличны от человеческих, что всякие аналогии исключены. На то, что у нас вызывает смех или любопытство, они реагируют иначе, и точек контакта наши ксенопсихологи пока не подобрали. С маатанами, по-моему, положение примерно такое же.

— Что ты подразумеваешь под искусством негуманоидов? Цель искусства вообще — заставить работать мысль и воображение аудитории выше привычной нормы. Но это человеческий подход к проблеме, а как с этим у негуманоидов?

— Я просто констатирую факт утверждения ксенопсихологов об искусстве Орилоуха, больше ничего добавить не могу.

— Понятно, извини.

Шаламов вздохнул с сожалением, не видя выхода из создавшегося положения. Бредовая идея с подключением к памяти маатанского компьютера, чтобы тот сообщил ему варианты спасения хозяина, снова всплыла из трюсины трезвой оценки происходящего, но пилот поспешил утопить ее коротким выпадом сарказма: не сходи с ума! Если уж подключение собственной автоматики к мозгу едва не повлекло фатального исхода, до сих пор ломота в костях от разного рода электромагнитных «шумовых» наводок, то что же получится при выходе на мозг чуже-

родной информации, да еще закодированной неизвестным образом? Нет, самый реальный выход из положения — как можно быстрее отыскать хозяев Стража Горловины, маатанин, судя по всему, долго не протянет.

Пилот отдохнул в своей уютной гондоле, запустив кассету психоразгрузки: луг, опушка березового колка, речной откос, вдалеке стадо коров, идиллия! — вытерпел массаж основных групп мышц и незаметно для Джорджа подключил к цепи управления оптимизатор интеллекта. Это был своеобразный «массаж» для позитронного мозга координатора, способствующий регулированию его мыслительной деятельности и компенсации возможных «шизофренических» синдромов, возникающих в результате «болевых» шоков после повреждений кристаллической структуры мозга. Джордж отреагировал немедленно:

— Отмечаю нерасчетные колебания контурных связей и наводки в периферийных цепях. Причин такой «щекотки» проанализировать не могу из-за отсутствия данных. Встревожен.

— Успокойся, проводник, — сказал довольный Шаламов. — Все в порядке, это вмешалась машинная терапия, терпи, как терпел я. Твоя фармакопоя, кстати, что-то слабовата, никак не может справиться с ломотой в костях, дал бы что-нибудь посерьезней.

— Посерьезней может быть только удар по затылку.

— О, кажется, подействовало! Ты уже юморишь. Машина готова?

— Как штык, — после заминки ответил координатор. — Не могу не согласиться, что мне такая терапия приятна, но почему я ничего не знаю о существовании на борту «машинной медицины»?

— Потому что это резервная сеть, рассчитанная на аварию с тяжелыми последствиями, и подконтрольна она только мне. Не обижайся, многое из того, что делают люди, рассчитано на их спасение ценой... э-э...

— Понял, — сухо отрезал Джордж и неожиданно

связил: — Раньше люди, не надеясь на интеллект отдельных индивидуумов, предусматривали для компьютеров «защиту от дурака», а теперь решили перевернуть формулу. Поздравляю!

Шаламов опешил, не сразу разобравшись в юморе координатора, но потом не выдержал и засмеялся: по сути, Джордж был прав — оптимизатор являлся своеобразной «защитой дурака от компьютера». Значила ли реплика проводника, что он вошел в форму?

Ответом был короткий смешок Джорджа. Они поняли друг друга.

Куттер ждал пилота у аварийного люка, стремительный и красивый, похожий на плоского ската-хвосткола. Судя по высвету готовности на терминале ручного управления — полупрозрачном квадрате с набором сенсоров, используемом только при отказе системы психического управления, — Джордж перекачал из «баков» «Кентавра» в емкость аппарата почти все оставшиеся крохи энергии.

Шаламов устроился в мидель-захвате аппарата — пилот в куттере не сидел, а полулежал лицом вниз, упираясь в тубус обзорной сферы, — нахлобучил тугой шлем эмкана, как в обиходе называли пси-рацию все пользователи, и рванул куттер с места в джамп-режиме.

5

За двое суток, почти без сна и отдыха, он облетел практически все острова всех шести морей на шести гранях планеты-куба, убедился, что острова похожи друг на друга, как две капли воды: выступающие из янтарного моря верхушки цилиндров с плоской вершиной — и все сплошь покрыты зарослями «стенолеса». Кроме того, пилот обнаружил около сотни построек, похожих на первый «храм» у корабля, похожих не очертаниями, а парадоксальной особенностью восприятия: издали они

казались совершенными, красивыми, хотя и необычными, сработанными без единого изъяна, однако вблизи производили впечатление полного разгрома, — но нигде не встретил хозяев планеты или свежих следов их присутствия. Возраст построек по осторожной оценке Джорджа везде был примерно одинаков и подходил к сотне тысяч лет, но развалинами они все же не были, внешний их разрушенный вид имел какие-то другие причины.

Однажды Шаламов встретил невиданный ранее летательный аппарат, издали похожий на красивого парящего кондора, но вблизи «кондор» смотрелся, как сварганенный кое-как, из чего попало, воздушный змей, ничуть не напоминающий величественную земную птицу, и на сигналы не реагировал совершенно, направляя полет к одному ему известной цели. Может быть, то был автомат аборигенов, контролирующий состояние среды, а может, и маатанский зонд, исследующий новый мир.

Получая новые и новые порции сведений о кубообразной планете, Шаламов все больше убеждался в том, что открыл искусственный объект, созданный еще одной негуманоидной расой. Особенно изумляли его «леса Стража, до умопомрачения похожие на настоящие развалины сгоревших дотла городов, крепостей, замков или старинных заводов. Джордж предложил назвать это чудо местной флоры и фауны «вудволловыми лесами» от двух английских слов wood — лес, и wall — стена, и Шаламов, поколебавшись, принял предложение: вудволловый лес — звучало гораздо приятнее, чем прежнее «стенолес».

Устав так, что в который раз пришлось прибегнуть к укрепляющим и тонизирующим препаратам, пилот снова вернулся к мысли о прямом подключении к компьютеру маатанского корабля. Такое подключение при счастливом стечении обстоятельств помогло бы не только найти способ связи с маатанами, что в перспективе могло спасти и самого экспериментатора, но и найти метод

лечения маатанина. Однако шаг этот был настолько рискованным, что Джордж даже не захотел подсчитывать вероятность благоприятного исхода, одним словом, «дурак», охарактеризовав шансы пилота остаться живым и нормальным человеком.

Шаламов снова кинулся в поиск аборигенов, мучаясь несказанно от дикого напряжения: в управляющем компьютере куттера полетел дисциплинатор, и приходилось напрягать волю, чтобы куттер летел туда, куда надо, и не реагировал на «побочные шумовые» мысли пилота, сбивающие компьютер с толку. Мыслеуправление всегда требовало от водителей чрезвычайно строгой дисциплины мысли, Шаламов справился с управлением потому, что был одним из лучших драйверов-прима спасцентра с пятнадцатилетним опытом пилотирования любой техники.

Он сутки обследовал «горные хребты» ребер планеты-куба, монолитные, усыпанные крупными порами, но голые и безжизненные, насыщенные электричеством, а потом запасы энергии в емкостях куттера иссякли, и пилот с трудом дотянул до цилиндра-острова с «храмом», посадив аппарат за тридцать километров от сросшихся кораблей. Поплутав по «развалинам» вудволлового леса — антиграв без энергии тоже не тянул, — он за шесть часов кое-как доплелся до «Кентавра», и сил его хватило только на ответ Джорджу, взгляд на тушу «черного человека» и на решение о немедленной подготовке к подключению. Ждать до тех пор, пока у Джорджа кончатся и оставшиеся в наличии скудные запасы энергии, без надежды на их пополнение не имело смысла.

— Давай лучше подключусь к нему я, — предложил Джордж, когда Шаламов привел себя в порядок. — Риск намного меньше, к тому же я машина.

Пилот отрицательно помотал головой.

— Извини, старина, твои возможности самоподстройки в таких условиях невелики, а я специально тренирован на выживание в экстремальной среде. Вспомни, как

нас называют поэты, любители громких фраз? Правильно, рисконавтами. Ну а меня кто-то прозвал «сверх-рисконавтом СПАС-флота». Да и случись что с тобой, мне одному все равно не выкарабкаться, так что риск останется. Ты лучше помоги избежать первого вазомоторного шока. Запускай «пчел» внутрь этого маатанского монстра, даю тебе сроку на исследование корабля сутки. И час на анализ работы его компьютера. Больше ждать мы не имеем права, «черный» почти готов, а мы как-никак спасатели.

— От упрямства нет лекарства, — сказал Джордж сердито и надолго замолчал. Он тоже был почти мертв, энергии хватало лишь на минимум жизнеобеспечения кабины пилота и на исследовательские работы. Шансы починить «гавкнувшиеся», по выражению пилота, многодиапазонные накопители таяли с каждым часом, «Кентавр» давно перестал быть межзвездным спасательным шлюпом, восстановить его собственное и перевозимое им оборудование было уже невозможно.

Шаламов попробовал еще раз подключить к маатанину диагностер, но Джордж обругал его вредителем и посоветовал «подышать свежим воздухом»: земная медицина была бессильна дать прогноз здоровья негуманоида, не имевшего внутренних органов в обычном понимании этих вещей. А сам маатанин все с тем же беспощадным фанатичным упрямством не желал разговаривать, несмотря на бедственное положение, и в короткие минуты полного сознания отгораживался от пилота давящим мысленно-психологическим барьером; Шаламов ощущал этот барьер каменной стеной с бойницами, за которыми прятались вражеские лучники с полными колчанами стрел.

Однажды он не выдержал и упрекнул маатанина в его неспровоцированно негативном отношении к людям.

— Это же безнравственно наконец! — закончил он в сердцах.

И получил потрясающую своей простотой, совершенно неожиданную отповедь:

— Хомо людие сам безнравство. — «Черный человек» помолчал, «глядя» на замершего Шаламова недружелюбно и мрачно (так его взгляд ощущал пилот). — Людие отношение природа нравство... вопрос. Нет. Много время нет. Мы знание... вопрос нет.

— Нет, — ответил Шаламов.

Больше они не разговаривали. Основную часть времени маатанин проводил застывшей металлической горой и бредил: в мозгу пилота вспыхивали сами собой причудливые фигуры, таинственные тающие призраки, ползущие и летающие «ангелы» с крыльями птеродактилей, обрывки слов и фраз...

Гулять по «стражгорловианской» электрической природе не хотелось, в основном из-за непрекращавшихся болей в позвоночнике и в костях, но пилот заставил себя облачиться в легкий пленочный скафандр, надел антиграв и снова полетел к загадочному «храму», присутствие которого волновало душу и заставляло прикидывать возможности контакта со строителями, искать причины их непонятого исчезновения.

Облетев колоссальную постройку кругом, пилот вдруг опять вспомнил строки Верхарна, удивившись их созвучию с явью: «Вы тексты от каких затерянных страниц? Остатки от какой разрушенной Вселенной?» Древний бельгийский поэт словно своими глазами видел мир Стража Горловины и писал о нем. Господи, что же это за куб, равный планете? Для чего он построен почти сто тысяч лет назад? Зачем ему моря, атмосфера? «Храмы», наконец? Почему они покинуты? Ау, строители, где вы?..

Эфир молчал. «Храм» безмолвствовал. Тишина прочно владела вудволловым лесом, островом, морем, атмосферой, планетой-кубом, построенной неизвестно кем и неизвестно для каких целей. Только Джордж, в котором проснулся юмор, не удержался от реплики, следуя зало-

женной в него программе поддерживать хозяина всеми доступными ему средствами:

— Видимо, техника у «кубиан» или «стражгорловиан», как ты их обозвал, достигла такого совершенства, что они смогли обойтись без самих себя.

Шаламов невольно улыбнулся, сбрасывая оцепенение волшебных грез.

— Принимаю твое предложение: назовем аборигенов кубианами, так хоть не режет слух. Но ты не отвлекайся от основной задачи, шутник. Я тут поковыряюсь в «храме», посмотрю, что оно такое. Помни о прекращении связи.

Спасатель наметил достаточно широкий проем среди громадных пепельно-серых стен, торчащих «лепестками тюльпана», и проник в извилистый коридор, ведущий в шарообразную полость с мерцающими стенами. В полости, как и в башне при первом посещении «храма», царил невесомость, а стены ее, усеянные рваными дырами приблизительно одинаковых размеров — словно из полости хотели сделать дуршлаг, — мерцали искристым узором, как перламутровое песчаное ложе реки сквозь толщу воды солнечным днем. Одна из самых больших дыр была похожа на стеклянное окно, затянутое морозным узором, а в глубине второй дыры мрак был какой-то странный, красноватый, будто отражавший отсветы далекого пожара.

Связь с координатором снова прервалась, однако пилота это обстоятельство не смутило, в нем все еще жила надежда на встречу с теми, кто создал странные «полуживые» города, «храмы» и вообще планету-куб. Кроме того, он терпеть не мог ничегонеделанья, предпочитая активно искать выход из любых, даже самых безнадежных положений. Осмотрев мрачное отверстие с «пожаром» внутри, Шаламов поспорил со своим внутренним «я», не рекомендовавшим залетать в туннель, нашел доводы оппонента убедительными и попробовал прочность «стекла со льдом». К его удивлению рука прошла «стек-

ло» без сопротивления и каких-нибудь неприятных ощущений. Тогда Шаламов окунулся в «окно», ничего не видя впереди, и в тот же миг его «разобрали на атомы», превратили в облачко газа, подержали в таком состоянии и снова «собрали»...

Шаламов инстинктивно сдал назад и выбрался из «окна» в той же полости. Впрочем, не совсем в той: форма полости была иной, да и рваных дыр в ней не было вовсе. Рядом мрачно смотрел на него зрачок черного туннеля с отблесками пламени, а сверху виднелся светлый кружок выхода. Пилот с замиранием сердца поднялся вверх и вылетел из башни «храма». И почти сразу увидел, что «храм» — вовсе не тот, в который он залетал, и стоит не на острове с поврежденными космолетами.

Хорошо, что надел скафандр с автономным питанием, пришла первая мысль. Вторая была эмоциональней, ибо характеризовала самого Шаламова не совсем с лестной стороны, он уже сообразил, что совершенно случайно влез в узел мгновенного масстранспорта хозяев Стража Горловины, точно так же, как внутри маатанского корабля на «мустанга». Видимо, где-то на страницах Книги бытия рукой судьбы ему было начертано дважды нештатно испытать на себе чужие транспортные системы.

— Джордж, старина, где ты? — позвал Шаламов, надеясь на скорый ответ. Координатор и не ответил. Он был слишком далеко, чтобы услышать слабенькую рацию скафандра. Впрочем, пилот не нуждался в советах, потому что уже догадался, как поступить. Все работающие станции сети мгновенного транспорта по логике должны были соединиться друг с другом, и даже прыжок в иную звездную систему не менял положения: вернуться оттуда обратно не составляло большого труда.

Налюбовавшись переливчатым сиянием Горловины, Шаламов вернулся в «пещеру» «храма», представляющую собой машину перемещения, нырнул в «окно со

льдом», испытал процедуру «рассеивания» на атомы и вынырнул из «окна» другой похожей «пещеры». Определив по свечению выход наружу, задержал дыхание и вылетел из «храма». Вылетел и забыл о приступах слабости, у него даже дух захватило от невероятной, нереальной по земным меркам картины: «храм» стоял точно на вершине куба, где сходились его исполинские ребра-«хребты» и грани с видимыми сквозь дымку атмосферы линзами морей. Слов, способных выразить состояние Шаламова, не было, да он их и не искал, забыв и о постоянных глухих болях в суставах, и о своем незавидном положении. Главными ощущениями были жадный интерес и восторг, граничащий с суеверным испугом: человеку было еще далеко до строительства подобных чудес...

Третий прыжок занес спасателя в глубины моря, судя по коричневой тьме с желтыми прожилками за толщей стены, четвертый — снова на «хребет» ребра планеты-куба, пятый — в абсолютный мрак подземелья. Вернулась тягучая головная боль, которую не снимали ни гиперальгин, ни аутотренинг. Шаламов механически, с тупым равнодушием, входил в окно переброса, выходил в новом месте, окидывал взглядом пейзаж и снова нырял в отверстие входа. Он едва не прозевал нужной точки выхода: очнулся, не глядя по сторонам, собрался шагнуть в «подернутую льдом прорубь» и вдруг понял, что ландшафт с вудволловым лесом, серо-желто-зелеными холмами и близким, светящимся желтизной морем ему знаком. Этот остров он уже посещал, когда облетал моря на куттере в поисках аборигенов, и располагался остров не так уж и далеко от места посадки «Кентавра».

Однако после долгих размышлений пилоту все же пришлось еще раз войти в туннель мгновенного скачка: дойти своим ходом на антиграве до корабля все равно было нелепо. Стиснув зубы, Шаламов заставил себя прыгнуть в «ледяное окно».

— Вези домой, ирод проклятый! — сказал он при этом с ненавистью.

«Ирод» — автомат перемещения не обиделся и то ли читал мысли пассажира (надо было догадаться приказать автомату раньше), то ли Шаламову наконец повезло — вышел он на острове с видимым издалека маатанским кораблем и «гарпуном» «Кентавра». Как добирался к нему, отвечал ли на скороговорку обрадованного и потому страшно ругавшегося Джорджа — не помнил, и провалился в темный сон-беспамятство мгновенно, лишь только коснулся спиной мягчайшей изоляционной спинки кресла. И снова заботливые «руки» медицинского комплекса, встроенного в гондолу кресла, начали приводить его в чувство, растирать и кормить. Но вылечить его полностью автоматы все же не могли.

6

В последний раз окинув взглядом пустынный пейзаж острова, Шаламов задрал люк и спустился вниз, в свою жилую камеру, где ждала его подготовленная к работе система пси-передачи информации. В отличие от Джорджа внутренний голос, уговаривавший его не рисковать: мол, не спасешь ни маатанина, ни себя, к чему эти эксперименты, когда есть Джордж, вот его и подключи, — замолчал только после того, как Шаламов разозлился на самого себя и заставил свое второе «я» уйти «в подполье». Мысли о Купаве приходили все чаще, но с ними он справлялся без труда. Купава поняла бы его решение.

«Пчелы» поработали на славу, проникнув во все доступные микроавтоматам места маатанского корабля и собрав информацию о работе его систем энергооборудования и вычислительных комплексов. Джордж проанализировал поступивший массив информации и рассчитал

варианты обратной связи с центральным компьютером чужака, хотя компьютером эту странную управляющую систему, строго говоря, назвать было нельзя: она скорее напоминала нервную систему живого существа, вживленную в металлокерамическую гору с кавернами, причем в гору, которая свободно трансформировала свою форму и создавала внутри себя любые пространственные объемы. Но каналы управления этим квазикомпьютером сводились к залу с полумертвым маатанином, и Джорджу было несложно определить точки главных выходов «терминала», с помощью которого «черный человек» управлял своим «проникателем». Правда, Джордж, сконструированный для целей, далеких от решения лингвистических задач, действующий по законам антропологии, математики и физики, так и не сумел разобраться, какие сведения содержит память компьютера. Это мог сделать только Шаламов, включенный напрямую в цепь контроля. Причем дело осложнялось тем, что координатор не знал, какой из подключаемых «нервных узлов» — контуров памяти содержит нужную пилоту информацию.

— Ничего, — пробормотал Шаламов, — включай поочередно, потом сам разберешься, что нам нужно, если я потеряю сознание. Но сначала помощи «включить» собственный резерв.

Джордж настроил аппаратуру лазерного иглоукалывания и вызвал у пилота состояние стрессовой гипермнезии — сверхзапоминания. О последствиях эксперимента разговора не было, Шаламов понимал, на что идет.

За час до этого Джордж попытался подключить свой дубли-блок к выходу одной из координирующих цепей маатанского компьютера, но это привело лишь к тому, что блок после включения выдавал на выходе бессмысленный набор слов и цифр. Конечно, можно было попытаться еще инициировать в дырбное серию коротких и длинных распадов, аналогичных сигналам азбуки Морзе, то есть дать SOS, однако эта, в общем-то, неплохая

идея не гарантировала, что сигналы будут услышаны и запеленгованы, потому что диапазон дыробоя был далек от тех аварийных частот, на которых слушают космос земные СПАСы*. Шанс был, но у Шаламова не оставалось времени на ожидание ответа, «черный человек» почти не двигался и перестал высвечивать даже бред.

— Приготовились, — сказал Джордж. — Трехсекундный отсчет.

На счете «три» в мозг пилота хлынула лавина чужеродной информации, насыщенная невероятным «мусором» специфичных маатанских понятий, символов, знаков и цифр, яркими искрами и вспышками озарений и темными облаками абсолютного непонимания. Это впечатление прорвавшего плотину водного потока, несшего на спине различный мусор, пену и нефтяные пятна, сохранилось у Шаламова и после окончания сеанса.

Продержался он ровно две минуты, затем боль информационно-токсического шока оборвала сознание.

Джордж отключил выход маатанского компьютера на сферу пси-приема пилота и быстро привел того в чувство, высветив перед глазами данные медицинского контроля: пульс, давление крови, температуру, частоту дыхания, тургорные характеристики мышц, кардиозапас.

— Может быть, хватит, мастер?

— Делай свое дело, — мысленно отрезал Шаламов. — И подклочи резервы памяти на всякий случай, может быть, что-нибудь запишется в параллели, только заблокируй входы основных управляющих центров, не то сам превратишься в маатанина.

Джордж послушно выполнил приказ и снова «вонзил» в голову пилота бесшумную молнию информационного разряда чужой машины.

Дважды Шаламов всплывал из небытия после ударов аффективного и спинального шоков и окончательно потерял сознание только после явного перенасыщения

---

* Станции приема аварийных сигналов.

мозга, в течение получаса работавшего со скоростью электронно-вычислительной машины и получившего колоссальный объем маатанских знаний.

* * *

Сутки после этого жестокого эксперимента пилот отдыхал, ослабевший до такой степени — мозг не смог переварить весь информационный поток и «саботировал» даже простейшие физиологические потребности, — что внезапно засыпал во время кормления или испытывал приступы беспричинного удушья.

Джордж лечил его молча, без обычных нравоучений и ворчания, но не потому, что того требовал метод лечения, а из-за неясных ему патологических проявлений в работе многих внутренних органов Шаламова, возникающих в результате неадекватной работы спинного и головного мозга. Что-то разладилось в организме пилота, центральная нервная система стала источником «фантомных» болей и «перевернутых чувств»: Шаламов вдруг начинал «слышать» глазами, «видеть» кожей рук или «чувствовать» волосами температуру. Но все это было не страшно, на Земле излечивали и не такое, главными же источниками беспокойства Джорджа оставались идущие в глубинах психики пилота процессы перерождения интеллекта и памяти: в мозгу человека боролись две вселенные — человеческая и маатанская, негуманоидная, рождалась темная бездна чужих инстинктов и чувств, вспыхивали и гасли галактики странных психических состояний, проявлялась записанная в памяти информация, обработанная подсознанием.

Однако тренированный и сильный интеллект пилота в конце концов одержал верх, хотя никто, конечно, не мог предсказать, какими будут последствия необычного пси-контакта. Шаламов неожиданно заблокировал психическую связь с Джорджем и общался с ним только по радио. Несмотря на постепенное улучшение общего тонуса, он

не мог пока ни самостоятельно двигаться, ни отправлять естественные физиологические надобности, и координатору приходилось ухаживать за хозяином в аварийном режиме.

На вторые сутки Шаламов потребовал дать ему рецептор прямой связи с исследовательским комплексом. Координатор выполнил приказ. Спустя минуту «пчелы» снова полезли в маатанский корабль, подчиняясь неведомым командам пилота. Что они там делали, Джордж так и не узнал, «пчелы» имели выход только на мозг Шаламова, и ни одна из них не вернулась в бункер киберкомплекса. После этого пилот завладел памятью Джорджа и гипервычислителем, с помощью которого мог оперировать расчетами любой сложности со скоростью самого координатора, и в течение трех часов гонял вычислитель как бешеный, уйдя в дебри странных и неприятных вычислений, от которых Джорджу становилось не по себе: за вычислениями стоял мир чужих правил, знаний, математических и этических формул.

Шаламов потерял сознание неожиданно, работал он далеко за пределами человеческих возможностей и не «всплывал» из беспамятства около семи часов, бледный до синевы, с окаменевшими в судороге непонятной тоскливой потери губами. Диагностер бесстрастно выдал столбец биопараметров пилота, и Джордж испугался по-настоящему: с расширением невралгии у Шаламова обнаружилось около десятка микроизлияний крови в мозг. Пилота надо было немедленно оперировать, но сделать это можно было только на Земле, координатор не был рассчитан на лечение человека с такими специфическими травмами.

Шаламов выкарабкался из пропасти небытия сам и снова задействовал вычислитель, а затем Джордж стал свидетелем того, как пилот превратился в хозяина маатанского корабля, оживив его исполнительную технику и дремлющую автоматику из числа оставшейся неповрежденной.

Какие-то корявые с человеческой точки зрения механизмы, похожие на ожившие творения абстракционистов, принялись чинить и латать зал управления, запеленали неподвижного «черного человека» в серебристую пленку и поместили под ажурный колпак, напоминавший грубую птичью клетку. Маатанин был еще жив и даже в сознании, но равнодушный, как и прежде, не желал общаться, не хотел принять предлагаемую помощь.

Деятельность маатанских киберов прекратилась так же внезапно, как и началась: они разломали силовые отсеки и блоки управления «Кентавра», а также оборудование, которое он вез по назначению, как спасатель-курьер, перенесли нужные Шаламову компоненты аппаратуры на маатанский корабль и вырастили на панцире «черепахи» корабля кособокую башню, по виду — «из рогов и копыт». Затем попрятались по своим норам. Все стихло. Тишина завладела кораблями, Джордж «затаил дыхание», готовый выполнить любой приказ командира, но Шаламов молчал по-прежнему и не включал психосвязь. Он был в сознании, даже улыбался иногда — сквозь невероятную усталость и непрерывную, терзающую тело и мозг боль. Глаза его были открыты, но Джордж знал, что пилот ничего не видит, его зрительные нейроны были парализованы.

— Все в порядке, старина, — прошептал Шаламов, услышав жалостливый «шепот» координатора. — Я все-таки недаром ношу значок мастера-спасателя... мне, наверное, хана, но с техникой «черного» я разобрался...

— Включите пси-канал, Даниил, — попросил Джордж, воспрянувший духом, — я попробую снять аффекты, и мы поборемся с недугом.

— Нет, дружище, держись теперь от меня подальше, я стал для тебя... опасен. Скоро за «черным» прилетят, я починил его тахис-передатчик, используя кое-что из нашего оборудования, иначе ничего не получилось бы, и дал SOS на их языке. Не вмешивайся ни во что...

Если я не смогу участвовать в контакте лично. Понял?

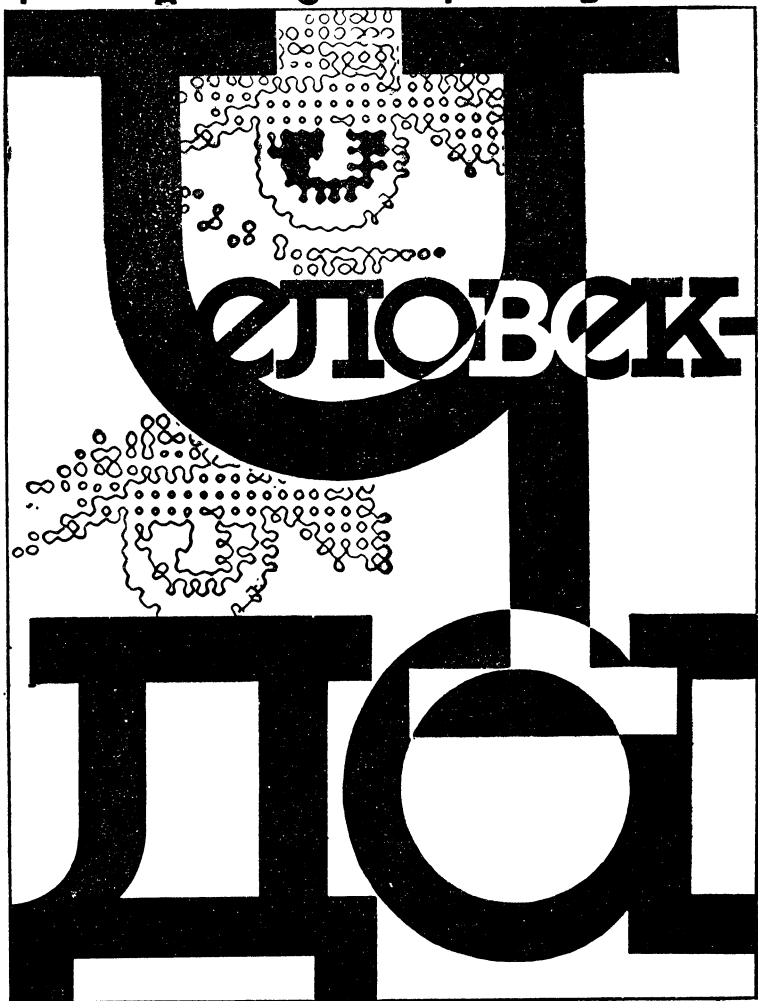
— Да, мастер. И все же еще раз прошу использовать медкомплекс, вдвоем мы хотя бы снимем болевой синдром.

Шаламов не ответил. У него не было ни сил, ни желания спорить, ни особого желания жить. В голове все чаще вертелась одна-единственная фраза, уже почти не тревожащая душу: бедная Купава!..

И тогда Джордж впервые нарушил приказ хозяина: преодолел порог команды запрета и включил контур мысленного съема. И получил сильнейший шумовой шок, превративший его в бесполезный кибернетический хлам — он «захлебнулся» чужой информацией...

Соплеменники «черного человека» прилетели за ним спустя десять часов после включения передатчика, починенного Шаламовым, но ни пилот, ни «сошедший с ума» Джордж не видели, как над островом зависла километровая кошмарная конструкция в пластинчатой броне, а из нее на «журавлиных гнездах» вылетели два десятка черно-золотых фигур. Маатане обследовали свой разбитый «проникатель», не обращая внимания на торчащий из него «дротик» «Кентавра», забрали запеленутого, полуживого командира и через час улетели, оставив землянина в недрах своего покалеченного корабля, не сделав даже попытки анализа ситуации, не выяснив причины аварии и не узнав, остался ли кто в живых из экипажа земного корабля и нуждается ли он в помощи. Зато они потратили около четырех земных суток на монтаж ячеистой конструкции, напоминавшей пенал, уложили в ячейки мертвых собратьев и направили «пенал» в глубину «серой дыры». Уходя из Горловины, они оставили у планеты-куба маяк, высвечивающий галактическим кодом фразу: «Владение Маата. Входить, изучать, пользоваться запрещено!»

Ч А С Т Ь 2

Заремба посмотрел на Мальгина как-то по-особенному, с любопытством и сожалением, словно знал о нем нечто, не укладывающееся в рамки общественного мнения о жизни товарища.

— Ты еще не в курсе?..

Мальгин, только что вошедший в служебный модуль, в давние времена называемый кабинетом, а теперь — просто кабиной, не оглядываясь, сделал жест — заходи. Одет он был по обыкновению в голубую рубашку с черной искрой, черным воротником и черными обшлагами рукавов, в белые брюки и такие же туфли.

Заремба остановился на пороге, глядя на прямую развитую спину заведующего отделением нейропроблем, надежную спину уверенного в себе, уравновешенного и сильного человека. Повторил:

— Так ты еще не знаешь новость?

Мальгин сел за стол, включил автоматику, формирующую рабочую поверхность: из черной блестящей плоскости стола вылез бутон эмкана, линза селектора виома, информационный блок, сетчатый карандаш кибсекретаря. Наконец Мальгин поднял спокойный взгляд серых глаз, способных становиться прозрачными до ледяной твердости, искриться сдерживаемым, всегда запрятым в глубине смехом или прятаться за броней иронического прищура.

— Не бери меня на арапа, Иван. Ох и не люблю я твою манеру сообщать неприятные новости.

Заремба, не вынимая рук из карманов, прошел на середину уютного кабинета заведующего отделением.

— Час назад привезли Шаламова...

Глаза Мальгина сузились, похолодели, стали почти прозрачными.

— Не понял. Что значит привезли?

— Он очень плох, попал в какой-то переплет при аварийном курьерском посыле или, как у них говорят, — кенгуру. У него коматозное состояние, колониальный невррит... — Заремба замолчал, глядя, как железный Мальгин вдруг побледнел, вернее, побелел, так что губы его стали синими, под оттенок рубашки. Длилось это несколько мгновений, заведующий тут же взял себя в руки, но цвет лица вернулся к нему не скоро.

— Где он?

— В первом боксе, у Стобецкого, над ним сейчас колдуют сам Готард и Билл-старший со всеми своими «вивисекторами». Таланов обещал собрать консилиум, искал тебя, но не нашел.

— Я был на корте, — машинально сказал Мальгин и стремительно вышел из кабинета, хотя мог бы связаться с клиническим отделением Готарда Стобецкого по сектору. — Кто его привез? — спросил он уже на ходу, вскакивая в коридоре в первую попавшуюся «улитку» институтского конформного лифта.

— Спасатели, кто же еще, — забубнил Заремба в спину. — Некто Жостов и двое врачей, одного я немного знаю по практике — Джума Хан, врач «скорой».

«Улитка» вынырнула из коммунационной шахты у двери с зеленой полосой и номером два, бесшумно свернула прозрачные перепонки выхода.

Бокс номер два был собственно нейроклиникой, и заведовал ею Готард Стобецкий, нейрофизиолог и врач с тридцатилетней практикой. Шел ему шестьдесят второй год, но выглядел он на тридцать пять: молодой,

гладколицый, уверенный и обстоятельный до пунктуальности. Ошибался Стобецкий редко и, вероятно, поэтому не допускал мысли, что может быть не прав. Это его качество раздражало Мальгина, но в остальном они давно притерлись друг к другу и хорошо знали свои возможности, сильные и слабые стороны, хотя это не мешало им вести деловые и неделовые споры и отстаивать свою точку зрения. Но не до вражды.

Пространство клиники было функционально и эстетически организовано таким образом, что любая палата — а их было около трех десятков — имела прямой лонж-выход в операционный и процедурный комплексы, и выглядело это ячеистыми янтарными выступами, напоминавшими обнаженные светящиеся пчелиные соты, которые упирались в причудливо изогнутые пальцевые «бутоны» реанимакамер. Дежурный терминал управления операционной прятался в хрустально-белом «бутоне», сквозь стенки которого были видны врачи за двумя развернутыми пси-вириалами* стационарного диагностера и медицинского информбанка.

Стобецкий, заметив заведующего первым отделением, жестом попросил соседа освободить кресло, Мальгин, поздоровавшись со всеми кивком, а Готарду пожав руку, сел. Виом напротив показывал внутренности реанимакамеры с телом Шаламова. В правой верхней четверти оперативного фронта изображения загорались и гасли строки бланк-сообщений, а чуть ниже — данные медицинского анализа.

— Нечто странное, — отрывисто бросил Стобецкий. — У него парадоксальный статус абсанса**, резко

---

* Пси-вириал — блок управления с конформным преобразованием аппаратуры, заменивший устаревшие пульты; содержит аппаратуру звукового и мысленного (пси) управления.

** Статус абсанса — состояние больного, характеризующееся серией абсансов (кратковременных потерь сознания с последующей амнезией), в промежутках между которыми сознание полностью не восстанавливается.

нарушена нейроцитоархитектоника мозга: таламус сплюснен и загнан в нейропиль, оба полушария срослись в одно целое, межуточный мозг проник в средний, сетчатое образование исчезло, мозжечок увеличился в объеме в два раза! Никогда не видел ничего подобного!..

Левая нижняя часть виома отразила голографический разрез мозга пострадавшего. Алая стрелка показала узлы нарушений и переродившиеся участки коры.

— Кроме того, ПНС * у него расположено прямо над тазом, а не на границе брюшной полости, — добавил заметно волнующийся Билл-старший, заместитель Стобецкого, приступивший к работе всего три дня назад. — Такое впечатление, будто оно «сползло». А корпус каллозун ** увеличилось и соединило полушария!

— По данным коллег, — Стобецкий кивнул в сторону трех-четырех мужчин в фирменных голубовато-зеленых комби — такие носили все врачи «Скорой помощи» и спасательной службы, — его организм большую часть времени отказывается регулировать деятельность внутренних органов.

— Что значит «большую часть времени»?

Один из гостей, рослый, черноволосый, загорелый до цвета красной меди, с хищным носом и черными цепкими глазами, придвинулся ближе.

— Это значит, что иногда этот парень вдруг сам выкарабкивается из беспамятства, и организм начинает ему подчиняться. Ненадолго, на три-четыре минуты, но и это удивительно, ведь, по сути, он фрустрирован ***.

— Простите, с кем имею честь?

— Джума Хан, — представился черноволосый, и Мальгин понял, что его загар — нормальный, естественный цвет кожи.

---

* ПНС — превертебральное нервное сплетение.

** Corpus callosum — мозолистое тело (лат.).

*** Фрустация — дезорганизация сознания личности.

— Нейроэктомию * делали? — спросил Стобецкий, манипулируя секторами диагностера.

— Конечно, данные в персон-банке. У него прогрессирующая гетероплоидия **. И при всем том парень умудряется всплывать из преисподней и разговаривать как вполне нормальный, почти здоровый человек! Очень сильная личность.

— Учтите, он ко всему еще и слеп, — невпопад вмешался Заремба, дыша в затылок Мальгину.

— Где Таланов?

— На связи с индийским филиалом, через пару минут явится.

Виом вдруг подернулся рябью, стершей все надписи. Приглушенно прозвенел колокол внимания. На мигающем огнями «кактусе» вириала зажглись голубые и зеленые огни отмены контактного контроля.

— Он просыпается, — быстро сказал Джума Хан. — Зафиксируйте параметры в момент «всплывания», это важно.

— Пациент в сознании, — четко доложил интелмат клиники.

Виом прояснился.

Лицо Шаламова с открытыми глазами было повернуто к людям (видеокамерам, конечно), так что создавалось впечатление, будто он их видит, хотя спасатель был слеп.

— Джума, — позвал он.

В группе, обступившей Мальгина и Стобецкого, произошло общее движение.

— Я здесь, Даниил, — с небольшим запозданием ответил Джума Хан, покосившись на Мальгина.

— Где я?

— В Москве, в Институте нейрохирургии.

Шаламов помолчал; в зале повисла хрупкая тишина.

---

* Нейроэктомиа — иссечение участка нерва.

** Изменение структуры некоторых хромосом.

Было видно, что держится спасатель с большим трудом, колоссальным напряжением воли — по лицу его поползли капли пота.

— Клим, ты тоже здесь?

— Да, — каменно-твердо ответил Мальгин, шевельнув желваками.

Шаламов усмехнулся, не мигая. Заремба невольно поежился.

— Тогда я могу быть спокоен. Не давай никому меня резать, Клим, меня нельзя резать. Даже тебе. Понял? Даже тебе!.. Ты понял? — настойчиво повторил спасатель.

— Да! — ответил Мальгин.

Шаламов еще несколько мгновений с улыбкой, кривой, понимающе-иронической, сожалеющей, странной, смотрел (не видя!) на замерших врачей, потом расслабился и откинул голову, глаза его закрылись.

— Потеря пульса, — отозвался интелмат. — Активирую ВРС*, дыхание, нейропинг, блокирую выделение избыточных доз вазопрессина, окситомина.

— Дьявольщина! — произнес Стобецкий. — Это же невозможно!

— Что именно? — сухо спросил Мальгин с чувством, близким к растерянности, глядя на тело друга, опутанное шлангами и проводами. Шаламов всегда был похож на дерзкого и удачливого пирата, по-мужски красивого, склонного к риску, решительного и упрямого, настолько уверенного в себе, в своей неуязвимости, что трудно было представить, будто с ним может произойти какое-либо несчастье. Во всяком случае, Мальгин знал его давно и никогда не думал, что Шаламов, олицетворяющий по натуре тип джек-лондонского героя, вдруг окажется в положении смертельно больного...

— Каким образом он приходит в себя, не имея возможности управлять физиологией? Это же нонсенс!

---

* Водитель ритма сердца.

— Мы называли такие моменты «пароксизмами жизни» или «парадоксальным сознанием», — сказал Джума Хан; Мальгину нравилось, как держится молодой врач спасателей, спокойно, уверенно и раскованно. — Кстати, во время «пароксизмов жизни» у него почти все основные функции приходят в норму.

Заремба легонько толкнул Мальгина в спину.

— Главный...

Толпа врачей раздалась, пропуская Богдана Таланова, директора Института нейрохирургии, всегда озабоченного, нахмуренного, с морщинистым сухим лицом; глубокие поперечные морщины на лбу главного врача говорили о его возрасте больше, чем седые виски.

— Ваше мнение, Клим? — Голос у директора был низкий, почти бас, но мягкий, не оглушающий.

— Я только что узнал об этом, — сдержанно ответил Мальгин. — Мне нужно знать, помимо медицинской диагностики, как все произошло, где, по какой причине, то есть в сию доступную информацию.

— Можем дать только приблизительную реконструкцию происшествия, — сказал один из спасателей чуть в нос; это и был Прохор Жостов, руководитель сектора, в котором работал Шаламов. — Дело в том, что мы обнаружили Даниила в последний момент, когда он уже не дышал, да и координатор его шлюпа был кристально мертв. Никто, по сути, не знает, что произошло, а маатане не хотят сообщать подробности.

— При чем тут маатане?

— О случившемся мы узнали от них, точнее, от маатанина, которого спас Шаламов. Это все, что известно достоверно. В системе, где мы нашли спасателя, — кстати, это в высшей степени интересная система, так называемая «горловина серой дыры», — на искусственной планете, имеющей форму куба, остался маатанский космолет, но он тоже пуст. По всему видно, что шлюп Даниила в состоянии «струны» пересек «струну»

чужого корабля, но о подробностях аварии расспросить некого.

— Появятся новые сведения, сообщите, пожалуйста.

— Непременно.

— У него есть близкие? Родственники? — спросил Таланов.

— Отец, мать, жена, — ответил Джума Хан.

— Они знают?

— Отец и мать знают, жена еще нет, она... беременна.

Мальгин медленно повернулся к говорившему.

— Что?.. Что вы сказали?

— Она беременна, — невозмутимо повторил Джума Хан. — Мы считаем, что в сложившейся ситуации нельзя волновать ее этим сообщением до родов.

«Когда же роды?» — хотел спросить Мальгин, но сдержался.

Таланов сел на его место, придвинул к темени выросшую из мигающего огнями «кактуса» пси-вириала на гибком усике «одуванчик» эмкана и погрузился в мысленные переговоры с координатором. Через две минуты отодвинул эмкан, помассировал висок ладонью.

— Готард, продолжайте аналитическое сканирование и структурное интегрирование показаний. Завтра соберем консилиум. Клим, доклад сделаете вы, не забудьте главное: выводы и рекомендации консилиума принимаются к неукоснительному исполнению, и ошибки должны быть исключены. Такого случая я не помню в практике, и вряд ли подобные зафиксированы историей, но все-таки покопайтесь в планетарном БМД и банках СПАС-службы.

Мальгин молча кивнул.

* * *

Весь день он находился под впечатлением встречи с Шаламовым и страшного диагноза его состояния. Па-

мать вопреки воле снова и снова прокручивала события давно минувших дней, детство, юность, совместные игры, увлечения, ссоры, первые серьезные шаги в жизни и, наконец, встречи с Купавой. До института. После. Признание... Да, тогда он казался старше, значимее и увереннее Шаламова благодаря своей природной сдержанности и спокойствию. Даниил слишком разбрасывался, хватался за тысячу дел, с легкостью бросая переставшие его интересовать, а Мальгин шел одной тропой к намеченной цели, и Купава пошла за ним. Четыре года, конечно, не прошли, как один день, и все же они жили, не ощущая власти времени, но потом Шаламов вернулся из очередной звездной экспедиции повзрослевший, переживший смерть товарищей, научившийся ценить сказанное им самим слово и ответный взгляд друга... нет, они встречались втроем и раньше, Купава любила Шаламова, как она говорила, за общительность, распахнутость души и склонность к юмору, но кто же знал, что это чувство внезапно усилится многократно и вырвется на свободу, ломая рамки сложившихся отношений, паритет дружбы и устоявшихся взглядов на смысл жизни?! Кто? Только не Мальгин. И ему пришлось пережить самый тяжелый день в своей жизни, когда Купава сказала ему, что уходит к Шаламову! День, когда был разрушен замок его привычных представлений о женской любви и мужской дружбе, и ночь, когда он сквозь боль и муку нахлынувшего одиночества вдруг понял, насколько ошибался в себе!..

Шаламов пришел на следующее утро, волнуясь, сказал всего несколько слов:

— Я ничего не знал. Она пришла час назад. Ты, наверное, догадывался, что я ее люблю, но я бы никогда сам... она пришла и... — Шаламов беспомощно пожал плечами и криво улыбнулся; Мальгин впервые увидел в глазах друга растерянность. — Если считаешь меня подлецом — прощай.

Мальгин покачал головой. Ему было плохо, очень

плохо, однако он недаром считался сильным и выдержанным человеком.

Все правильно, подумал он почти бесстрастно, загнав свою боль глубоко в сердце. Она сделала все правильно. Я бы тоже никогда не понял, что все кончилось, а если бы и понял, то не поверил. Редко кто способен признаться в собственном эгоизме добровольно... Однако вслух он сказал другое:

— Дан, если вы с Купавой не будете возражать, я приду к вам в гости. Позже. А сейчас я хочу побыть один.

Он сдержал свое слово... через два месяца, когда почти полностью преодолел последствия самоанализа, тоскливую тягу к голосу Купавы и желание сделать операцию на памяти. И еще дважды приходил к ним в гости, хотя Купава всегда почему-то пугалась его приходов, и вот спустя еще полгода Шаламова привозят спасатели...

Господи, снова подумал Мальгин со страхом, она беременна! И вполне вероятно, «виновен» в этом именно я!.. Хотя какое это имеет теперь значение? Главное, что она ничего не знает о Дане. Что же случится, когда ей сообщат о положении мужа?..

Вошел Заремба, как всегда — руки в карманах.

— Предлагаю путешествовать в ближайший водоем искупаться.

До Мальгина не сразу дошел смысл сказанного.

— Тебе что, делать нечего?

Заремба опешил; Мальгина всегда забавляло, как Иван, который был на пять лет моложе его, вел себя со всеми запанибратски, покровительственно, и всегда совершенно искренне поражался, когда его ставили на место. Но характер у молодого нейрохирурга был незлобивый, покладистый, общительный, просто он так был воспитан, без критического отношения к себе, сам обижался часто и быстро, но так же быстро остывал.

— Будешь ждать, пока Готард подготовит анализ?

— А ты предлагаешь докладывать на консилиуме ему?

— Нет, но времени-то еще воз и маленькая тележка.

Мальгин потерял интерес к разговору и снова уткнулся в стол, по черной панели которого ползли последние сводки медицинских новостей из всех районов земного шара, отобранные для него киб-секретарем. Лицо заведующего отделением осунулось за день и заострилось.

Заремба потоптался у стола, повздыхал.

— Ты меня включишь в бригаду лечащих?

Мальгин с трудом вернулся из глубин памяти.

— Что?

— Я хотел бы попасть в ПР-группу.

Клим наконец выключил информпрограмму, вскинул на нейрохирурга затуманенные глаза.

— Надеюсь, у тебя есть основания?

— Ну, я думаю... считаю, что я... хороший специалист, врач...

Мальгин вздохнул.

— Ты же знаешь, что этого недостаточно, Иван. Ответственность за лечение таких пациентов, как Шаламов, требует полной отдачи, колоссального опыта и знаний.

— Что я, по-твоему, не лечил никого? — насупился Заремба. — А кто оперировал Кадовски? Кто поставил правильный диагноз Ламбергу?

— Ты. — Мальгин снова вздохнул. — Но ты пока умудряешься брать на себя больше, чем можешь унести. К тому же Таланов уже назначил бригаду операционников.

— И кто в нее вошел?

— Готард, я и... как его, врач — спасатель Джума Хан. Трое.

— Мне этот индеец не показался опытным. — Заремба покривил губы. — К тому же трое в группе — мало. Могут заменить индейца.

— Он афганец.

— Какая разница? Значит, не берешь?

Мальгин тронул сенсор вызова, отрицательно качнул головой.

— Ты даже не представляешь, какой это трудный случай. Не знаю, как Готард и Джума, но я... я просто боюсь давать прогнозы.

«Знал бы ты, что я испытываю, — с тоской подумал он. — Умирает человек, который был моим другом, не подозревая, что мы давно враги! Умирает исключительно коммуникабельный человек, которого все любили и всегда ждали. Умирает тот, кто, не дрогнув, пожертвовал собой, спасая маатанина, совершенно чужое разумное существо, не способное на ответное благородство. И наконец умирает тот, к кому ушла жена, превыше всего в жизни ставящая честность отношений, какой бы ни была цена... Что будет, если Даниил умрет? Вернется ли она? И что будет, если он все-таки выживет?..»

Над глазом виома развернулся объем изображения с головой Стобецкого.

— Давайте поработаем вместе, — сказал Мальгин. — Мне некуда деться.

— Успеешь поработать, — недовольно проговорил Готард. — Через пару часов я дам предварительный вывод.

— И все же я подключусь в параллель. Извините, Готард, но у меня есть свои резоны. Этот человек... мой злейший друг.

Стобецкий пожевал губами, хмурясь, нехотя кивнул. Потом не удержался от ехидной тирады:

— Боишься, что на стадии прогноза не учту какую-нибудь мелочь? Стобецкий еще не ошибался в анализе.

— Я знаю. — Мальгин остался бесстрастным. — Но решать судьбу этого парня буду, наверное, я.

Виом погас, Стобецкий выключил интерком.

— Индюк, — сказал Заремба простодушно. — Клим,

если будет возможность, вспомни обо мне, я не подведу. Желаю удачи.

Мальгин остался один. Минут десять он сидел в том же положении, боролся с памятью, а победив, дал задание кибер-секретарю связаться со спасательной службой и собрать все материалы о работе Шаламова. После этого спустился в клинику Стобецкого, где автоматы реанимакамеры, насколько было в их силах, поддерживали оптимальную среду для одного пациента, Даниила Шаламова, мастера-спасателя тридцати лет от роду, верного своим принципам всегда и везде, даже в ситуации, когда выбор один — жизнь своя за жизнь чужую...

Стобецкий не сказал ни слова, когда Мальгин сел рядом и вывел на второй эмпан параллельный выход диагностера. До глубокой ночи они работали в полной тишине, связанные оперативным полем компьютера, а когда закончили формирование отчета, долго сидели за светящимся «кактусом» вириала и смотрели на неподвижное тело Шаламова, погруженные каждый в свои мысли и чувства. Их рабочие отношения можно было бы выразить двумя словами: унисон диссонансов, но это, в общем-то, парадоксальное словосочетание точно определяло способности каждого видеть границы принципиальной оценки событий. Стобецкий ушел раньше, буркнув «спокойной ночи». Мальгин вернулся в кабинет, еще раз перечитал собственные выводы, зафиксированные памятью машины, — в институте ее все называли Гиппократом, — и в третьем часу ночи покинул институт. Думал он, к собственному отвращению, только об одном: у Купавы будет ребенок...

* * *

На консилиуме присутствовали едва ли не все крупнейшие специалисты с приставкой «нейро» в области изучения и лечения человеческого мозга и нервной систе-

мы: нейропсихологи и физиологи, хирурги и физики, кибернетики и лингвисты, психологи, генетики и химики, в том числе и доктор неврологии Бронислав Каминский, возглавлявший Европейский центр индивидуальной психотерапии.

Данные анализа состояния Шаламова произвели на них разное впечатление, но в одном их мнения совпали: случай был уникальным. Мозг пациента переродился почти на пятьдесят процентов и продолжал изменяться, хотя процесс этот и замедлился после медикаментозного вмешательства врачей спасательной службы. Начали играть особую роль интрамуральные нейроны — замурованные в стенках сосудов, их объем увеличился, а структура изменилась, теперь они объединились в автономную сеть, образовав специфический нейропиль — «скелет» новой нервной системы, почти не зависящей от головного и спинного мозга.

За сутки, истекшие с момента доставки Шаламова в институт, он дважды приходил в себя, звал Джуму Хана или Мальгина, просил ничего не сообщать Купаве, настойчиво требовал не пичкать его нейролептиками и не вмешиваться в организм. Каждый раз после этих кратких сеансов полного сознания у него останавливалось сердце и наступала клиническая смерть, но ухищрениями медиков, вооруженных тысячелетними знаниями методов и накопленным опытом медицины, опирающихся на умные машины и точнейшую аппаратуру, Шаламов снова возвращался к жизни, вернее, полужизни, большую часть времени проводя в глубоком беспамятстве. Он был явно неоперабелен, о чем прямо заявил Стобецкий, но Мальгин, как, впрочем, и сам Готард, и Таланов, и многие другие, не видел иного выхода: Шаламова надо было срочно оперировать, он мог умереть в любую минуту.

— Ну хорошо, операция необходима, — согласился Каминский, чем-то напоминавший Мальгину дремлющего седого льва. — Но ведь сам пациент от нее отказы-

вается. Не нарушаем ли мы норм врачебной этики? К тому же поле хирургического вмешательства настолько велико, что едва ли с операцией справится один человек. Вот вы, например, справитесь? — Каминский посмотрел на Стобецкого.

Готард нахмурился, пожевал губы и вдруг, к удивлению Мальгина — тот ожидал другого, — отрицательно качнул головой:

— Я, наверное, нет, а вот он справится. — Кивок на Мальгина. — Клим — лучший нейрохирург Системы, нейроконструктор высшей квалификации...

— Оставьте славословие, Готард, — негромко перебил коллегу Мальгин. — Бронислав прав, оперировать придется сразу два десятка пораженных участков, но не это главное. Операция ничего не даст, если мы не сможем стереть чужую информацию в мозгу больного. Именно она формирует те структурные и нейрохимические изменения мозга и тела Шаламова на уровне неосознанной психики, подсознания, которые превращают его в... — Мальгин запнулся, — в нечеловека. Но вы не учитываете фактор времени. У нас его нет. Дальше будет еще хуже, процесс перерождения продолжается, и скоро мы упремся в тупик, из которого всего два выхода: смерть пациента или полная фрустрация личности, что для него в принципе одно и то же.

— Вы берете на себя ответственность за исход операции? Придется сделать не одну, а целую сотню тончайших операций одновременно.

Мальгин поднял на Каминского твердый взгляд, мельком отметив жест Зарембы, означавший: «Не дрейфь».

— Да, — сказал он и вспомнил шепот Купавы: «Тебя все называют человеком-да». Ты всегда так уверен в себе? В своей судьбе? В правильности выбора цели?» — «Да», — ответил он в тот день...

— Но повторяю, до нейрооперации необходима операция по очистке мозга больного от «шлаков» чуже-

родной информации, «записанной» на клеточном уровне и на уровне генетического кода. Это самое трудное и опасное в данном случае. Подобную операцию проводили всего один раз за всю историю медицины: около тридцати лет назад мой предшественник Наумов оперировал двух космонавтов, попавших под информационно-лучевой удар над Юпитером.

— Ему было труднее, — проворчал Стобецкий. — В те времена еще не было машин типа Умник или Гиппократ.

Мальгин промолчал.

— Но насколько я понял, вы не знаете всех запасов криптогнозы *, — сказал Каминский. — К тому же она может быть перемешана с жизненно важной наследственной и приобретенной информацией. Как вы отделили «зерна от плевел»?

В демонстрационном зале, где проходил консилиум, повисла тишина.

— Есть только один способ, — нарушил ее Мальгин; посмотрел на задумавшегося Таланова. — Прямой пси-контакт. Необходимо замкнуть мозг больного на мозг врача.

— Но это же колоссальный риск!

— Да, риск, — согласился Таланов, — прежде всего риск шокового исхода и глубокой психотравмы, но я не уверен, что нет другого выхода. Давайте подумаем вместе, может быть, выход найдется. Предлагаю укомплектовать группу профессионального лечебного риска пятью врачами. У кого другое мнение? Прошу назвать кандидатуры.

— Разрешите слово? — встал Заремба. — Мне кажется, мы кое-что упускаем из виду.

Мальгин, пригрозивший к тому, что Иван станет предлагать в группу себя, с интересом посмотрел на молодого хирурга.

---

* Информация, осевшая в глубинах неосознанной психики.

— Конкретней, пожалуйста, — сказал Таланов с обычной своей ироничной вежливостью.

— Шаламов работал с маатанской техникой в состоянии гипермнезии и впитал почти весь запас информации их корабельного компьютера, поэтому прежде, чем заняться лечением больного, необходимо узнать все о маатанах: их биологию, физиологию, биохимию и так далее. Только тогда мы быстрее поймем процессы, идущие в организме Шаламова, и сможем определить пределы хирургического и психофармакологического вмешательства.

«А молодец Иван, голова у него варит», — подумал Мальгин с некоторым удивлением; сам он упустил из виду эту особенность случившегося.

— Идея хорошая, — сказал Таланов, — хотя мы об этом не забывали. Но как ее осуществить практически? Насколько я осведомлен, контакт с нами маатане отвергли. Вообще удивительно, что этот травмированный маатанин, которого спас Шаламов, внезапно проникся благодарностью к нему и решил сообщить нам координаты места катастрофы.

Заремба сунул было руки в карманы, но посмотрел на Мальгина и вытянул обратно.

— Это можно объяснить, — сказал он со снисходительной небрежностью. — Шаламов сработал обратную связь с маатанским компьютером, а тот мог иметь такую же с маатанином. Вот «черному человеку» и передалась часть эмоциональной и психогностической информации спасателя.

В зале снова поплыла тишина.

«Недооценивал я Ивана, — подумал Мальгин с невольным сожалением. — Из него можно вырастить отличного врача. Главное, что он умеет думать».

Таланов кашлянул в кулак, в глазах его отразилось уважение.

— А вот об этом я не подумал. Спасибо за идею, она интересна и ценна. Правда, я все равно не вижу,

каким образом можно получить сведения о физиологии маатан.

— Да очень просто! Разве у нас нет в УАСС отдела разведки или безопасности? Пограничники, наконец. Пусть поработают!

На лицах присутствующих в зале замелькали улыбки. Горячность молодого нейрохирурга и его манера поведения импонировали многим.

— Это как раз очень непросто, — негромко сказал Джума Хан. — Как вы себе сие представляете?

— Элементарно: выкрасть маатанина, обследовать и вернуть... извинившись.

Последняя фраза Зарембы снова развеселила присутствующих, но ненадолго. Предстояло принять решение, определяющее дальнейшую судьбу больного.

Спустя полчаса группа риска была создана. В нее вошли четверо мужчин: Мальгин, Стобецкий, Джума Хан и Бронислав Каминский, и женщина, один из крупнейших нейрохимиков Земли Карой Чоккой. Консилиум закончил работу, и теперь предстояло выработать стратегию и тактику лечения Шаламова, странной своей болезнью поставившего в тупик лучших специалистов Земли в области изучения человеческого мозга и нервной системы человека.

Заремба хотел было навязать Мальгину свое общество, но Клим отвел эти попытки двумя словами «встретимся завтра» и сбежал из института, наугад ткнув иглой задатчика в схему выходов метро*. Вышел он на второй станции метро Ио, спутника Сатурна, над прозрачным куполом которой нависала пухлая пятнисто-полосатая стена гигантской планеты, перечеркнутая узкой полоской кольца, видимого с ребра.

«А может быть, поступить по совету Зарембы? —

---

* Метро (от слов «мгновенный транспорт») — система мгновенного масстраспорта; ретроспективный возврат старого привычного термина одного из самых удобных видов транспорта XX века.

подумал Мальгин, глядя на заметное глазу движение пятен на боку Сатурна. — Выкрасть «черного человека», предварительно подготовив исследовательский комплекс на базе больших Умников Академии, и за два-три часа «распотрошить» его по всем параметрам. Потом извиниться и, бия себя в грудь коленом, вернуть обратно...»

Из-за горба планеты брызнуло расплавленным золотом — солнце. Мальгин не отвернулся, только сощурился.

Нет, не имеем мы права действовать подобным образом, по-пиратски. Пусть «черные люди» высокомерны, эгоистичны и равнодушны к нам, это никому из людей не дает моральных преимуществ. Этика контакта живых с живыми складывалась веками, от контактов с «братьями нашими меньшими» — животными до контактов людей с людьми. Мы пережили все: войны и геноцид, расизм и оголтелый шовинизм, антагонизм и фашизм и ворох других производных «измов» и научились уважать чужое мнение и чужие желания. Шаламов не прикидывал размеров личной выгоды от спасения «черного человека», он просто его спасал... как тот дурак, который не знал, что задача неразрешима, и потому решил ее... Ах, Данька, Данька, кто знал, что ты станешь моим пациентом! Человек устроен таким образом, что считает себя бессмертным до тех пор, пока не встретится со смертью конкретно, а ты был сверхоптимистом и вряд ли задумывался о том, что смертен, как и все. В какую же историю ты влип, мой злейший друг! И меня тянешь за собой в пропасть... потому что никогда не задумывался о последствиях своих поступков. Я даже не уверен, думал ли ты о Купаве, когда спасал этого каменно-металлического монстра... хотя эгоистом тебя никто назвать не вправе, даже я. Просто ты такой, какой есть — ничего показного, фальшивого, хитрого, весь на ладони. А главное, ты всегда был искренне уверен, причем не в меру общепринятых норм, что предать тебя никто не может, тем более друзья. Надо

же таким уродиться?! А подумал ли ты о том, каково сейчас мне? Имею ли я право на ошибку, зная о твоём святом неведении и не менее святой уверенности в моём профессионализме, в том, что я вытяну тебя из преисподней?..

В глубинах атмосферы Сатурна мигнула алая звезда — луч лазер-связи какого-то исследовательского автомата. Мальгин опомнился и шагнул обратно в камеру метро, не обращая внимания на удивленные взгляды работников станции. Через двадцать минут он был дома.

Принял душ, переоделся, выпил бокал испли и вдруг бессознательно набрал телекс Купавы, заблокировав обратную связь.

Виом развернулся почти сразу. Перед Мальгиным возник объем до боли знакомой гостиной Шаламова, а напротив стояла Купава в халатике и с недоумением смотрела на Мальгина, и хотя видеть его она не могла, Клим невольно сделал шаг в сторону, глотая ставшую горькой слюну.

— Слушаю вас, — нараспев сказала Купава с рязанским выговором, откидывая пушистую прядь волос со щеки. — Включите обратку, я вас не вижу.

Мальгин молчал, сжав кулаки так, что ногти впились в ладонь. Он увидел округлившийся живот, изменивший фигуру женщины, ее бережные, осторожные движения, и в голову ударило волной пронзительной тоски и отчаяния. Купава любила Шаламова, но еще ничего не знала...

— Кто звонит? — повторила Купава, и вдруг выражение ее лица изменилось. — Клим?.. Ведь это ты, Клим, я знаю. Включи обратку, я хочу посмотреть на тебя. Почему ты звонишь?

Мальгин с трудом проглотил ком в горле и выключил виом связи.

Уснул он только под утро, на рассвете.

Заремба встретил Мальгина рассеянным «привет». Он сидел за пси-вириалом реаниматора с эмканом на голове и, судя по сигнализации на терминале, работал с вычислителем в режиме интегрального обобщения. Стобецкого в клинике не было.

— Где Готард? — спросил Мальгин, включая передачу из реанимакамеры. Виом раскрыл внутренности камеры: сквозь зеленоватый сумрак физиогаза едва проглядывало тело Шаламова, похожее на скульптуру спортсмена из позеленевшей бронзы.

— Ушел, — ответил Заремба с запозданием. — Он дежурил с Ханом всю ночь. Подожди, я сейчас освобожусь.

Мальгин сел рядом, вывел на второй эмкан информацию сторожа состояния, выслушал мысленный доклад, откинулся в кресле. Эмкан свернулся в гибкий усик и втянулся в пульсирующую колонну вириала.

Состояние Шаламова к лучшему не изменилось, состояние коллапса на грани клинической смерти. Спасатель не реагировал на раздражители, смену физиогаза, излучателей, стимуляторов и на регулярные сеансы внутривенного питания. Но за ночь он дважды «всплывал» из небытия в пароксизме псевдосознания, почти полностью восстанавливая на несколько минут функции сердечно-сосудистой, вегетативной и центральной нервных систем. Однако блокада пси-сферы при этом не снималась, то есть даже с помощью точнейших датчиков не удавалось «снять мысли» спасателя, уловить, о чем он думает и какая информация прячется в глубинах его памяти.

Заремба стащил ушастую дугу эмкана и небрежно бросил на вириал, пригладил волосы.

— Я нашел причину слепоты: у него нарушена связь между стриарной зрительной корой и латеральным коленчатым телом. Восстановить эту связь — для меня пара пустяков.

— Что он говорил в сознании?

— По-моему, ничего существенного... нет, постой, первый раз позвал тебя и умолк, а второй произнес странную фразу, сейчас вспомню... да, вот: «Я — обезумевший в лесу Предвечных Чисел».

— Числ, — поправил Мальгин. — Это Верхарн, Даниил любит его поэзию. — Клим полузакрыв глаза, помолчал, потом продекламировал: — «В одежде цвета горечи и яда рассудок мой холодным мертвецом плывет по Темзе вверх лицом».

Заремба хихикнул, но, видя, что Мальгин не расположен к юмору, подобрался виновато и покачал головой:

— Мрачновато, хотя и весьма оригинально. Я лично Верхарна не читал и не особенно жалею. Что будем делать, Климыч? Машина дает ему не больше двух суток жизни. Если не успеем что-либо предпринять, летальный исход неизбежен, несмотря на временные прояснения сознания, которые твой любимый Хан назвал «фазами хозяина».

— Где он?

— Джума? У себя, наверное, в клинике СПАС-центра, я им как-то не интересовался. Кстати, ты знаком с Карой? Она зачем-то интересовалась тобой, звонила, я дал твой домашний телекс. Ну и женщина, скажу я тебе! С ходу можно отдать ей корону «мисс Вселенная»! Во всяком случае, я бы отдал. Красивая женщина, а? Она занимается исследованием нейрилеммы и нейроглии*, а старик Каминский собрал своих лингви-

---

* Нейрилемма — оболочка нервных волокон; нейроглия — ткань нервной системы, в которой располагаются нервные клетки.

стов и кибернетиков*, его задача — ЦНС. И все равно мы приходим к одному: требуется срочная операция. Вернее, две операции, как ты и говорил: стирание чужой информации — после выявления запасов криптогнозы и воссоздание нормального генома, конструирование здоровых хромосом со всеми вытекающими последствиями. — Последние слова Заремба проговорил с видимым удовольствием, смакуя.

Мальгин молчал, все так же полузакрыв глаза. Заремба вдруг щелкнул пальцами, глаза его загорелись.

— А давай сами слетаем к маатанам в гости и умыкнем одного, если они не дадут нужной биоинформации! А?

— Ты сам-то представляешь, что говоришь?

— Очень даже представляю. Попытка не пытка, а твой друг ждать не может, он и так на ладан дышит.

Мальгин встал так стремительно, что Заремба отшатнулся.

— Ты что?..

— Ничего, — глухо сказал Клим. — Может быть, и из лучших побуждений, но ты провокатор, Иван. Обзвони всех и сообщи, что собираемся в двенадцать, будем решать. Спросит Таланов — я в Управлении спасателей.

— Хорошо, скажу. — Заремба шмыгнул носом. — А почему я провокатор?

Мальгин окинул хирурга взглядом, глаза его стали грустными.

— Тебе никогда не приходило в голову, что ты слишком медленно взрослеешь? Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— А ведешь себя подчас, как двенадцатилетний ма-

---

* Подразумевается — нейролингвистов и нейрокибернетиков; нейролингвистика изучает нарушения языковых навыков, нейрокибернетика — организацию и функционирование нервных сетей, механизмов памяти и поведения.

лец. Подумай на досуге, ведь есть — чем, голова. иногда соображает.

В девятом часу утра Мальгин нашел Джуму Хана в шоковом отделении клиники УАСС. Меднолицый врач «Скорой помощи» не удивился визиту, извинившись перед коллегой, отвел Клима в сторону; они медленно пошли по заросшему травой — таково было впечатление от ковра — коридору.

— Нужна полная информация о физиологии и биологии маатан, — сказал Мальгин прямо. — Я не имею права оперировать, не зная полной картины того, с чем могу встретиться на молекулярном и атомарном уровнях.

— Такой информацией мы не располагаем и вряд ли будем располагать в ближайшем будущем.

— Разве вы не поняли? — холодно спросил Мальгин. — Я и сам знаю, что у нас есть, а чего нет.

Джума Хан остался невозмутимым.

— Не сердитесь, я вас понял. К сожалению, мои коллеги не догадались доставить из Горловины шлюп Шаламова или хотя бы его интелмат. А выудить что-либо из поврежденного проводника на месте не удалось.

— Надо срочно доставить его сюда и отдать специалистам-структурщикам, может, хоть что-нибудь выудят.

— Боюсь, что это невозможно, маатане установили в Горловине «маяк-табу», по терминологии безопасников, то есть знак частного владения. Мы не имеем права врываться на занятую территорию.

— Но ведь вы уже «врывались», когда забирали Шаламова.

— Сядем, — кивнул Хан на кресла в нише с видом на пойму Десны; сели друг против друга, похожие сдержанностью и той особенной мимикой, которая выдает в собеседнике умного, понимающего иронию и юмор человека.

— Все не так просто, не однозначно. Да, мы забра-

ли Шаламова из Горловины, но после этого маатане выпустили внутри нее сторожей, имеющих приказ уничтожать любых непрошенных гостей.

Мальгин молча смотрел на врача. Тот оценил его взгляд.

— Да, такова их логика, и ничего с этим не поделаешь.

— А откуда это известно?

Джума Хан слегка улыбнулся.

— У разведки свои секреты и методы, к тому же по этому делу работают еще пограничники и безопасники.

— Но ведь «черные люди» имеют точно такие же права на «серую дыру», что и мы, Шаламов «обнаружил» ее, если можно так сказать, одновременно с маатанином.

— С юридической точки зрения — да, мы имеем право на владение как Горловиной, так и планетой-кубом — Шаламов назвал ее Стражем Горловины, — хотя никто из людей никогда не стал бы присваивать себе лично и вообще всему человечеству подобный объект, нам достаточно иметь возможность исследования феномена, однако «черные люди» не признают законов земной юрисдикции. Конечно, комиссия ИВКа* попытается официальным путем решить возникшие правовые вопросы, но едва ли маатане станут нас слушать.

— Так что же, уперлись в тупик и на этом успокоимся?

Джума внимательно посмотрел в глаза Мальгину.

— У вас есть конкретные предложения?

— Нет, — сказал Мальгин нехотя через некоторое время. — Но у меня в распоряжении сутки, от силы двое. Сегодня в двенадцать я объявил общий сбор рисковантов, и если решение не будет найдено, я начну действовать так, как сочту нужным.

Джума Хан покачал головой.

---

* Институт внеземных культур.

— Напрасно вы разговариваете со мной как с противником, я целиком и полностью на вашей стороне, и как бы вы ни решили, — а я думаю, что понял вас правильно, — будем действовать сообща, аморфные позиции не по мне.

Мальгин встал, протянул руку.

— Благодарю, и простите за резкость, этот случай настолько неординарен для меня в личном отношении, что я не имею права ошибаться.

Ладонь у Джумы была широкая и шершаво твердая.

— Никто из нас не имеет права ошибаться, хотя без ошибок человек — не человек. Хотите, покажу одну любопытную картинку?

— Она имеет отношение к нашей теме?

— Прямое.

— Давайте.

В своем рабочем кабинете Хан включил стол, полистал оглавление проектора и остановился на нужном кадре. Виом развернул плоскость цветного изображения, медленно протаявшего в глубину. Мальгин увидел дымящийся черный океан, низкое мрачное небо с перьями фосфоресцирующих облаков, неожиданно светлый берег с редкими скалами.

— Снято в ультрафиолете, — пояснил Джума, наблюдая за Мальгиным. — Догадываешься?

Вглядевшись, Клим понял, что видит вовсе не скалы, а чудовищные скелеты, облепленные не то насекомыми, не то пиявками. А на заднем плане торчало из песка косо уходящее в небо перепончатое, перламутрово-полупрозрачное, с красивым рисунком прожилок крыло, на вершине которого громоздилась мрачная, многогорбая, наполовину покрытая зеркальным слоем глыба — «черный человек». На стереоснимке был запечатлен пейзаж Маата.

Ничего больше не сказав друг другу, они разошлись. Мальгин вернулся в институт и принялся внимательно изучать сканер-срезы мозга Шаламова, намечая проб-

ную «тропу вмешательства». А около одиннадцати в клинику пришла Купава.

Одета она была в нечто пушистое, снежно-белое с голубым, с зеркальными перетяжками — комплект «воздушный замок», скрывающий фигуру, и никто не смог бы сейчас утверждать, что Купава ждет ребенка. В кабинет она вошла без предупреждения.

Когда Мальгин, недовольный вторжением, повернул голову к двери, он сначала не поверил глазам, потом встал, не снимая эмкана, и молча уставился на женщину. В голове поплыли дым и звон — и ни одной мысли.

Смуглое лицо Купавы казалось чуть бледнее обычного, а изогнутые, как птичьи крылья, брови были сдвинуты, придавая лицу какой-то особый трагизм. Мальгин никогда прежде не видел у нее такого выражения лица.

— Что же ты не приглашаешь меня сесть, «человек-да»? — спросила она тихо, с неожиданно робкой улыбкой.

Мальгин опомнился, сорвал с головы эмкан, бросил на стол, вышел навстречу. Слова застревали в горле, пришлось откашливаться.

— Извини, я просто-напросто остолбенел. Проходи, садись.

— Спасибо. Не ожидал?

— Нет, — сказал он так железно, что она снова улыбнулась, но улыбка была невеселой и длилась недолго.

— Клим, ты же сильный и добрый, иначе тебя не назвали бы «человеком-да», почему ты ничего мне не сказал?

— О чем?!

— Не притворяйся. — В голосе женщины прозвучали слезы; она села в кресло и облегченно вздохнула, прислушиваясь к себе. — Ты не способен на обман и должен сказать правду: что с Даном?

Мальгин попятился, поймал спинку кресла, сел напротив.

— Кто тебе сообщил?

— Неважно кто. Ты звонил вчера, и я... почувствовала. И потом, у меня есть друзья в Управлении спасателей и среди пограничников... они сказали, что он здесь. Что с ним? Почему он лежит у вас, в Институте нейрохирургии? Почему мне никто ничего толком не говорит?

— У тебя будет ребенок, — сказал он вдруг утверждающим тоном, словно разговор шел об этом.

— Да, — сказала она спокойно, не удивляясь, только прищурилась и словно отгородилась от него внутренним барьером.

— Мой ребенок, — уточнил он.

— Да, — повторила Купава все так же спокойно. — Но это ничего не меняет, Клим. И речь о другом. Что случилось с Даном? Почему он оказался в твоём институте?

— Идиот, — сказал он вдруг сокрушенно.

Купава вздрогнула, непонимающе посмотрела на Мальгина.

— Я идиот, — добавил он. — Что позволил тогда тебе уйти. Почему-то не сработала интуиция. Надо было догнать тебя, всыпать как следует и вернуть.

— Вряд ли бы это подействовало, я бы все равно ушла.

— Нет, — сказал он тихо, но так твердо, что Купава посмотрела на него с невольным интересом.

— Ты, кажется, становишься «человеком-нет». Не отвлекайся, Клим, я знаю твою манеру уводить разговор в сторону, когда ты не хочешь говорить о главном. Почему Дан оказался в Институте нейрохирургии? У него... стресс?

— Хуже, — помолчав, сказал Мальгин; полуправду он не любил так же, как и ложь. — У него коматозное состояние, сильнейший шок... а он умудряется при этом

на две-три минуты выкарабкиваться из беспамятства и просить, чтобы тебе ничего пока не сообщали.

— Что с ним случилось? Он же ушел в обычный курьерский рейс...

— Его шлюп в режиме «компакт-струна» пересекся с чужим кораблем... оба «выпали» в наше трехмерное пространство внутри «серой дыры», вернее, внутри входа в нее... и чтобы спасти экипаж чужака, Дан вывел на свой мозг память и динамику операционных полей их компьютера... маатанского компьютера.

Мальгин поднял голову и опустил.

Купава смотрела на него ставшими огромными и бездонными глазами, совершенно пустыми, словно душа ее вдруг выгорела дотла.

— Он...

— Сейчас он почти нечеловек, Купава. И спасти его... — Клим хотел сказать «невозможно», но не смог.

Но она поняла.

— Ты сможешь! — прошептала она. — Ты сможешь, Клим, ты же все можешь, ты лучший нейрохирург Системы, не говори нет... — шепот угас.

— Не знаю. — С горлом у Мальгина снова что-то случилось, слова застревали, цеплялись и царапали горло, и он испытал самую настоящую боль. — Не знаю. Это правда.

Она вдруг коротко и зло рассмеялась, так что у Мальгина пробежала по спине ледяная дорожка озноба.

— Тебе не кажется, что мы с тобой оживили джек-лондонский сюжет?

— Какой? — Он смотрел непонимающе.

— Вспомни рассказ «Конец сказки». От хирурга Линдея ушла жена, и ему пришлось лечить соперника...

Клим кивнул, к нему возвращались былая твердость и сила и понимание того, что он тоже не сможет сказать «нет».

— Так вот, — продолжала Купава, кусая губы, — я тоже могу, как и та женщина, Медж, предложить тебе компромисс: спаси Дана, и я уйду к тебе... навсегда!

Мальгин встал, наглухо застегнутый в бронежилет самообладания, хотя в квартире души, уютно обставленной привычками и желаниями тридцатидвухлетнего мужчины, возведшего в абсолют догмат выдержки и самоконтроля, вдруг проросло желание сделать Купаве больно. Росло оно недолго, Мальгин умел бороться с малодушием. Он усмехнулся и подумал: когда-то наши разговоры были для меня сродни умственной гимнастике, заставляли держать себя в постоянной интеллектуальной форме. Как давно это было, а интонации сохранились до сих пор. Неужели я это буду помнить всегда?

— А если я соглашусь на твоё условие?

В глубине глаз Купавы мелькнуло не то сомнение, не то страх, но думала она в данный момент не о себе.

— Я приду.

Мальгин глубоко вздохнул, пряча в горле невысказанное, и Купава поняла, о чём он подумал.

— Ты до сих пор не прости мне... уходи?

Он покачал головой:

— Не о том говорим.

— Не прости... а мне казалось, умение прощать — свойство сильных. Ты же сильный, Клим, неужели никогда не...

— Замолчи, — сказал он почти грубо, — иначе я возненавижу себя за то, что дал тебе повод думать обо мне так. Уходи, Купава, иначе мы наговорим друг другу столько, что не сможем потом простить никогда. Меня не нужно упрашивать вылечить Дана, это мой прямой долг. Одно знаю твердо: я сделаю все, что в моих силах, и даже больше, насколько это вообще возможно.

Купава встала, до боли желанная и чужая, встретила его взгляд, и снова в глазах ее мелькнул страх.

«Почему страх? — подумал Клим с недоумением, мимолетно. — За кого она боится? Господи, неужели за меня?!»

Купава вдруг шагнула к нему, поцеловала и, не оглядываясь, пошла к двери, а он остался стоять, оглушенный бурей чувств и желанием разбить голову о стену...

Потом, спустя несколько бесконечных минут, буря стихла, боль ушла, и голова стала пустой, легкой, звонкой, как фарфоровый сосуд; отзвуком эмоционального урагана повисла в тишине нота грусти и тоски... и снова — ни одной мысли.

— Хватит! — сказал сам себе Мальгин с ненавистью, а когда это не помогло — ударил кулаком в стену так, что разбил пальцы в кровь! Боль отрезвила...

* * *

Группа риска в полном составе собралась возле реанимакамеры в двенадцать часов.

Стобецкий попытался было вслух обобщить свои личные выводы, но его перебил Заремба, и они вдруг углубились в спор, заинтересовавший и остальных. Предметом спора стала конечная стадия преобразования личности Шаламова. Стобецкий утверждал, что процесс интериоризации, то есть расщепления личности, зашел слишком далеко, и спасатель едва ли уже сможет вернуться в исходное состояние.

— Чепуха! — заявил Заремба безапелляционным тоном, становясь похожим на своего оппонента. — Должна победить человеческая основа. Слишком долго эволюция лепила и обжигала человека, чтобы он сдался под напором информ-мутагена, пусть даже и на уровне генного приказа...

Мальгин прислушивался к спору одним ухом и поглощал то на безмолвствующего Каминского, то на Карой Чоккой. Заремба не преувеличивал, женщина дей-

ствительно была молода и красива, хотя уже успела стать ведущим нейрохимиком планеты. Мальгин слышал о ней, читал ее работы, но встречаться с Чокой даже по вному ему еще не приходилось. Видимо, их интерес был взаимным, потому что взгляд Мальгина то и дело наталкивался на встречный взгляд женщины, изучающий, задумчивый и вспыхивающий искрами улыбки в ответ на горячие выпады Зарембы.

— Может быть, коллеги позволят перейти к делу? — негромко сказал невозмутимый Джума Хан. Он был единственным из их мужской компании, кто не посматривал на представительницу слабого пола.

Заремба хотел было огрызнуться, но Мальгин остановил его, подняв ладонь вверх.

— Разрешите начать?

Стобецкий остановился на полуслове, посмотрел на Карой Чокой, словно проверяя, какое впечатление оставила фраза Мальгина, и нехотя кивнул.

— Простите, не сдержался. Все мы знаем положение больного, и нет смысла спорить по мелочам. Я, безусловно, хочу его вылечить и буду рад, если ошибусь, предполагая худшее. Что вы хотите предложить, Клим?

— Сначала я хотел бы выслушать остальных, и прежде всего вас, Карой. Данные анализа я знаю, только выводы и прогноз.

Нейрохимик перекинула ногу за ногу. Держалась она свободно и непринужденно, и было заметно, что взгляды мужчин ее занимают мало. Мальгин невольно сравнил ее с Купавой, тип лица у обеих женщин был одинаков, вероятно, обе имели славянские корни, общих предков, но если красота Купавы была уютной, милой, «домашней», противоречащей, кстати, резкому независимому характеру, то у Карой доминировала печать интеллекта, деловой независимости и уверенности. Тонкое смуглое лицо ее с бровями вразлет притягивало взоры и заставляло мужчин держать себя в постоянном напряжении.

— Я бы хотела вернуться к спору и поддержать коллегу Стобецкого, — произнесла женщина глубоким контральто. — Судя по цитохимическому изменению структурных органелл нейронов и расстройству всей нервной системы, у Шаламова действительно начался распад психики. Вы не можете не понимать, что может последовать за превращением биполярных нейронов чувствительных ганглиев в мультиполярные *, а именно этот процесс у пациента и происходит. Вывод один: у больного налицо прогрессирующий синдром «черного человека» — термин коллеги Каминского. Процесс перерождения нервной ткани замедлился, но начинают сказываться качественные эффекты: тело больного, его ЦНС, по сути, действуют самостоятельно в соответствии с какой-то внутренней программой, закодированной информацией, полученной Шаламовым от маатанского компьютера. Вот-вот наступит кризис: больной балансирует на тонкой грани перехода человек — нечеловек, негуманоид, и кем он станет, не вмешайся мы, одному богу известно. Необходима срочная, очень рискованная, причем не только для пациента, но и для хирурга, колоссальной сложности операция! Это все, что я могу предложить. Если не возражаете, согласна быть ассистентом хирурга по координации.

— Но сам больной во время «фаз хозяина» или «пароксизмов бодрствования» категорически возражает против операции, — вскинул голову Заремба.

— Вот именно, — «пароксизмов», — буркнул Стобецкий. — Я склонен полагать, что это не просветление сознания, а именно моменты псевдосознания, когда за Шаламова говорит его вылупляющееся «второе я», часть интеллекта, контролируемая информацией «черного человека».

— Согласен, — кивнул Каминский, включаясь в раз-

---

* Биполярные — нейроны с двумя отростками, мультиполярные — со многими отростками.

говор. — Мы пришли к такому же выводу. Внутри больного формируется личность «черного человека», и к чему это приведет, когда формирование закончится, боюсь и представить. Случай беспрецедентный в моей практике, да и в мировой тоже. Я вообще не понимаю, почему Шаламов в той ситуации не воспользовался двигателем, как передатчиком, чтобы дать SOS.

— По утверждениям экспертов, он им воспользовался, но, к сожалению, наши СПАСы его не услышали, — сказал Джума Хан. — Диапазоны их частот прослушивания весьма далеки от тех, что возбуждаются в компакт-камерах двигателя. Что касается действий Шаламова, то он был спасателем и в создавшейся ситуации иначе поступить не мог, он спасал пусть и не человека, но разумное существо! Однако я не стал бы обвинять и маатан в том, что они не люди. Конечно, они не люди! Совсем иные, со своей этикой и моралью, которые кажутся нам несовместимыми с логикой жизни и даже враждебными, они действуют так, как воспитаны своей средой, привычным укладом бытия. И все же позвольте мне не согласиться с последним утверждением об их враждебности, ибо почему в таком случае «черный человек», спасенный Шаламовым, придя в себя на родной планете, несмотря на все различия психо- и эмоциосфер, на многовековые традиции, запрещавшие видеть в гуманоидах разумных существ — а есть подозрения, что маатане знают о нас давно, гораздо раньше, чем мы узнали о них, — почему он вопреки всему потенциалу цивилизации добрался до станции связи и сообщил нам координаты Горловины, зная, что обрекает себя на остракизм?

— Однако! — крикнул Каминский. — Вы, уважаемый коллега, вторглись, по-моему, не в ту область. Речь идет о Шаламове, о его характере, почему он пошел на такой огромный риск, имея всего один шанс из миллиарда!

— Видимо, идея прямого подключения к чужой ма-

шине, завладела им целиком и была интереснее остальных, — сказал Мальгин, с удивлением окинув взглядом лицо Хана. — Джума прав, Шаламов был не просто спасателем, но и разведчиком-исследователем, склонным к непрогнозируемому риску. Думаю, у него даже мысли не возникало — спасать или не спасать, вопрос был только — как спасать!

— Ну, это-то как раз норма, — проговорил Каминский, — норма человечности, насколько я ее понимаю.

Помолчали. Мальгин перевел взгляд на Хана.

— Ваше мнение, Джума?

— У нас в запасе двое суток, многое может измениться.

Мальгин понял врача тотчас же: Джума Хан нашел способ выявить дополнительную информацию. Но открыто говорить об этом не хотел.

— Тогда продолжаем работу в соответствии с заданиями, — сказал Мальгин сухо. — Соберемся вечером. Извините.

В свой кабинет он вошел с Джумой, остановив попытку Зарембы войти следом:

— Иван, ты поработай с Готардом, ему нужна твоя светлая голова. Я до вечера буду занят.

Заремба пожал плечами, подозрительно посмотрел на бесстрастного Хана и нехотя удалился, проворчав напоследок:

— Что-то не нравиться вы мне, заговорщики...

— Ну? — сказал Мальгин, когда врач сел напротив.

— Я договорился с безопасниками: нас доставят в Горловину к столкнувшимся кораблям вместе с кибернетиками, специалистами по компьютерам. Времени на сборы в обрез.

— Я-то готов, но одного изучения шаламовского координатора будет недостаточно.

— Знаю. Вопрос контакта с маатанами решается.

Пока мы будем в Горловине, безопасники и пограничники проработают модель контакта по нашему делу и сформируют свою ПР-группу. Я уже включен в нее и рекомендовал тебя.

— Согласен, — без колебаний сказал Мальгин.

— Не сомневался. У нас есть полчаса на сборы, в управлении мы должны быть в два ноль-ноль. Кстати, вы будете настаивать на своем предложении?

— Каком именно?

— О прямом подключении к мозгу больного.

— Если не будет иного выхода.

— Я могу рискнуть вместо вас.

— Спасибо, Джума. Разговор преждевременен, но я буду иметь вас в виду, хотя едва ли соглашусь. Жаль, что я не знал вас раньше.

Джума Хан улыбнулся.

— Взаимно.

Мальгин встал, и в это время в кабинет вошла Карой Чоккой, остановилась на пороге, посмотрев на мужчин с ироническим прищуром.

— Не соблаговолят ли джентльмены взять с собой женщину, знакомую с ксенопсихологией не понаслышке?

Заремба, понял Мальгин, его язык. Обиделся и напавил ее на нас. Ну, погоди, информатор!

— О чем вы?

— Насколько я поняла, готовится экспедиция на Маат, и я хотела бы войти в ее состав.

— Официальной информации о подготовке экспедиции у меня нет, — сдержанно сказал Мальгин. — Так что едва ли смогу быть вам полезен. К тому же вы, по-моему, нейрохимик, биолог, а не ксенопсихолог.

— Она Т-специалист, — сказал негромко Джума. — У нее два диплома. В качестве ксенопсихолога она не работала, но проходила практику на «Эдип-2».

Мальгин с удивлением посмотрел на Хана. «Эдип-2» была станцией зоны контакта в системе Маата, и работали там в основном безопасники, прошедшие школу психотренинга в Институте внеземных культур. Попасть практикантом на станцию мог далеко не каждый ксенопсихолог-профессионал.

— Мне просто повезло, — любезно пояснила Карой, поняв мимику Мальгина. — Мой отец заболел и не смог явиться на «Эдип», я убедила председателя комиссии, что смогу его заменить.

— И все-таки вас дезинформировали, — сказал Мальгин, морщась в душе.

— Об экспедиции речь не шла, — не моргнув глазом, добавил всепонимающий Джума, — мы говорили о способах давления на маатан. Поскольку виноваты в аварии они, без предупреждения используя диапазоны частот наших компакт-струнных машин, у нас появилась мысль использовать этот факт.

— То, что для нас является де-факто, для маатан — вовсе не де-юре, — покачала головой женщина. — Вы еще убедитесь в этом. Что ж, прошу джентльменов извинить за вторжение. До встречи вечером.

Карой вышла.

— Умная женщина, — сказал Джума Хан со странной интонацией, глядя ей вслед. — Едва ли мы ее убедили.

— Предпочитаю рисковать только собой, — буркнул Мальгин. — К тому же не я играю в этом деле первую скрипку. Откуда вы ее так хорошо знаете?

— К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы. Говорят, она мастер спорта по десятиборью.

Мальгин подозрительно и с неудовольствием посмотрел на врача.

— Вы, кажется, не прочь взять ее с собой?

— Ни в коем случае, просто констатирую факт.

— Тогда в путь.

Одетые в кокосы — компенсационные костюмы спасателей (по терминологии спасателей, пограничников и безопасников), Мальгин и Джума Хан присоединились к ожидавшей их группе молчаливых крепких парней, и руководитель десанта (риск-обоймы) Филипп Ромашин дал знак двигаться. Десантники гуськом потянулись к метро управления.

Группа риска набиралась в основном из профессионалов отдела безопасности, но среди них были и представители технического сектора управления: кибернетики, специалисты в области интелматики, археонавты, ксеноматематики, инженеры и контактеры, специалисты Института внеземных культур в области неземных технологий. Всего в риск-обойму вошел тридцать один человек, считая Хана и Мальгина.

— Вас искал Таланов, — тронул Мальгина за плечо Ромашин, рослый, с малоподвижным суровым лицом и седыми висками; они пошли рядом. — Я сказал, что риск участия в экспедиции не больше, чем при купании в шторм, и Богдан меня понял. Но это не преувеличение. Не лучше ли, пока не поздно, отказаться от похода? Вы один из лучших нейрохирургов Системы, и мне потребовалось убедить в необходимости вашего участия не только Таланова, но и СЭЖОН*.

Мальгин искоса взглянул на собеседника. Ромашин был начальником отдела безопасности, и его собственное участие в десанте указывало на серьезность и опасность этого шага, последствия которого были непредсказуемы, несмотря на привлечение к операции всего интел-

---

* СЭЖОН — сектор этического и социального контроля за опасными исследованиями (подкомиссия ВКС — Высшего координационного совета).

лектронного и вычислительного потенциала управления. Руководитель десанта понял Мальгина еще до того, как тот собрался ответить, пожал его локоть и ушел вперед.

— Он прав, — сказал Джума Хан, догнав Клима. — Пожалуй, я поспешил с предложением вашей кандидатуры. Вы не должны рисковать собой там, где могут и должны рисковать другие.

— Нет, — ответил твердо Мальгин, снова вспомнив слова Купавы: «Ты становишься «человеком-нет». — Я не следую принципу: все, что ни делается, — делается к лучшему, но предпочитаю делать, а не рассуждать, кто должен делать.

Джума Хан едва заметно улыбнулся.

— А я вот всю жизнь оправдываю этот принцип, только с некоторым довеском: все, что ни делается, — делается к лучшему, но худшим из способов.

Мальгин с недоверием посмотрел на врача. Тот снова улыбнулся.

— Что, не похоже? К сожалению, это факт. Хотите свежий пример? Как вы думаете, откуда я знаю Чокой?

— Я хотел спросить об этом еще в институте, но постеснялся.

— Дело в том, что она моя жена.

Мальгин от неожиданности даже замедлил шаг, но в это время они подошли к залу метро, и разговор прервался. Ромашин подождал, пока все зайдут в кабину, перекинулся парой слов с оператором и вошел сам.

Минута ожидания, короткий гудок, бесшумный толчок куда-то в область сердца, темнота и яркий свет финиш-камеры. Открылась дверь, десантники вышли в коридор спейсера «Конунг», дежурившего возле Стража Горловины, планеты-куба, открытой Шаламовым с трагическими для себя последствиями.

Их ждали двое: командир спейсера Хольгер Сваллинг и начальник отряда безопасников Александр Шевчук, оба кряжистые, белобрысые, с бородками и светлыми усами, похожие друг на друга, как братья. Отличить

их поначалу можно было только по родинке на щеке у Шевчука. На обоих были надеты эмканы пси-связи системы «спрут»*, Мальгин видел такие второй раз в жизни.

— Обстановка? — спросил Ромашин.

— Пока нормально, — ответил Шевчук. — Оперативный прогноз дает вектор свободы на сутки с вероятностью ноль семьдесят семь.

— Готовность патрульной тревоги?

— Две с половиной минуты.

— Слишком много для данного случая, доведите готовность до минуты.

— Две с половиной и так — сверх норматива «срам»**, к тому же мы наконец запустили «Аргусы» у Маата, у Орилоуха и в Горловине.

— Хорошо, тогда сразу включаемся в работу, если готова экипировка.

Шевчук повел всех за собой.

— О чем речь? — тихо спросил Мальгин Хана, направляясь за молчаливыми парнями.

— «Аргус» — это система так называемого «глубокого» наблюдения за объектом, в данном случае наблюдение установлено не только за всеми маатанскими зондами в Горловине, но и за стартовыми коридорами спейсеров-«проникателей» Маата, чтобы вовремя предупредить наших ребят здесь, в Горловине, а также вне ее, о старте чужих кораблей или о передаче маатанами массивного груза в Горловину. Вообще-то хорошо бы ознакомить вас со специфичной терминологией безопасников, но нет времени. Если что не поймете — спрашивайте, чтобы не ошибиться.

Мальгин кивнул. Он не страдал никакими комплексами и хотя и не любил, но и не боялся выглядеть

---

* «Спрут» — система компьютерной связи, соединяющая всех, включенных в ее контур.

** «Срам» — пункт инструкции УАСС, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».

смешно в глазах окружающих, будучи некомпетентным в какой-то из областей знания.

В экспедиционном зале спейсера их ждали в зажимах пленочные скафандры, энергопояса, приборные комплекты, универсальные инструментарии, антигравы, оружие и необычного вида эмканы. Ромашин оглянулся на Мальгина, ожидая увидеть на лице хирурга растерянность, не увидел и кивнул удовлетворенно.

— Вы уже поняли, в чем особенность экспедиции? Так как маатане установили в Горловине маяк-табу «частного владения», а недавно запустили в нее и «сторожей», уничтожающих любых непрошенных, по их мнению, гостей, нам приходится работать в режиме «инкогнито».

Мальгин промолчал.

— В десант-обойме ваш номер второй, и по связи откликайтесь на вызов двойки.

Рисконавты принялись натягивать на себя костюмы, застегивать пояса, закреплять на них оружие и приборные комплекты. Хан оделся первым, подошел к Мальгину, помог застегнуть эмкан.

— Не жмет? — раздался в голове его мысленный «шпот». — Включите блокиратор пси-контроля. С оружием знакомы? Это «Универсал-101».

— Имел дело, хотя времени с тех пор прошло изрядно.

— Порядок, вспомните. Не забудьте включить имитатор, когда пойдем вниз.

— Какой имитатор?

Джума Хан отступил на шаг и вдруг превратился в черно-серебристую глыбу «черного человека».

— В шлемы встроены «динго»*, имитирующие облик маатан во всех диапазонах вплоть до рентгена, поэтому и понадобились скафандры, защищающие от их излучения.

---

* «Динго» — излучатель динамического голографического изображения.

— Остроумно, — хмыкнул Мальгин. — Вы случайно не инструктор? Может быть, врач «скорой» — ваше хобби?

Хан рассмеялся.

— В управлении работают универсалы, дорогой Клим, я из их числа. Еще полгода стажировки, и меня, возможно, переведут к безопасникам, если выдержу кое-какие испытания. Кстати, я заметил вашу мину, когда сообщил новость о Карой. Помните, она выразила сомнение, что маатане признают де-юре наши притязания на одновременность открытия «серой дыры»? Так вот, чтобы не возвращаться к этому, приведу вам разницу между де-факто и де-юре на примере наших с Карой отношений: де-юре — мы с ней муж и жена, а де-факто... — Он развел руками.

— Черт возьми! — сказал Мальгин хладнокровно. — У нас, оказывается, сходные судьбы.

— Я знаю, — сказал Хан не менее хладнокровно.

«Откуда?» — хотел спросить Клим, но в этот момент Ромашин подал сигнал к выступлению.

Через четверть часа они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Илья Муромец», зависшего над островом Стража Горловины, где остались умирать вонзившиеся друг в друга «Кентавр» Шаламова и маатанский «проникатель». А еще через несколько минут Мальгин, продавив перепонку выходного люка в брюхе спейсера, медленно опускался на остров, вглядываясь в открывшийся взору пейзаж.

С момента эвакуации Шаламова на острове ничего не изменилось. «Теннисная ракетка» «Кентавра» торчала из китообразной туши маатанского корабля, как дротик охотника, вернее, как гарпун китобоя. Стояла над заросшей золотистым пухом бороздой, пропаханной гигантом при посадке, туча красивых, долго не гаснущих искр, похожих на птиц или насекомых. Угрюмо чернели невдалеке «развалины» вудволлового леса. Манил законченностью форм и эстетическим совершен-

ством «храм» в полутора десятках километров. И, как и прежде, островом владела тишина, от которой закладывало уши.

Ромашин, превращенный аппаратурой «динго» в жуткую фигуру на странном аппарате, похожем на журавлиное гнездо, первым спикировал к спасательному шлюпу и скрылся в открытом кормовом люке. Остальные «черные люди» рассыпались кто куда, исчезли, у них были свои специфические задачи, и каждый точно знал, что ему надлежит сделать.

— У нас с вами нет конкретного задания, — раздался пси-шепот Хана. — Давайте посетим маатанский гроб, спутешествуем к «храму», а потом вернемся в рубку «Кентавра». Пока ребята не распотрошат Джорджа, делать там нечего. Если захочешь участвовать в оперативных переговорах — дай команду, все мы завязаны между собой «спрутом» и подключены к «Умнику», он выполнит приказ.

«Умниками» называли компьютеры-интелматы высшего класса с колоссальным быстродействием и огромной собственной памятью, с ними можно было не только работать, как с машиной, с вычислителем, но и вести беседу, как с человеком, компетентным практически во всех областях науки и культуры.

Мальгин посмотрел на зависшую рядом глыбу «черного человека» — Хана, и вдруг что-то заставило его посмотреть вверх. Над ними висела жуткая черно-коричневая громада, ничем не напоминающая земной спейсер! И лишь несколько секунд спустя Мальгин понял, что это камуфляж — спейсер прятался внутри созданного с помощью «динго» «маатанского корабля», как и люди — внутри голографических изображений «черных людей».

Что-то гулко прошипело там, в днище «чужака», из черного люка выпала странная кособокая конструкция, набирая скорость, пошла в сторону «храма». Разведзонд, замаскированный под маатанский аппарат,

Мальгин проводил его взглядом и опустил за Джумой на корпус мертвого маатанского «проникателя».

В течение двух часов они обшаривали чужой корабль, стараясь не мешать исследователям десанта, потом слетали к «храму», особенность восприятия которого действовала на людей как неожиданно вскрывшийся обман. За это время дважды «Умник» включал сигнал предупреждения из-за «падения вероятности положительного прогноза», то есть из-за появления в поле зрения наблюдателей маатанских «сторожей», но все заканчивалось благополучно. Мальгин с интересом знакомился с миром Стража Горловины и маатанской техникой, но вскоре почувствовал неудовлетворенность собственным положением: рисконавты работали, а он прохлаждался.

Судя по переговорам десантников, кое-что стало уже известно, однако этого «кое-что» Мальгину было мало. Тогда он с молчаливого согласия Хана присоединился к тем, кто работал в рубке «Кентавра», терпеливо «препарируя» мертвого Джорджа.

— Каковы впечатления? — встретил его вопросом Ромашин; у него, как и у остальных работающих в рубке шлюпа, «динго» был выключен.

— Потрясающе! — честно признался Мальгин. — По роду деятельности мне никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, а об археонавтике я знал только понаслышке. Если бы не специфический подтекст нашего здесь появления — я мог бы увлечься профессиями археонавта и ксенолога всерьез. Не могу даже выделить наиболее интересные детали — все интересно! Хотя, конечно, особенно впечатляют маатанский корабль и «храм» на острове. Кстати, что это такое на самом деле?

— Моно-но-аварэ *, — пробормотал протиснувшийся в рубку Хан.

---

* Эстетическая категория японской культуры, понятие, обозначающее скрытую прелесть каждого предмета.

Ромашин заинтересованно взглянул на него, кивнул, соглашаясь.

— В чем-то вы правы. А вообще существует несколько гипотез, по одной из которых «храм» — останки разумного существа, «скелет», так сказать.

— Вы серьезно?! — пробормотал Мальгин, переглядываясь с не менее изумленным Джумой.

Ромашин усмехнулся.

— Правда, в связи с этой гипотезой возникает проблема обоснования строительства Стража Горловины. Зачем планета-куб понадобилась таким странным существам? Как они ее строили? Известно, что социальная целесообразность астроинженерной деятельности равна ее практической реализуемости. Планета-куб реализована, но зачем — неизвестно. И почему погибла раса горловиан — неизвестно, видимых причин нет. Конечно, мы не исследовали и миллионной доли Горловины и ее «стража», многое еще прояснится, но, кроме «сторожей ЧЧ», в Горловине полно другой техники, чужой, разумеется, это здорово мешает.

— Мне не совсем понятны... э-э, ваши...

— «Сторожа ЧЧ» — это автоматы маатан, а что касается другой техники, то мы опознали только автоматы Орилоуха, принадлежность остальных пока не выяснена. Но сомнений нет — все они исследуют «серую дыру», не обращая внимания на маатанский запрет... что дает и нам основание действовать подобным же образом, не мешая никому. — Ромашин хотел добавить что-то еще, и в это мгновение «Умник» передал по психовязи сигнал общей тревоги.

— В поле зрения «сторож ЧЧ», курс на Стража Горловины, время подхода десять-двенадцать минут.

— Всем «ВВУ-экстра»! — передал мысленный приказ Ромашин.

Хан подтолкнул Мальгина в спину:

— Аллур три креста!

И они помчались к выходу, но как быстро ни бежа-

ли — пришли на спейсер последними. Все-таки безопасники группы риска были профессионалами и ориентировались в обстановке быстрее.

— «ВВУ-экстра» — это сигнал сбора по форме «внезапно возникшая угроза», — сказал, переводя дыхание, Джума Хан, когда они ворвались в зал десанта и нырнули в кресла согласно штатному расписанию. — У меня предчувствие, что останемся мы при пиковом интересе, ничего толком не узнав.

Перед ними развернулся объем виома с пейзажем острова, над которым висел спейсер. Остров немного отодвинулся и сместился вправо — спейсер поднялся чуть выше и отработал в сторону, теперь стали видны проткнувшие друг друга земной шлюп и маатанский корабль.

— Полный запас на отражение и поглощение! — раздался в наушниках голос командира спейсера. — Десанту приготовиться к капсулированию и маневру ухода.

— Готовы, — сказал Ромашин, посмотрел на Мальгина, совершенно спокойный и обыденно неторопливый; он сидел рядом, справа. — Ну как, взяли что-нибудь для себя? Хотя бы в эмоциональном плане?

Мальгин собрался с мыслями, возбуждение его от бега и непривычной ситуации улеглось. Он понял, что имел в виду Ромашин.

— В общем, для полноты картины мне действительно нужно было увидеть район действия, место встреч Шаламова с «черным человеком». Уверен, это поможет мне в будущем, когда мы вплотную подойдем к... операции. Но скажите, удалось ли что-нибудь выудить из памяти координатора шлюпа?

Ромашин оглянулся на кого-то из десантников:

— Об этом вам расскажет Фредерик...

— Внимание! — перебил его командир спейсера. — «Сторож» над островом. Всем готовность «ноль»!

Вариатор вырезал в верхней части виома окруж-

ность, внутри которой появилось изображение маатанского аппарата: нечто вроде корявого ствола какого-то исполинского дерева, очищенного от ветвей, но с разлохмаченной корой и множеством наростов, напоминавших гриб-трутовик. При входе в атмосферу «ствол» вдруг превратился в плоский «блин» с вытянувшимся вперед «клювом» и стал похож на хищную морскую мантию. Размеры «манти» от «клюва» до «хвоста» достигали трехсот десяти метров, а толщина тела составляла около двадцати восьми метров. Она за несколько секунд пронзила оставшиеся двадцать километров до поверхности Стража Горловины, одевшись при этом в струящийся ореол — слой плазмы, и зависла точно над «ракеткой» шаламовского шлюпа, не обращая внимания на висящего неподалеку «собрата».

Дальнейшее произошло в течение полуминуты.

С «клюва» маатанского «сторожа» сорвалась неяркая в свете «дня» зеленая молния и вонзилась в тело шлюпа. На месте сцепившихся кораблей вздулся красивый сверкающий «мыльный пузырь», вырос до километра в диаметре и лопнул огненными лоскутами. Чудовищный вихрь взрыва ударил во все стороны, сметая на своем пути скалы и ближайшие «развалины» вудвольового леса. Серо-зеленая пелена раздробленного в щебень камня, почвы и пыли скрыла под собой чуть ли не весь остров.

В зале заверещали счетчики радиации, хотя спейсер при взрыве даже не дрогнул — сработали поглотители инерции и ударной волны.

— Аннигиляция? — пробормотал Ромашин.

— По кораблям нанесен удар неизвестным видом энергии, — сообщил «Умник», — мощностью около трех мегатонн, но при этом применено локализирующее капсулирование взрыва, ослабившее ударную волну, гамма-излучение и световой поток на пять порядков по двум осям координат.

Корона выброшенного вверх слоя почвы постепенно

осела, пыль и дым рассеялись, взорам свидетелей неожиданного нападения предстала в центре острова изумительно ровная, отблескивающая радужной глазурью дыра! Не воронка, а именно дыра диаметром в два километра и неизвестной глубины. Вся энергия взрыва, уничтожившего влипшие друг в друга корабли, пошла в глубь пород острова.

Мальгин не успел обменяться с соседом впечатлениями, маатанский «сторож» вдруг развернулся «ключом» в их сторону.

В рубке и зале десанта повисла напряженная капельно-звонкая, «предгрозовая» тишина. У Мальгина непроизвольно сжались мышцы живота, будто неведомый противник направил в его незащищенное тело острие шпаги. Истекли долгие пять-шесть секунд, в течение которых состоялся короткий разговор «Умника», Ромашина и командира спейсера, но они говорили на таком узкоспециальном жаргоне, что непосвященному разобратся в нем было почти невозможно. Мальгин понял только, что чужак запросил кодом спейсер, тот ответил, подлаживаясь под своего (безопасники и разведчики поработали неплохо, раскрыв многие секреты маатан, в том числе и язык), но поверил ли «сторож» — можно было узнать лишь по реакции водителя аппарата.

«Сторож» снова послал запрос — спейсер еще раз ответил. Маатанский автомат «задумался», что-то в ответе «собрата» ему не нравилось. Ромашин принял решение раньше.

— Брэк! — скомандовал он. — Императив «Ку-тузов»*!

В ту же секунду спейсер перешел «на струну» и сошел с нее уже за пределами Горловины.

---

* Императивы — разработанные аналитиками отдела безопасности штатные режимы для групп риска, учитывающие изменения опасных ситуаций, компьютерам остается только пересчитать их в конкретное приложение к создавшемуся положению,

Десантники зашевелились, перебрасываясь репликами.

— Я думал, он и по своему «проникателю» шарахнет, — сказал Джума Хан. — Интересно, мы бы ответили?

— Скорее всего нет. — В голосе Ромашина прорезались мрачные ноты. — Мы не исповедуем закона возмездия типа «око за око», но явно чего-то не учли в разработке режима «инкогнито». «Умник», что не устраивало «сторожа»?

— Видимо, «динго» работал нечетко, изображение плыло, вот автомат и не поверил. А вообще-то программе «динго» составлял не я. И действовал на основе собранных данных, точно следуя логике маатан. Сбросы и ошибок в работе систем и персонала не зафиксировал.

— И все же мы действуем пока в пределах наших правил игры. Необходим тщательный разбор ситуации во имя исключения подобных сюрпризов. Почему «сторож» уничтожил разбитые корабли?

— Нет достоверной информации.

— Есть предположение, — сказал Шевчук. — В Горловине крутится много чужой техники, я имею в виду орилоухскую, причем в отличие от нас орилоухи свою не маскируют, а маатане делают вид, что не замечают их, а может быть, и договорились о совместном исследовании «серой дыры», но в любом случае маатане решили скрыть от всех предмет возможного спора — кто и когда открыл вход в «серую дыру». А появление спейсера над островом спровоцировало, вернее, ускорило их решение.

Ромашин подумал и выбрался из кресла.

— Не бесспорно, однако у меня нет принципиальных возражений. Возвращайтесь в Горловину и решайте свои прежние задачи, коль уж мы так неудачно вмешались в дела пограничной разведки.

— Это мы виноваты, — встал Мальгин, виноватым

жестом потерял подбородок. — Но я не знал всех обстоятельств дела, и у меня... просто не было выхода.

— Вашей вины здесь нет, — сказал Ромашин твердо. — Просто мы плохо подготовили операцию, информационно и технологически плохо, с чем еще предстоит разобраться. Идемте, поговорим на базовом.

Через несколько минут, сняв скафандры, десантники покинули борт «Ильи Муромца», который тотчас же растворился в пространстве, направляясь в Горловину, и собрались в кают-компанию «Конунга».

Неизвестно, о чем думал Джума Хан и какие им владели чувства, но Мальгин чувствовал себя неловко. Словно был виноват в неудаче экспедиции или на худой конец отстаивал необходимость заведомо обреченной на провал операции. Он редко нервничал, никогда не паниковал, не чурался риска, если это касалось только его личного благополучия и грозило неприятностями ему одному, но и бросаться очертя голову в схватку, в гущу событий, не зная ориентиров и конечной цели, не привык.

— Свои проблемы обсудим позже, — сказал Ромашин, каким-то шестым чувством оценив состояние Мальгина, — поэтому попрошу высказываться ближе к теме наших гостей. — Он повернулся к хирургу. — Вся добытая информация и выводы экспертов будут зафиксированы в памяти «Умника», и вы сможете получить запись по возвращении на Землю. Помощь наша, к сожалению, будет весьма незначительна, финал десанта не в нашу пользу, так что не обессудьте. Итак, сначала вы, Фредерик.

— Вынужден повторить эту очень неудобную фразу «к сожалению», — сказал главный кибернетик десанта, узкоплечий, с шапкой выгоревших до льняного блеска волос. — Все, что смогли, мы переписали и даже демонтировали кое-какие из блоков памяти Джорджа, но едва ли удастся восстановить из этого электронного хлама что-то путное. Компьютер получил сильнейший

информационный удар, в результате чего шоковые наводки разрушили контуры интеллекта и межцентровые связи. Единственное, в чем мы разобрались: Джордж не был подключен к маатанскому компьютеру и принял на себя удар от пилота. Да-да, не удивляйтесь, это обстоятельство выяснено совершенно точно, канал связи координатора с эмканом пилота, слава богу, сохранился.

— Теперь вы сможете оценить не только качественно, а и количественно информационную мощь мозга Шаламова, — добавил Ромашин.

— Учтите еще вот что, — продолжал кибернетик. — Джордж, очевидно, подключился к мозгу пилота самовольно; это очень интересный штрих, но для вас не главный, — зато может заинтересовать процесс подключения. Время обратной связи Шаламов — координатор не превышало десятых долей секунды, но за эти мгновения Джордж, скорость операций которого близка к пределу Мука, пытался упорядочить хлынувший поток информации и успел частично перестроить электронную структуру мозга. Потом он все равно был «затоплен», однако четко прослеживается корреляция его оперативного поля со схемой маатанского компьютера.

— Ну и что? — спросил Джума Хан, подождав.

Кибернетик замялся, посмотрел на Ромашина.

— Извините, если я сложно объясняю...

— Так давайте попроще, мы не обидимся.

Фредерик порозовел, был он, по сути, еще очень молод, но ориентировался в разговоре с неспециалистами быстро.

— В двух словах сказанное мной переводится так: судя по состоянию Джорджа, принципы мышления вашего пациента близки к принципам работы маатанского компьютера. Предполагается, что у Шаламова база этики — человеческая, а база логики, база принципов обработки информации — маатанская. Подчеркиваю — предполагается. Более точную реконструкцию проис-

шедших событий сможем выдать вам только после обработки массива полученных данных.

— Информация нужна мне сегодня, не позднее... — Мальгин запнулся, потому что хотел сказать «не позднее десяти вечера», но в полете время на спейсере отсчитывалось иначе. — Не позднее чем через шесть-семь часов.

Десантники, как по команде, одновременно посмотрели на Ромашина.

— Надо, значит — будет, — сказал Фредерик.

— Вне всяких сомнений, — кивнул Ромашин. — Кто еще имеет что сказать гостям?

— Добавлю, — Фредерик посмотрел на Мальгина, желая, видимо, произвести хорошее впечатление, — что сам маатанин не смог бы починить свой «проникатель», потому что необходимые для этого компоненты находились на борту «Кентавра», а об этом знал только Шаламов. Он смог разобраться в управлении маатанской техникой и использовал ее для ремонта системы связи. Это все.

— У меня вопрос, — поднял руку верзила с несколько сонным выражением лица. — Вы хорошо знаете Шаламова?

Хан и Мальгин переглянулись.

— Достаточно, — сказал Хан. — Что вы имеете в виду?

— Меня он интересует как личность.

— Если очень коротко, то Шаламов азартен, упрям, независим, решителен, с твердой волей и любовью к риску. Личность своеобразная, но сильная.

— Это я и хотел услышать. Дело в том, что маатанский компьютер — моя группа успела его «оживить» — носит четкий отпечаток личности оператора-человека, в данном случае — Шаламова. А для того, чтобы поместить знак императив-вектора обратной связи, нужно обладать очень мощным интеллектом и несгибаемой волей.

— Вы хотите сказать, что произошел обмен? Шаламов получил запас знаний маатанского компьютера, а тот — память пилота?

— Более того, — сказал ведущий ксенопсихолог десанта. — Шаламов воздействовал не только на маатанский интелмат, но и через него на психику «черного человека», из-за чего у маатанина произошел, очевидно, «сдвиг» в обратную сторону, в сторону «очеловечивания», иначе трудно объяснить его поступок. Нормальный маатанин никогда не стал бы беспокоиться за судьбу гуманоида, а спасенный Шаламовым, по сути, выручил своего спасителя, сообщив нам его координаты. Этот поступок еще требует анализа и влечет за собой интереснейшие последствия.

— Это все, что мы можем сообщить коллегам? — снова спросил Ромашин, вызвав отсчет времени на своем браслете.

— Пока все, — ответил смущенный кибернетик за остальных.

— Минуту, — сказал Мальгин через силу; неожиданно сжавшееся горло мешало говорить. — Я бы не обратился за помощью, имея все необходимые для операции Даниила сведения. Но у меня нет ни капли информации по физиологии, биологии и психике маатан. Если ваши предположения об «очеловечивании» «черного человека» верны, то у нас есть шанс выяснить все через этого спасенного Даном маатанина. Прошу об одном: дайте мне возможность встретиться с ним.

В зале установилась тишина. Ромашин оглядел свою команду, по губам его скользнула тонкая иронично-понимающая усмешка.

— Вы представляете последствия в случае конфликта с маатанами?

— А вот это уже ваша забота, — огрызнулся Мальгин.

Ромашин засмеялся, за ним десантники. Джума Хан, улыбаясь, подмигнул хирургу и поднял большой палец.

— Хорошо. — Начальник отдела безопасности стал серьезным. — Мне нравится ваш подход к делу. Поскольку я предвидел аппетиты медиков, то заранее вышел в Совет с просьбой ради спасения жизни Шаламова разрешить локальный контакт с маатанином, и СЭКОН дал согласие, а специалисты ИВКа разработали варианты сценария встреч с «черным человеком». Не буду говорить, какими методами и чего нам это стоило, но мы вычислили местонахождение маатанина, спасенного Шаламовым. Судя по предварительным данным, он в «сумасшедшем доме», если применить наши человеческие аналогии и термины. Видимо, он и в самом деле воспринял многое из того, чем был заполнен мозг пилота, вот его и решили изолировать. Честно скажу: если бы не это обстоятельство, мы не рискнули бы провести операцию, против которой до сих пор возражает председатель комиссии по контактам, работающей в системе Маата на «Эдип-2». И все же речь идет не о нас, на контакт пойдете вы, что намного усложняет подготовку и сопровождение операции, потому что вы не профессионал-безопасник. Не скажу, что риск смертелен, в этом случае СЭКОН не разрешил бы даже зондовой проверки, однако он все-таки достаточно высок, и я вынужден официально получить ваше согласие на участие в операции.

— Согласен, — твердо сказал Мальгин.

— Ваш дублер?

— Провалиться мне на этом месте, — сказал Джума серьезно, — если я откажусь.

— Узнаю по когтю льва, — пробормотал Фредерик; на лицах десантников замелькали улыбки: многие из них знали нрав врача СПАС-службы.

— Тогда перейдем к делу. — Ромашин кивнул. — Так как традиционного РК-ВК-ИК* с маатанами не получается, вступает в силу специфика работы нашего

---

* Радиоконтакт — визуальный контакт — информационный контакт.

отдела, и пока мы будем готовиться, вам придется пройти сеанс гипнообучения для получения кое-каких жизненно необходимых сведений. — Начальник десанта повернулся к своим подчиненным. — Обойме смены усиления — на замену.

Несколько десантников, в том числе кибернетики и специалисты-инженеры, молча встали и вышли, их место заняли другие безопасники. Прodelано это было без единого слова, каждый человек знал свои обязанности.

Группа риска была готова к новой работе.

4

Спейсер начал ориентацию в пространстве, чтобы прыгнуть на двадцать девять парсеков и выйти у Маата, соблюдая все меры предосторожности режима «инкогнито». На маневр и прыжок ушло около часа, готовить собственно было нечего, все было давно подготовлено к операции, остальное было делом техники, а компьютерная техника человека уже давно не подводила.

За это время Мальгин успел пройти сеанс гипнообучения и владел теперь не только специфичной терминологией безопасников и пограничников, но и знал все приемы работы и страховки групп риска, подобных их риск-обойме. Кроме того, ему прокрутили пятиминутный видеоклип психологической разгрузки, и намекающиеся признаки усталости отступили.

Пока «Конунг» устанавливал связь со станцией «Эдип-2», находившейся в системе Маата уже семь лет, — Ромашин хотел предупредить контактеров о предстоящей работе, — Мальгин перекинулся с Ханом несколькими фразами и убедился в том, что оба они реагируют на происходящее одинаково: не без волнения, но сдержанно и ровно. К тому же Джума умел

слушать собеседника, что всегда нравилось Мальгину, и он даже подумал мимолетно — почему же при таких достоинствах Джума не смог удержать Карой Чокёй? Но тут же пришла мысль: а ты почему не удержал Купаву? Тоже, видать, есть какая-то червоточина, нивелирующая личное благополучие и счастье? И Клим, усмехнувшись в душе, переключил внимание на предстоящую работу.

Процедура переодевания не заняла много времени, хотя экипировка нового десанта отличалась от первого — в горловину «серой дыры». Скафандры десантников представляли собой компьютеризированные автономные оболочки, увеличивающие вероятность выживания в экстремальных условиях, снабженные усилителями силы мышц, системами защиты, реагирующими на любую потенциальную опасность, и оружием, управляемым мысленным приказом, имеющим также шлемные системы наводки.

Компьютер-интелмат скафандра Мальгина носил звучное имя Кир и очень быстро оптимизировал работу систем скафандра, подгоняя их под личность и особенности хозяина таким образом, что Клим почти перестал ощущать его на себе.

Опробовав скафандр в движении, Мальгин занялся проверкой автономного медицинского диагностера-интелмата, напичканного множеством сложнейших систем для записи и анализа состояния живых организмов. Этот диагностер был специально подготовлен для работы с неземными существами.

Джума Хан молча наблюдал за действиями хирурга, хотя мог бы спросить — зачем Мальгину диагностер: работать на аппарате предстояло ему.

— Переключка-проверка, — слышался пси-шепот Ромашина.

— Второй готов, — отреагировал Мальгин, чувствуя возбуждение и желание действовать.

Десантники один за другим выдали готов-

ность, и Ромашин первым вошел в кабину метро спейсера. Через минуту они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Стратег», прибывшего раньше для анализа обстановки и подстраховки основных сил, затем, сопровождаемые одним из членов экипажа, опустились на горизонт транспортного обеспечения. Их ждал необычного вида аппарат, похожий на засохший кленовый лист буро-желтого цвета, с загнутыми краями и утолщением в центре. Размеры его превосходили размеры десантного когга: высота утолщения — пять метров, диаметр окружности «листа» — тридцать.

— Это и есть когг, — пояснил Кир, едва Мальгин успел подумать о форме аппарата, — но его «динго» уже включен. Включаю свой.

Десантники превратились в черно-металлические туши маатан, один за другим влезли в щель люка. В неподвижности и молчании потянулись минуты ожидания. Вид черных фигур действовал на Мальгина угнетающе, ему почему-то казалось, что от них веет угрюмым презрением и даже угрозой, и хотелось быстрее включиться в дело, почувствовать себя хозяином положения, а не гостем на чужом пиру. В грузовом отсеке когга было ровно столько места, чтобы десантники разместились стоя, касаясь друг друга локтями и плечами, так что иллюзорные тела «маатан» проникали сосед в соседа.

Стоящая рядом глыба «черного человека» не шевельнулась, но Клим почувствовал хлопок по плечу.

— Джума? — сказал хирург наугад.

Раздался смешок Хана.

— Я думал, ты меня не узнаешь.

— У меня перед ответственным делом развивается импринтинг*.

— Поди ж ты — у меня то же самое.

---

* Импринтинг — обостренная чувствительность к окружению.

— Хочу пояснить, — сказал Ромашин, не отличающийся от остальных «маатан». — Операция уже началась, но первыми включились обоймы сопровождения, поддержки и обеспечения, всего около трехсот человек, а наша задержка вызвана тем, что спейсер сейчас проводит захват и замену настоящего маатанского аппарата нашим, чтобы не насторожить маатанскую систему контроля пространства. Сам спейсер невидим для любых радаров, а наш когг будет имитировать форму маатанского шлюпа и копировать его сигналы.

Мальгина снова охватило чувство неловкости и вины: чтобы помочь ему сделать свою работу, включились огромные человеческие коллективы, вынужденные рисковать ради решения чужой проблемы своим здоровьем и, может быть, жизнью, привелись в движение громадные технические и энергетические ресурсы, и все это — ради спасения одного человека; не велика ли цена?..

Эта мысль мелькнула и погасла; Мальгин вспомнил выражение глаз Купавы, растерянно-жадущие лица родителей Шаламова, чувство вины растаяло.

— Есть захват! — прошелестело в наушниках эмканна. — Пошел десант!

Толчок был несильным, а движения не ощущалось вообще. Эфир вдруг взорвался множеством голосов — на несколько секунд:

— Сопровождение — форма «экстра», тройное дублирование!

— Юг — на контроль атмосферы.

— Реакция нулевая...

— Север — планетарный контроль...

— Реакция нулевая...

— Вруб «абракадабры», отбой аналоговой связи!

Тишина в эфире, потом дробь писков и гудков, и снова тишина. Толчок, совсем легкий.

— Группа обеспечения! — Голос Ромашина.

Несколько черных фигур отделились от толпы «ма-

атан» — десантники обоймы обеспечения пошли на работу. Истекла минута, другая...

— Двойка и тройка — ваш выход!

Как ни был Мальгин готов к вызову, все же вздрогнул, хотя рефлексы сработали мгновенно и не дали ему замешкаться. Джума Хан последовал за ним вместе с диагностером, «динго» которого превратил аппарат в нечто, напоминающее пень с массой плотно упакованных корней.

В световом диапазоне пейзаж Маата был угрюм, необычен и дик, в его красках преобладали багровые и бурые тона, и казалось, что вся планета закутана в туман. Объяснялось это просто: окно прозрачности атмосферы было сдвинуто в сторону ультрафиолетового диапазона. Кир включил нужный диапазон видения скафандра, «туман» растаял.

Небо планеты показалось низким и плотным, по его темно-серому с бурыми пятнами фону неслись перистые светящиеся облака. Светило висело над горизонтом в зеленом ореоле, неяркое и негреющее. Когг произвел посадку на плоской, как стол, равнине, в центре круглой площадки, засыпанной слоем янтарно-желтой, светящейся изнутри гальки. За площадкой шла твердая почва, напоминавшая бетон или асфальт, но зеленовато-желтого цвета, с черным узором, похожим на следы древоточца на коре дерева. В трех десятках метров от когга начиналось небольшое озеро, вернее, пруд строгой геометрической формы — трапеции, с черной водой и громадными дышащими пузырями. За прудом начинался пологий склон холма, поросший ярко-оранжевыми языками, гребнями и перепонками. На холме стояло низкое уродливое здание с покоробленной черной крышей, без окон и дверей. Слева от него из почвы вырастали немислимые конструкции, похожие на заросли из металлических шипов и проволоки, а справа шел ряд «парусов» — громадных рваных полотен из полупрозрачного материала с прожилками, обрамленных метал-

лически блестящими полосами. За ними виднелись какие-то увенчанные черными «розами» мачты и ажурные башни. И замыкалось голое пространство за коггом невысокой стеной, сложенной из грубых, плохо обработанных блоков не то камня, не то металла серебристого цвета.

Тишина в этом мире царила удивительная, лишь изредка откуда-то из-за стены доносился какой-то цокот и скрип.

— К зданию! — раздался в наушниках голос Ромашина. — Он там, внутри. Прошу быть готовыми к отходу, в глубине здания отмечена громадная концентрация энергии. Факт этот непонятен и потому особо опасен!

Мальгин скомандовал антиграву старт и за несколько секунд перенесся к зданию маатанского «сумасшедшего дома». За углом торчала фигура маатанина на «журавлином гнезде» — не поймешь, то ли десантник, то ли настоящий «черный человек». Бог с ним!

Сплошная стена здания вдруг раскололась щелью, в образовавшийся звездообразный пролом скользнула на «гнезде» блистающая серебром глыба.

— Переориентировка «Умнику»: персонал клиники одет в голубые «зеркала», мы выглядим чужаками.

— Принял, — отозвался «Умник». — Меняю программу «динго».

В ту же секунду цвет маатанских «комбинезонов», в том числе и у Мальгина, изменился на зеркально-голубой.

— За мной! — «Маатанин» нырнул в проем двери, за ним Мальгин, Хан с диагностером и двое десантников.

— Это верхний ярус, — на ходу бросил проводник обоим обеспечения. — Основной массив клиники внизу, глубина неизвестна, но не менее двухсот метров. Очень много энергоисточников, шумовых помех, невоз-

можно ориентироваться. Такое впечатление, что у них тут куча работающих энергостанций!

Они двигались по широкому коридору с гладким черным полом, бугристыми стенами и багрово светящимся потолком, в толще которого пульсировали прожилки голубого пламени. Ни одной двери Мальгин не заметил, но впереди справа стена коридора лопнула сразу в трех местах, и в образовавшиеся проломы выплыли «черные люди». У Мальгина екнуло сердце: влипли!

Первый из маатан, в фиолетовом «одеянии», что-то сказал: в голове Мальгина захрипело и затрещало, как валежник в лесу под ногами, «перед глазами» — таково было впечатление — метнулись пламенные стрелы, складываясь в узор фразы чужого пси-языка. «Вам здесь не место», — перевел «Умник».

— Мы идем одним путем, — мгновенно отреагировал десантник сопровождения. «Умник» послушно перевел фразу на маатанский: треск, шорох, скрип, вязь огненных лент.

Не останавливаясь, они проплыли мимо замерших озадаченных «черных людей». Десантник, замыкавший группу, отстал, загородив коридор, выдал угрюмое:

— Проходите, не задерживайтесь.

Чем закончилась встреча, Мальгин не увидел, проводник вдруг свернул в поперечный коридор, где возле открытой двери их ждал еще один член риск-обоймы.

— Здесь, — сказал сопровождающий, уступая дорогу.

Мальгин, не раздумывая, устремился в проем двери.

Взору открылось странное мрачное помещение, сходящееся клином метрах в сорока от входа. Освещено оно было слабым ручьем багрового света, струящимся по потолку, но Мальгин все же разглядел впереди тущу «черного человека», буквально заклиненную в остром углу помещения. Хирург приблизился. «Черный че-

ловека» не пошевелился, но у Мальгина возникло ощущение, что на него смотрит угрюмая гора.

— Мы идем одним путем, — сказал Клим, не зная, с чего начать. «Умник» перевел сказанное.

— Но вы идете с закрытыми глазами, — прозвучало в ответ.

Мальгин вздрогнул.

— Открывайтесь, — сказал быстро Хан, выталкивая вперед диагностер. — Иначе он будет принимать нас за своих врачей.

— Обойме-главной! — раздалось в наушниках эмкана. — Штормовое предупреждение! Маатанский глобконтроль обратил внимание на интенсивное движение в районе клиники. Вижу атмосферные объекты «АА». Время подхода — семь минут сорок секунд. Даю отчет.

— Балансировка, — прорезался голос Ромашина. — «Умник» — балансировка оптимальна!

— Предлагаю вариант-1, наиболее оптимальный в создавшемся положении.

— Двойка, ваше слово.

Мальгин сглотнул застрявший в горле вопрос. По первому варианту применялся отвлекающий маневр с запуском самостоятельного «динго», имитирующего орилоухский зонд, с последующей его самоликвидацией, и бегство десанта на борт спейсера.

— Едва ли мы сможем еще раз прийти сюда, применив первый вариант. Предлагаю второй: я остаюсь, вы уходите на орбиту и ждете сигнала.

Ромашин думал недолго.

— Принимаю. Всем постам императив «Хеопс»! Внешнему наблюдению максимальный «хамелеон»! Кен, обеспечить защиту двойки.

— Я обеспечу, — вмешался Джума Хан. — Требую соблюдения иерархии десанта, я — тройка!

Мгновение спустя голос Ромашина принес короткое:

— Разрешаю.

Весь разговор длился двадцать одну секунду.

Мальгин и Хан остались одни перед травмированным «черным человеком», взиравшим на них с равнодушием тысячелетнего старца. Связь с «Умником» прервалась, видимо, когг ушел на орбиту, общаться с маатанином предстояло без переводчика. Но он знал земной язык.

— Мы земляне, — сказал Мальгин, подходя ближе, — и нуждаемся в вашей помощи. Вы в состоянии еще раз помочь человеку, который выручил вас из беды после столкновения в «серой дыре»? Помните? Вы понимаете меня?

«Черный человек» не пошевелился, лишь на коже проступила «сыпь» — встопорчились мелкие кристаллики.

Тусклые огненные струйки пси-языка маатанина сплелись в немыслимый узор, потом из него вылепилась фраза на земном языке:

— Я понимаю... я помнит да есто... люди Землие что нуждаца конкретну... вопрос.

— Черт возьми! — прошептал Хан. — У маатан нет понятия «я», и они не умеют пользоваться глаголами. А этот — умеет!

— Ваш ксенопсихолог прав: «черный человек» получил знания Шаламова и теперь лучше знает язык. — Мальгин подошел к маатанину вплотную.

— Для лечения вашего спасителя нам необходимо знать биопараметры маатан: физиологию, биологию, нейрохимию, психологию...

— Нет необходимост перечисление... я понимаю... я нет помоч нет движене...

— Мы освободим вас. Если бы вы смогли подключиться к банку биологических данных... у вас есть такие банки?

— Банк что есто — вопрос.

— Вместилище информации, склад с запасом данных по всем отраслям науки, техники и культуры.

— У них нет науки и техники, — быстро сказал Джума; он уже включил диагностер и запустил программу исследований — около двух десятков «усов» протянулись от «пня» аппарата к неподвижному «черному человеку». — Их наука есть одновременно и искусство, и культура, и быт, и мораль, и этика.

— Я понимаю, — высветил маатанин. — Помоч я да есто движене... быстие... три... быстрые нет време... опасно да есто...

Мальгин бросился к маатанину, зажато му клиновидно сходящимися стенами его палаты, примерился, как вытолкнуть «черного человека» из щели, и вдруг понял, что тот вовсе не сдавлен стенами, как показалось вначале, а... врос в них боками!

— Джума! — окликнул Мальгин.

— Вижу, — отозвался врач. — Без ножа освободить его невозможно, надо резать... по живому.

— Резат да быстрые... я много понимаю ваш друг... нет смыслие жизни без жертвие сам — понимаю... нет смыслие любви без препятство — понимаю... наш маат нет состояние определит смыслие хомо жизни — понимаю... хомо ценил мы — я мы хомо — нет — плохо да есто...

Маатанин выдохся, на Мальгина пахнуло волной чужой тоски и сложных, не выразимых словами чувств. Человеческий язык не в состоянии определить все возможные оттенки переживаний даже самого человека, не хватило бы слов и точности, что же тогда говорить о переживаниях «черного человека»!..

— Режу! — Возглас Хана вывел Мальгина из ступора.

— Простите нас!

Джума двумя взмахами «лезвия» разряда «универсала» отделил маатанина от стен. Дважды в голове Мальгина вспыхнули огненные клубки — не то крики боли маатанина, не то «крепкие выражения», распались на светящиеся лоскуты, сложились в слова:

— Так я легко... контролеры кризис нет понимает я лечит нет время нет быстрое... как я движене — вопрос. Нет транспорт...

Джума мгновенно сформировал из диагностера нечто, напоминающее двухметровое блюдо.

— Садитесь, довезем.

«Черный человек», всколыхнувшись кристаллами тела, неуклюже влез на «блюдо».

— Я вперед... время совсем удар сердца... тревога да... ждат контролеры кризис... быстрое...

— «Контролеры кризиса» — это, наверное, их «врачи». — Джума выглянул в коридор. — Я пойду первым, ты за ним.

Процессия вылетела из палаты, стены которой вдруг задымились и покрылись сеткой мелких электрических разрядов. Свернули налево, потом еще раз налево, по коридору, ведущему в глубь клиники. Встретили целую толпу маатан в голубом, но Хан не снизил скорость, а наоборот, направился прямо на них, «вопя» во всю мочь заранее составленную на маатанском языке фразу («вопил», конечно, киб-интеллект скафандра):

— Прочь! Опасность! Освободите путь! Он уходит в хаос!

«Черный человек» вдруг засмеялся — так расшифровал его пси-всхлип Мальгин и не поверил себе: маатане не умели смеяться и не знали, что такое юмор. Видимо, отпечаток личности Шаламова был настолько глубок, что на самом деле перестроил личность маатанина; «черный человек» был «болен» человеком...

Мальгин посмотрел на громоздкую тушу, с поврежденных боков которой «сочились» и стекали вниз струйки голубоватого сияния — электрическая «кровь» маатанина, и хирурга обдало горячей волной благодарности, нежности и жалости: «черный человек» рисковал, как и они, но если они спасали человека, своего соплеменника, то маатанин шел на риск ради чужака-гуманоида вопреки колоссальным традициям морально-эти-

ческого кодекса цивилизации. Мальгин снова пожалел, что затеял эту экспедицию, заставившую переступить грань дозволенного риска сотне людей и совершенно чужому разумному существу, уже пострадавшему от встречи с человеком, хотя и спасенному им же.

Нырнули в прозрачный «пузырь» в тупике коридора — лифт, «мустанг», по терминологии Шаламова, который вынес их в просторный зал, чем-то напоминающий рубку маатанского корабля. У черного плоского экрана во всю стену зала сидели на «журавлиных гнездах» пять маатан в синем. Рядом с каждым рос из пола пучок членистых прутьев, похожих на бамбуковые удочки. Все пятеро «оглянулись» на шум.

— Не мешать! — рывкнул Джума Хан. — Контролеры кризиса. — Вытолкнул «черного человека» на «блюде» диагностера вперед. — Приступайте.

Неизвестно, что поняли из перевода маатане, сидящие у экрана, но они не сделали ни одной попытки воспрепятствовать смельчакам, застыв словно в столбняке лоснящимися тюленьими тушами.

Маатанин Шаламова что-то сказал соотечественнику, располагавшемуся в центре. В ответ раздалось такое сверканье чужой пси-речи — Мальгин и Хан тоже «увидели» этот взрыв эмоций, — что не приходилось сомневаться в смысле сказанного. Джума отреагировал мгновенно: туша маатанина кувырком вылетела из гнездобразного кресла и врезалась в барьер перед экраном.

— Полегче, — проворчал недовольно Мальгин.

— Я всего лишь толкнул его немножко, в назидание другим, времени на уговоры у нас нет.

«Черный человек», которого они привезли, с некоторой заминкой — опешил, видать, — занял освободившееся место. «Удочки» возле «гнезда» легли на него, образовав нечто вроде клетки. Экран напротив тут же выдал сноп светящихся стрел и кривых.

Выбитый «из седла» маатанин повозился у экрана и

застыл в нелепой позе, сильно смахивая на карикатуру изваянной из металла гориллы.

— Быстрые писание ответ, — заговорил «черный человек» спустя минуту; он был специалистом высокого класса, несмотря на травму психики, и умел работать со своей компьютерной техникой.

Джума Хан метнулся к нему, покопался в диагностере, отогнул три «удочки» от маатанина и воткнул их в спецгнезда на корпусе аппарата: со стороны этого никто не видел, видеопризрак тела маатанина, «надетый» на скафандр, надежно скрывал действия человека, просто Мальгин знал, что так все и было на самом деле.

— Готов.

— Писание идти... много нет время... опасно близь... должно бегствие быстрые да... быстрые...

Среди маатан у экрана прошло вдруг общее движение, Мальгин почувствовал на затылке давление чужого угрожающего взгляда, оглянулся. Вход в зал раскрылся, и в образовавшийся широкий многоугольный проем ворвалось вдруг жуткое страшилище: колоссальная туша, похожая на зубра и носорога одновременно, в пластинчатой броне, с кучей хвороста вместо ног.

— Уходим! — сказал Хан хладнокровно. — Это по наши души.

— Я прикрою! — не колеблясь, отозвался Мальгин. — Главное теперь — запись! Уноси диагностер и «черного». Быстро!

— Только не отставай.

В то же мгновение тело Джумы разделилось на три совершенно одинаковые фигуры, две из них бросились навстречу ворвавшемуся существу или механизму, третья — сам врач — выдернула диагностер с маатанином из объятий удочек-антенн управления и превратилась в туманное облако, в котором скрылись и Джума, и диагностер, и «черный человек». Облако стремительно рванулось в обход «зуброносорога», который замешкал-

ся с выбором цели, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Джума скрылся в дыре выхода.

Мальгин увидел, как черный рог чужого автомата повернулся в его сторону — автомат разобрался в запущенных Джумой «призраках». Состязание в скорости реакций теперь шло между маатанским компьютером и земным, вмонтированным в скафандр, но Кир успел обработать ситуацию раньше и без подсказки Мальгина чиркнул лучом «универсала» по кончику рога. «Зуброносорог» окутался мощной короной электрических разрядов, на месте его рога вздулся ослепительный радужный пузырь, несколько разрядов сорвалось с «хвороста» ног под телом сторожа в пол. Что последовало за этим, Мальгин увидеть не успел, он был уже в коридоре, оставив за собой «крик» маатан в пси-диапазоне, а в звуковом — вой и треск поврежденного автомата.

В конце коридора мелькнуло маскировочное облако Джумы, Мальгин рванул за ним с такой скоростью, что едва не сломал себе шею от рывка. Он сбил какого-то маатанина в голубом, не успевшего увернуться, увидел сзади еще двух «зуброносорогов» и выстрелил для острастки: прозрачно-желтый хлыст разряда проложил огненную дорожку в полу коридора, отгородив маатанскую стражу от беглецов.

«Черный человек» вывел их другим путем, со стороны «леса» — зарослей «стрекозиных крыльев» величиной с лопасть воздушной мельницы. Тотчас включилась связь с «Умником» и началась отработка операции возвращения, разработанной аналитиками отдела безопасности, но и маатане не дремали, все-таки технологический потенциал их цивилизации был очень и очень высок, хотя и необычен.

Над зданием клиники висели один над другим аппараты маатан, асимметричные, плоские, похожие на гигантских каракатиц диаметром в две сотни метров. Из днища нижнего аппарата торчала вращающаяся косябокая решетка, окутанная шубой электрического сия-

ния. Второй снизу через дыру в борту «метал икру» — выгружал маатанский десант в зеленой броне; эта операция здорово напоминала выброс парашютного десанта из самолета на Земле двухвековой давности.

Стоило только беглецам появиться на открытом пространстве, как их заметили. Из зарослей «стрекозинового леса» с треском выползла навстречу кошмарная конструкция, слепленная из ржавых на вид балок, штанг и рычагов, сквозь мешанину которых виднелась туша маатанина. Из носовой части этой машины угрожающе выдвинулась вперед косая ажурная башенка.

— Нет оружие, — торопливо высветил предупреждение «черный человек». — Службие контроля нет угроза... опасно да вверх... беглие назад быстрее...

— Не стрелять, — торопливо перевел Мальгин «Умнику». — Первый, у нас всего одна-две минуты, здесь их десант.

— Видим, успеем, — отозвался Ромашин. — Отойдите от «черного», быстрее!

— Прощай, друг! — сказал Джума Хан, освобождая диагностер от туши «черного человека». — Извини за хлопоты и боль. Держись!

— Понятие да хомо эмоции, — ответил маатанин, грузно осев на одну из серых плит, цепочкой уходивших в заросли леса. — Маатание безнадежность... желание дружие Шаламо здоровье да... вам здоровье... мы не есто разумие хомо да... не есто понятие вы.

— Спасибо! — успел крикнуть Мальгин до того, как их накрыл силовой трал упавшего с неба десантного когга, втянул внутрь корабля. Стены дезокамеры сомкнулись вокруг, в глазах померк свет...

В джамп-режиме когг преодолел атмосферу Маата в три прыжка и растаял во тьме космоса, подхваченный невидимым спейсером «Стратег», готовым прийти на помощь всей интеллектуальной и энергетической мощью. Отпустив на волю задержанный чужой зонд, под который был замаскирован когг, спейсер включил компакт-

генераторы и ушел в «струну», а вышел из нее уже в Солнечной системе, дома.

В дезокамере когга вспыхнул свет, открылась дверь наружу.

— Выползаем, — сказал Джума Хан, превращаясь в человека в скафандре. — Рокамболь* наш кончился.

Мальгин с удивлением обнаружил, что со времени старта к Маату на когге прошло всего лишь тридцать восемь минут.

— Я думал, прошло по крайней мере два часа, — сказал он хриплым голосом. — Знаешь, чего я хочу больше всего?

— Чего? — спросил Хан из ангара спейсера.

— Пить и есть!

Мальгин выключил аппаратуру «динго», расправил плечи и вышел из дезокамеры. В конце коридора «показался Ромашин без скафандра, в белом кокосе, за ним вся его гвардия, десантники риск-обоймы, пограничники, члены экипажа спейсера и оперативники бригады сопровождения.

— Поздравляю с успехом, — невозмутимо сказал начальник отдела, протягивая руку. — Вы, Джума, были неподражаемы, особенно когда скомандовали маатанам не мешать от имени «контроля кризиса». Знаете, как переводится на маатанский ваш грозный рык «не мешать, контроль кризиса»? У маатан нет такой службы, и будь с вами «Умник», он перевел бы эту фразу, как «могильщики энтропии». К счастью, «черные люди» вас не поняли и поэтому не вмешались.

Ромашин пожал руку Мальгину, остро взглянул ему в глаза:

— Вы довольны?

— Еще минуту назад я ответил бы — да, — сказал Мальгин.

— Что же изменилось?

---

* Необыкновенные приключения (по имени героя романов Понсона дю Террайля).

— Я подумал... что будет с «черным человеком»? По сути, он допустил утечку информации...

Ромашин улыбнулся, оглядываясь на зашумевших парней.

— На Маате не знают, что такое смертная казнь, это раз. Мы не находимся в состоянии войны с маатанами, это два. Наша работа не есть игра в «шпионов и контрразведчиков», как может показаться с первого взгляда — не те масштабы и задачи, это три. И, наконец, последнее: проведенная операция — только начало намеченного контакта, давно подготовленного Институтом внеземных культур. Комиссия по контактам давно работает у Маата на «Эдип-2» и готова объяснить смысл нашей вылазки, которая должна была всколыхнуть омут маатанского равнодушия и подготовить почву для переговоров. Контактеры испробовали до этого момента все доступные им средства и методы ведения переговоров — безрезультатно, а наш десант — последний шанс.

— И все же... — Мальгин откашлялся. — Поймите меня правильно... может быть, я не затевал бы подобного эксперимента, подумай об этом раньше... вероятно, мы в душе больше антропоцентристы, чем принято считать... мы не подумали... вернее, я не подумал о судьбе «черного человека». Вы можете сказать точно, что будет с ним?

Участники операции замолчали.

Ромашин не отвел взгляда, но в глубине его глаз вдруг всплыла печаль; не презрение, жестокость или ирония — печаль!

— Точно — нет, — сказал он тихо. — Я думаю, что ничего плохого с ним не случится, если верить ксенопсихологам, а я им верю. Они давно возятся с Маатом и, хотя вынуждены довольствоваться только косвенными методами исследований, смогли довольно верно определить основные аксиомы психологии «черных людей». Успешный финал десанта — тому подтверждение.

— И все же история мидян темна и непонятна...

— Согласен. Я, кажется, понял вас. Но учтите — невозможно, жалея двоих, остаться посередине, нейтралитет в такой ситуации хуже предательства. Вы не сможете помочь обоим сразу, а значит, не поможете никому. Убедил?

— Не знаю... я подумую. Извините меня, я еще не пришел в себя и поэтому столь резок в оценках.

— Все нормально, Клим, — вмешался Джума Хан, — не вешай на себя ярлык. На их месте я бы сразу взял тебя если не в безопасники, то уж в пограничники обязательно.

Обступившие их десантники засмеялись.

— А что? — улыбнулся и Ромашин; он понимал Мальгина и сочувствовал ему, но характер и положение не давали ему права на колебания. — Пойдете?

— Нет, — сказал Мальгин, внезапно ощутив на губах горечь этого слова. Слова, которое так ненавидела Купава.

5

Отдыхать не пришлось.

Шел уже десятый час вечера, когда Мальгина доставили на базу погранслужбы «Луна-центр», откуда он сразу позвонил в институт Таланову предупредить, что будет на месте к десяти, лишь слегка приведет себя в порядок.

Хан прямо с базы умчался к экспертам-кибернетикам с драгоценным диагностером, битком набитым полученными от «черного человека» сведениями, и обещал явиться сразу, как только удастся расшифровать хотя бы небольшой фрагмент записи. Мальгин попрощался с Ромашиним и с базы отправился домой, мечтая только о горячей хвойной ванне и глотке клюквенного мор-

са, а в гостиной ему навстречу встала с дивана Купава.

С минуту они молча смотрели друг на друга, потом Купава шагнула к нему и, как в былые времена, ткнулась в грудь лицом. Прошла вечность, прежде чем Мальгин опомнился и отстранил женщину, вглядываясь в ее ставшее мокрым от слез лицо. Пришли на ум некрасовские строки:

*От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!..*

Купава потянулась к нему губами, странно робкая и беззащитная, но Мальгин уже овладел собой, погладил ее по щеке и усадил на диван.

— Подожди немного, я переоденусь, а то с корабля на бал.

Вскоре он появился в гостиной в строгом сером костюме, спокойный, уверенный в себе, застегнутый на все пуговицы самообладания. Купава заметила эту перемену, усмехнулась:

— Ты, словно крепость, намерен выдержать долговременную жестокую осаду. Неужели боишься, что возьму тебя измором?

— Боюсь, — серьезно кивнул Мальгин, усаживаясь напротив; она тоже привела себя в порядок, и следов слез уже не было заметно. — Но я боюсь не тебя, а себя.

— Плохо верится, что мастер Клим Мальгин может чего-то бояться. И не говори намеками, я давно перестала тебя понимать, ты стал загадочен, как сфинкс.

— Хорошо, давай говорить прямо. Зачем ты пришла?

Купава стойко выдержала его взгляд.

— Мне сказали, что ты ушел на Маат для встречи
с...

— Кто сказал?! — спросил он с тихим бешенством. — Кто этот благодетель?

— Неважно. Ты был там и...

Он встал так резко, что Купава испуганно отшатнулась; отвернувшись, сказал глухо:

— Купава, если ты хочешь, чтобы я не потерял рассудок, не приходи ко мне больше.

Женщина задумалась, пристально разглядывая профиль хозяина, встала тоже, подошла к нему, не решаясь дотронуться; он слышал ее тихое дыхание, чувствовал теплоту ее тела, и душа рвалась на части, создавая и уничтожая замки любви и мрачные склепы ненависти.

— Не сердись, — тихо проговорила Купава. — Сердиться — мстить себе за ошибки других. Я знаю, что ты не простишь мне мою, хотя ошибкой это назвать трудно. Я не приду больше... может быть. Ответь мне только на один вопрос: почему ты рискуешь собой, пытаясь вытащить Дана? Из-за того, что я... обещала... вернуться?

Мальгин медленно повернул голову к ней, лицо его побледнело. Внутри с крутых гор души сошла лавина, столкнулись тайфуны, замерз океан, погасло солнце, взорвалась сверхновая звезда... Несколько секунд он смотрел на Купаву, изломав брови, будто силясь сдержать стон, затем произнес только одно слово:

— Нет!

Глаза Купавы вспыхнули, заискрились радостью и слезами, она поняла, что пряталось глубоко на дне израненной души Клима.

— Благодарю.

И не успел Мальгин ничего сообразить, как горячие ладони женщины обожгли его щеки, горячие губы прижались к его губам — поцелуй был оглушающе долг, — и Купава исчезла, оставив после себя тонкий запах ландыша. И горьковато-нежный привкус поцелуя на губах...

Мальгин почувствовал боль, перевел взгляд на руку:

он сжал кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони до крови.

— Намеки тонкие на то, чего не ведает никто... — пробормотал он глубокомысленно. — Ещё одна такая встреча, и меня можно будет класть вместо Даниила...

Полностью хирург пришел в себя только после пятиминутного сеанса аутотренинга. По дороге в институт дал себе обещание выяснить, кто же все-таки сообщает Купаве о действиях безопасников и какие цели преследует этот «друг-благодетель». Правда, это мог быть и сотрудник института, однако Мальгин не верил в отсутствие у коллег врачебной этики.

Таланов встретил заведующего отделением в кабинете вопросом:

— Тебе никто не звонил?

— Нет, а что случилось?

— Джума Хан...

— Что?! — У Мальгина перехватило дыхание. — Что с ним?

— Тебе придется оперировать двоих.

Мальгин сел.

— У кибернетиков он включил диагностер через «Умника», — продолжал Таланов, — сначала в режиме выдачи диагноза, то есть выдачи тех данных, что записал сам диагностер с помощью своих датчиков при обследовании «черного человека». Потом включили программу, с помощью которой записали информацию, выведенную маатанином из своего компьютера. На выходе — тарабарщина! Код записи оказался не тем, что рассчитали кибернетики при составлении программы. И тогда Джума подключился к диагностеру напрямую.

— Он с ума сошел!

— А черт его знает, чем он руководствовался! У него спинальный шок. А времени у те... у нас то есть, осталось всего ничего. Шаламов не выходит из комы и жив только аппаратно.

Мальгин глубоко вздохнул, посидел немного и встал.

— Мне надо было идти с Джумой.

— Теперь уже поздно сожалеть. Данные диагностера введены в «Гиппократ», можешь ознакомиться. Группа ждет тебя у Стобецкого... кроме Джумы и Карой Чокой. Она с ним в клинике спас-центра, умчалась сразу, как только узнала. Непонятно...

— Она его жена, — сказал Мальгин, думая о своем, — чего ж тут непонятного. Идем, заменишь Джуму, мне понадобятся по меньшей мере три ассистента.

— Возьми Зарембу, парень рвется в бой, да и специалист он неплохой.

— Посмотрим.

Они спустились к лифту.

— Что нового выдал диагностер? Я имею в виду, чего мы еще не знали?

— Практически все! У маатан нет нервной системы в общепринятом значении этого слова. То есть она существует, но не постоянно, а в нужный момент формируются нервные пути и узлы в толще однородной массы, которая называется телом. Почему вдруг именно эти участки тела становятся нервной тканью, нервами, узлами, сплетениями «волокон» — загадка! То же касается и мозга. По сути, «черный человек» — единый организм-мозг с постоянно меняющейся структурой, иерархией, архитектурой. Кстати, точно так же построен и маатанский компьютер. Но самое интересное у него внутри: сверхтвердое ядро массой около ста килограммов, закапсулированное к тому же силовым полем с головоломными характеристиками. Поле пульсирует, а энергетическая мощь его по оценкам экспертов равна мощи десантного когга!

— Ерунда какая-то! Он что — живой реактор?

— Кто знает?

— А пульсирует из-за чего? Сердце?

— Нет у него сердца.

Они вошли в отделение Стобецкого в тот момент,

когда у Шаламова после долгого времени беспамятства наступила «фаза хозяина» — период парадоксального сознания.

Шаламов не лежал, а сидел с открытыми глазами, поддерживаемый лапой манипулятора, и, казалось, смотрел на сдвинувшихся к вириалу реаниматора людей, хотя видеть их, конечно, не мог.

— Найдите Клима, — проговорил он негромко, но четко; голос был не его — гортанный, с каким-то вибрирующим тембром, и говорил Шаламов, почти не разжимая губ. — Найдите Мальгина, прошу вас. Быстрее найдите, мне нужно поговорить с ним.

— Я здесь, Дан, — ответил Мальгин, заставив всех у полусферы вириала оглянуться. — Слушаю тебя.

— Клим, как там мой «крестник»? Я знаю, ты был у него.

— Откуда знаешь?

— Неважно, знаю. — Шаламов раздвинул губы в улыбке. — Он еще помнит меня?

— Да, — ответил Мальгин после паузы. — Он... болен.

— Говори все.

— У него проявляются черты человека...

— Обратный эффект, эффект бумеранга. Я тогда слишком поздно понял, что он тоже связан со своим компьютером напрямую... Ему можно помочь?

— Подумай лучше о себе, — проворчал Стобецкий. Шаламов не обратил на реплику внимания.

— Не знаю, — сказал Мальгин, с трудом останавливая вдруг поднявшийся из глубин души гнев. — Скорее всего, нет. Но врач прав, подумай о себе.

— Обо мне думай ты, а кто подумает о «черном»? Ты все же прикинь наши возможности, он стал для меня крестником, а для своих соотечественников — отщепенцем, изгоем, и хотя у них нет смертной казни, маатане способны на казнь равнодушием, а эта пытка страшней остальных. И еще, Клим: не торопись ты

меня оперировать, подожди немного, может быть, я справлюсь с собой сам. Не прошу — требую!

— Но это невозможно! — воскликнул Заремба. — Ты все реже выходишь из комы, а искусственно поддерживать работу внутренних органов до бесконечности невозможно, они теряют способность функционировать нормально в отрыве от организма.

— Это ваша забота, — отрезал Шаламов. — Ты слышишь, Клим? Не спеши с операцией.

— Слышу, — сказал Мальгин в наступившей тишине.

Шаламов закрыл глаза, тело его расслабилось. Со всех сторон ударили дымные струйки физиогаза, внутренности реанимакамеры затянуло зеленоватой мутью.

Мальгин оглядел обращенные к нему лица.

— Ваши предложения?

— Оперировать и немедленно! — быстро сказал Заремба. — Если и не приведем все в норму, то хотя бы остановим процесс регрессивной трансформации. У него все большую роль начинает играть Р-комплекс*, понимаете?

— Я тоже за операцию, — сказал Стобецкий с непривычной для него неуверенностью. — Шансы благополучного исхода с каждой минутой падают.

— Предпочту воздержаться, — пожевав губами, проговорил Каминский, ни на кого не глядя.

Мальгин кивнул, полузакрыв глаза и постукивая пальцем по меняющейся световой узор прозрачной «шляпе» вириала.

— С одной стороны, желание больного — закон. —

---

* Мозг человека создавался эволюцией постепенно, сначала ядро — Р-комплекс, так называемый «комплекс рептилий», который возник сотни миллионов лет назад, потом «средний» мозг — лимбическая система, общая со всеми млекопитающими, и, наконец, неокортекс — новая кора, отвечающая за интеллект и высшие психические функции.

Таланов был не менее решительным, чем Мальгин, но в данной ситуации решал не он. — С другой — Шаламов сейчас...

— Вот именно, он в таком состоянии, — перебил главного экспансивный Заремба, — что не может отвечать за себя сам. Мы не имеем права ждать.

— Не кипятись, — бросил Стобецкий, морщась. — Вчера ты доказывал обратное.

— Мало ли что я говорил вчера, — пожал плечами молодой хирург, — главное, что я говорю сегодня.

— Кредо болтуна.

— Кредо человека, способного вовремя почувствовать собственную ошибку...

— Стоп! — глухо сказал Мальгин. — Я выслушал вас. Операция откладывается... на сутки. Вопросы есть?

— Ты понимаешь, чем это может обернуться? — проговорил Таланов. — Автоматика поддержки на пределе, еще сутки такой работы, и она не справится...

— Сутки и подождем. У нас есть еще один больной — Джума Хан, будем работать с ним. Иван, мчись в спас-центр и вместе с Карой транспортируй его сюда.

Заремба с готовностью поднялся.

— Остальные с этого момента включаются в постоянную связь через «Гиппократ». Час на изучение научной информатуры о маатанах, час на подготовку к операции. Координатором буду я, центральным ассистентом — Готард, остальные — периферийными. Надо задавить процесс перерождения у Джумы в самом... — Мальгин не закончил.

В реанимационную вошла грациозная, улыбающаяся Карой Чокрой, а за ней невозмутимый, хотя и бледней обычного, Джума Хан.

Сцена, последовавшая за его появлением, длилась ровно пять секунд, пока обстановку не разрядил смех Зарембы:

— Явился, не запылелся! Тебе ж положено лежать в шоке, мы уже оперировать тебя собрались!

— Этого-то я и испугался.

— Так слухи о твоём нездоровье преувеличены?

— Кто меня отпустил бы из «Скорой»?

— Поклянись.

— Чтоб я сдох! — не моргнув глазом, поклялся Джума.

Смеялись несколько минут, все, кроме Мальгина, постепенно отходя от сюрприза, потом Клим спросил:

— Что с тобой случилось? Нам сообщили, что ты в шоке...

— Так оно и было, но кибернетики молодцы, поставили на пси-съеме блокировку, и как только информация «пошла густо» — сработал отстрел. Мне, конечно, попало много всякого «мусора», но, как видишь, все обошлось.

— Он как ребенок, — сказала Чокой своим красивым низким контральто с непередаваемым акцентом. — Совсем по Лермонтову: то кровь кипит, то сил избыток!

Джума посмотрел на нее с неопределенным вопросом, и Мальгин понял, что ничего в жизни врача не изменилось, а реакцию Карой вполне можно объяснить данью привычки, вежливости и участия. Видимо, по дороге в институт они успели объясниться, и разница между «де-факто» и «де-юре» осталась прежней. Хотя дьявол их душу знает! — с мрачной завистью подумал вдруг Мальгин. Не копайся в чужих отношениях и чувствах, разберись в своих.

— На чем мы остановились, коллеги? — Чокой сделала вид, что не заметила взгляда нейрохирурга, невольно отразившего его мысли.

— Операция переносится на сутки, — сказал Таланов.

— Извините, нам необходимо поговорить. — Мальгин увлек Хана за собой. — Продолжаем работу, как наметили. Я подключусь в общую связь позже.

Не обращая внимания на удивление в глазах женщины, Мальгин подтолкнул к двери Джуму и вышел сам.

В своем кабинете он усадил врача и некоторое время изучал его лицо. Джума выдержал испытание спокойно, без обычной иронии или насмешливости.

— Зачем ты пошел на этот неоправданный риск с диагностром?

Лицо Хана не выразило досады, хотя было видно, что вопрос ему неприятен.

— Если честно, то... это редкий случай, когда у меня срабатывает самолюбие. Подумалось: смог же Шаламов выдержать информационный удар маатанского компьютера и расшифровать запись, почему же не смогу я? Тем более что диагностр — не маатанский аппарат.

— Я думал, ты лишен подобных недостатков, хотя самолюбием твой поступок не объяснишь, скорее это ложная гордость, переоценка сил.

— Свои недостатки я не оправдываю. — Джума слегка нахмурился, однако тут же вернул себе равновесие. — Но и причислять их к семи смертным грехам я бы не стал.

Мальгин непонимающе уставился на собеседника. Тот вполне серьезно пояснил:

— Гордость входит в число смертных грехов.

— Екклезиаст? Вы неплохо начитаны для своей профессии, слуга Гиппократа, а на вид — обычный конокрад.

Хан засмеялся.

— Ты тоже на вид простой, в меру воспитанный спортсмен.

— И за то спасибо. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Скажи это Карой. Я не даром мастер-медик, моншер, а любой мастер — интуитив высокого класса. Ты сильный парень, но после этого прискорбного случая я не могу оставить тебя в группе риска. А жаль.

— Жаль, — согласился Джума Хан, погрузнев. — Ты прав, мне здорово досталось, и отпустили меня из «Скорой» только под честное слово, что я приду на об-

следование при первых признаках... неблагополучия. Но ассистентом я был бы неплохим.

— Знаю, потому и жаль. Что сказали кибернетики?

— Код записи неизвестен, но логику маатан мы уже знаем. В общем, надежда на расшифровку есть, все дело в том, сколько может ждать Шаламов.

— Он потребовал не оперировать его вообще.

— Снова «фаза хозяина»?

На столе замигало индикаторное окошко, раздался голос Таланова:

— Клим, зайди ко мне, как освободишься.

Мальгин молча ткнул пальцем в окошко.

— Карой, кстати, как только узнала... — Клим замолчал, заметив напрягшиеся скулы Джумы. — Что?

— Не стоит об этом. Все не просто, туманно и скользко... гололед с дождем.

Мальгин покачал головой.

— Если бы ты был ей безразличен, она не менялась бы в лице и не бежала к метро сломя голову, узнав, что с тобой приключилось.

— Да ни о чем это не говорит! — В голосе Джумы неожиданно прорвалась тоска. — В том-то и дело, — сказал он тоном ниже, — что она становится заботливой только в экстремальных ситуациях. Я уже два года ищу свою ошибку, пытаюсь понять — где я свернул с тропинки, ведущей к ее мироощущению, вернее, к взаимопониманию, и не могу найти. И ты мне в этом деле не помощник, Клим, извини. Ты и сам, похоже, в ситуации похлестче.

Мальгин посмотрел на свой кулак, потом на лицо Хана. Тот невесело улыбнулся.

— А ты врежь, может, полегчает... а потом я тебе, если встану. Идет?

Мальгин улыбнулся через силу в ответ, прислушался к себе и почувствовал, как тает в сердце ледник одиночества и отчаяния, ледник, не видимый никем и никогда.

— Давай думать, старик, нам обоим теперь надо много думать. Видать, чего-то нам недостает, чисто человеческого, может быть, доброты или простоты, щедрости или азарта, жадности или способности удивляться и совершать незапрограммированные поступки... не знаю. Но успел убедиться, что женщине надоедает мужское суперменство, постоянная готовность мгновенно ответить на любой вопрос, жестко запланированная, стойкая уверенность в своей правоте. Может быть, им не хватает чего-то посередине, минутного колебания между «да» и «нет», еле заметного проявления слабости, что уравнивает нас в их глазах и придает силы... Может быть, уже то плохо, что мы редко ошибаемся. Прав был мудрец, мы редко думаем о том, что имеем, зато всегда думаем о том, чего нам недостает *. Не поменять ли принципы?

— Нет, — качнул головой Джума Хан после долгого размышления. — Принципы менять не годится, зачем тогда жить? Но думать надо. Кажется, мы с тобой прирастаем друг к другу, а?

— Я как будто не против. А ты?

— Взаимно.

Мальгин кивнул, замыкаясь в обычной оболочке непреклонной уверенности, потом искоса посмотрел на Хана, в глазах которого запрыгали насмешливые чертики взаимопонимания, и они одновременно рассмеялись.

Всему свое время, подумал Клим, отворачиваясь, время собираться в тугой комок мышц и время расслабляться, радоваться и страдать, думать и чувствовать... научиться бы угадывать нужный момент или на худой конец вырастить в себе инстинкт безошибочной реакции на происходящее, чтобы всегда и везде при любых обстоятельствах действовать только правильно... впрочем, стоп! Это уже было — безошибочно, скорей всего оно и есть одна из самых страшных человеческих ошибок...

---

* В. Шопенгауэр.

— Тебе пора к шефу, — напомнил Джума.

— Иду, — встал Мальгин и спохватился. — Слушайка, мне нужна твоя помощь. Кто в отряде Шаламова был к нему близок? Кроме, пожалуй, самого Жостова? Ты их знаешь?

— Почти каждого. По-моему, Даниил дружил со всеми, завистников у него не было вообще, а вот близких... в парном патруле он чаще всего ходил с Висенте Оросо, а отдыхал с Марселем Гзаронвалем. Я частенько видел их втроем, Дана, Марса и... Купаву. Зачем они тебе?

— Потом скажу. — Мальгин устремился к двери, на пороге обернулся. — Подключайся к «Гиппократу», будешь сопровождать группу до операции, твой совет лекаря может существенно повлиять на подготовку, а на операцию все равно не рассчитывай.

Жест Джумы — кольцо из большого и среднего пальцев — был понятен без слов.

* * *

Мальгин знал, как вредно сосредоточение на своих внутренних переживаниях, уход от социальной действительности, поэтому с ненавистью к своей прогрессирующей слабости и нерешительности, чувству сопротивление организма, некоторое время боролся сам с собой, изгоняя из пор души мысли о Купаве, но полностью освободиться от навязчивых дум не смог.

Таланов разбирался в информатуре, подаваемой на дисплей рабочего стола, кивком указал хирургу на стул.

— Богдан, давай поговорим позже, — проникновенно сказал Мальгин. — У меня возникло желание убить в неизвестном самому себе направлении и отрешиться от всего земного.

Таланов поднял голову, изучающе посмотрел на Клима.

— А я хотел предложить тебе поработать со старым багажом, только что получил данные по всем операциям «стирания» в мозгу криптогнозы. Но если устал — отрезайся.

— Не устал, просто на какое-то время необходимо переключиться.

— В таком случае не мешай.

Мальгин кивнул и сбежал из кабинета, не прощаясь. А для того, чтобы его могли найти в любое время и в любом месте — все-таки связь с другими членами группы риска должна быть включенной постоянно, — нацепил на ухо усик персональной рации, снабженной радиомаяком: поисковые спутники-автоматы системы СПАС были способны отыскать его практически за несколько секунд.

Домой идти не хотелось, Клим наугад ткнул иглой задатчика в карту на стенке кабины метро и вышел в незнакомом помещении с низким потолком и светящимся по всей массе полом. С удивлением прислушался к своим ощущениям: сила тяжести в помещении была меньше земной раза в два.

Луна? Не похоже, там гравитация еще слабей. Марс? Венера? И почему другая планета? Я же точно помню, что карта выходов была сугубо планетарной, земной. Может быть, Приземелье?

Из помещения через единственную дверь, убирающуюся по старинке в паз, Мальгин вышел в коридор с таким же низким потолком и слабо светящимся полом. Никого. Тишина... Лишь издали доносится изредка странный тихий звук, напоминающий верещание цикад. Заинтригованный «путешественник» двинулся вправо, ловя себя на желании двигаться бесшумно, подаваясь таинственной атмосфере неведомого жилища.

Коридор поворачивал под тупым углом и был абсолютно пуст, если не считать контуров двух дверей со светящимися на них римскими цифрами I и II. Следующий поворот был копией первого, и колено коридора

ничем не отличалось от предыдущего. Повернув еще три раза и выйдя к двери в помещение с кабиной метро, Мальгин понял, что коридор образует замкнутый шестиугольник. В каждой его отрезке было по две двери, различавшихся только номерами от I до XII. Мальгин толкнул первую дверь — безрезультатно, не реагировала она и на мысленный приказ. Пожав плечами, Мальгин собрался было вернуться к метро, но цикадный скрип заставил его пойти на звук.

Скрип доносился еще из-за одной двери — слева по ходу коридора, тогда как остальные двери находились справа, и хирург не заметил ее лишь потому, что она не имела номера и почти сливалась со стеной. Приказав ей открыться, пару раз толкнув рукой, Мальгин вдруг вспомнил Маат и сказал вслух:

— Сезам, откройся!

Дверь послушно ушла в паз, так что гость невольно вздрогнул, и открыла небольшой круглый зал с куполовидным зеркально отсвечивающим потолком, с тремя большими вогнутыми экранами на стенах и тремя старинными пультами. За каждым пультом сидели операторы в необычной черной форме с дугами наушников на головах. На появление гостя никто из них не обратил никакого внимания, они были заняты работой и переговорами друг с другом. На экранах мерцали горсти цветных искр и огней, на каждом внизу мелькали красные и зеленые цифры, и по черному их фону плавали светящиеся кресты визирных меток. На экране слева одна из меток остановилась на крупном белом огоньке, тотчас же раздался басовитый гудок, и оператор за пультом пробежал пальцами по сенсорной клавиатуре пульта.

— Сорок третий, есть захват!

— Ответа нет, — отозвался второй оператор. — Три секунды до зоны поражения.

— Пуск!

По экрану снизу вверх ширкнуло световой полосой,

на месте огонька расплылось облачко света и растаяло.

— Сорок третий, есть поражение! Контроль МБР. Квадрат пуст. Цели на подходе, минута сорок...

— Вижу крупный объект в зоне «А», — вторил переговаривающимся за первым пультом оператор соседнего. — Скорость три единицы, вектор Шамбуадор — Крокс, масса двенадцать сто...

— Захват!

— Машина отрабатывает четные цели, — говорил за последним пультом плотный здоровяк в комбинезоне с красивыми нашивками и эмблемами. — Отработка очередями, повтор по оценке вероятности с учетом мощности импульсов. Перенос огня на зоны «Б» и «Д»...

Ошеломленный Мальгин молча смотрел, как на экранах разворачивается настоящее сражение: все больше и больше искр и огоньков, представляющих собой реально летящие в космосе объекты, взрывались и таяли после бесшумных лазерных вспышек, а когда в прицельные визирные кресты перестали попадать плывущие световые черточки и темп стрельбы замедлился, Мальгин очнулся и смело подошел к центральному пульту, пройдя сквозь фигуру оператора. Оглядел пульт и тронул черную пластину сенсора с цифрой «ноль». Световая беготня по экранам и пультам прекратилась, операторы в креслах замерли.

— Отбой принял, — раздался с пульта вежливый голос. — Слушаю.

— Кто ты?

— Экскурсионный программатор Цербер.

— Это что за станция?

— Боевая лазерная база «Эвриван» для уничтожения спутников и межконтинентальных баллистических ракет, запущена в две тысячи третьем году, законсервирована в две тысячи сорок пятом году, отреставрирована и превращена в экскурсионный объект в две тысячи сто двадцать девятом.

— Ну и зачем?

Компьютер-интелмат, отвечающий за воссоздание иллюзии боевых действий и работы базы, помолчал:

— Вы не первый задаете этот вопрос, но в моих программах нет ответа. Могу предложить подслушанную у экскурсантов реплику: база превращена в экскурсионный объект для напоминания об ошибках прошлого. Своего мнения не имею.

— И на том спасибо, — пробормотал Мальгин. — И часто у тебя бывают гости?

— Сначала были часто, теперь редко. Последняя экскурсия была двести двенадцать дней назад.

— Что ж, бывай... не скучай, если больше никто не придет.

Мальгин невольно пожалел компьютер, обреченный на одиночество, а пока шагал к метро, спрашивал себя — чего ему не хватает самому? И уже входя в кабину, понял: общения. По сути, он был сейчас так же одинок, как и компьютер-сторож древней военной ракетно-лазерной базы.

Вышел он скорее всего где-то в Европе: город был незнаком с первого взгляда, но по архитектуре зданий можно было примерно определить регион. Швейцария, подумал Мальгин, или Австрия. Послушаем, на каком языке здесь говорят.

Он вышел на площадь перед метро и двинулся в глубь древнего парка по одной из светящихся изнутри янтаритовых дорожек, прислушиваясь к говору идущих навстречу или обгонявших его людей.

Вечер на долготу этого места только начинался: солнце зашло, но было еще довольно светло. Часов восемь с минутами, прикинул Мальгин и посмотрел на браслет видео: вспыхнувшие цифры высветили время Брянска — десять часов двадцать семь минут. Разница в два часа, значит, это не Австрия и не Швейцария, а вероятнее всего, Нидерланды.

Однако по языку прохожих точно определиться не удалось: говорили кругом и на немецком, и на фран-

цузском, и на английском, и на русском языках. Больше всего на русском и на английском, с акцентом и без, но удивляться не приходилось: русский и английский языки стали основой единого земного разговорного языка, впитав богатство национальных оттенков всех остальных языков мира, хотя и они, конечно, не потеряли своего значения.

Мальгин набрел на пруд, задумчиво направился вдоль берега, вглядываясь в прозрачную водную толщу, а за дубовой рощей обнаружил изумительной красоты веранду, нависающую над водой. Высоко над крышей вспыхивало и гасло название ресторана на английском языке: «Король Георг». Не раздумывая, повернул к летнему ресторану и сел за один из столиков прямо у обреза веранды; людей было много, но в большинстве своем сидели парами, лишь две или три компании вмещали по семь-восемь человек.

— Слушаю вас, — раздалось над ухом по-русски. Говорили свободно, без акцента.

Мальгин оглянулся. Рядом стоял с вежливой полуулыбкой на губах красивый молодой человек, одетый по моде «галант». Он мог быть и фантомом, видеопризраком официанта, формируемым сервисной киб-системой ресторана, но смахивал на живого.

— А если я не говорю по-русски? — сухо спросил Мальгин на испанском.

— Я буду говорить на вашем языке, — с улыбкой сказал по-испански официант.

— Полиглот?

— Да, сеньор. Я знаю сто сорок шесть языков.

— Фантомат, — с некоторым разочарованием протянул Мальгин. — К чему тогда эта форма? Ведь вы можете выполнить заказ без всяких эффектов.

— Традиция, сеньор.

— Я русский. Принесите что-нибудь соответствующее моему настроению.

— Сей секунд!

Мальгин усмехнулся последней фразе и, поставив локти на стол, утвердил подбородок на сплетенные пальцы. Мозг лениво перебирал обрывки видений, давних разговоров с друзьями, с Купавой, проблемы, с которыми он сталкивался в институте, но ни одна из мыслей не задевала чувственных центров, эмоции притупились, отступили в глубь души, словно под влиянием наркотика. Мальгин грезил... хотя никогда не поверил бы, скажи ему кто-нибудь, что он способен на такое.

Киб-официант принес высокий бокал с изумрудным напитком и тарелку с коричневыми хрустящими шариками. Подождал реакции посетителя, не дождался, исчез, а Мальгин сидел в этом странном состоянии еще несколько минут, пока кто-то рядом не спросил:

— Разрешите присесть?

Он медленно повернул голову. Рядом стояла Карой Чокрой, красивая, чуть улыбающаяся, одетая в летний вечерний костюм в стиле «очарованный кварк»: полуоткрытая грудь, серебристые буфы на плечах, два зеркальных обруча на талии, обнимающая бедра и переходящая в черную бахрому юбка, ажурные трансформные туфли, высота каблука которых зависит от скорости движения. Черные волосы у нее были распущены в громадный шар — прическу в стиле афро.

— А говорят, что трансцендентальная медитация* — ложное понятие, — мягко проговорила женщина.

Мальгин опомнился, резко встал, сбил со стола бокал, но успел подхватить.

— Простите, ради бога! Кажется, я действительно увлекся самосозерцанием.

— И часто это с вами?

— Если честно, то в первый раз. Обычно я справляюсь со своими внутренними переживаниями на ходу

— Поэтому я и удивилась, с виду вы целеустрем-

---

* По представлениям психологов древности, трансцендентальная медитация — четвертое состояние сознания после бодрствования, сна и сновидений.

ленный и жесткий, или, как говорили раньше, «железный» человек. Вас еще называют «человеком-да». Откуда пошло это прозвище?

— Не помню. — Мальгин очнулся окончательно. — Может быть, присядем?

— А я думала, вам так удобнее, — с легкой иронией сказала Карой, перехватив его взгляд. — Закажите мне миндаль и сок.

Они сели, посматривая друг на друга: с просыпающимся интересом Мальгин и с лукавым вызовом в глазах женщина.

— Не ожидала встретить здесь кого-то из знакомых, а тем более вас. Любите отшельничество? Или ждете по-другому?

Он подумал, хотел сказать «нет» и произнес:

— Просто сегодня я не в форме и удрал из института, чтобы побыть...

— Наедине с собой, так сказать, с умным человеком.

— Не заставляйте меня говорить нет, я очень не люблю это слово и произношу его, лишь когда меня вынуждают. Сегодня мне захотелось вдруг побыть с кем-нибудь, кто не искал бы во мне идеала, и поговорить о чем угодно, даже о погоде.

Карой приподняла бровь.

— Оригинальное желание. Обычно мужчины все делают наоборот. Что ж, давайте говорить о погоде, хотя я больше хотела бы о нашем пациенте. Меня беспокоит масштаб изменений нервной ткани, их глобальный, всеобщий характер. Что если количество перейдет в качество? Что произойдет? Сохранится личность Шаламова, или перерождение затронет и психику? Сможет ли он контролировать свой Р-комплекс?

Мальгин нахмурился.

— Не знаю. — Преодолевая внутреннее сопротивление, добавил: — Не думал. Даниил очень сильный в психологическом отношении человек, его весьма трудно вывести из равновесия. — Потом прямо посмотрел на себе-

седницу. — Извините, Карой, я сбежал из института именно потому, что не хочу сейчас думать об...

— Все! — Карой Чокрой подняла ладонь. — Не буду, мастер. Видимо, я плохой психолог, иначе поняла бы вас сразу. — Она улыбнулась с оттенком вины и кокетства. — А вообще я уважаю прямых людей. Мало кто из моих знакомых способен прямо сказать мне в лицо о своем нежелании говорить на ту тему, которую избрала я. Пожалуй, кроме вас, я знаю лишь еще одного человека...

— Я тоже его знаю, — кивнул Клим. — Почему вы не вместе?

— Ну вот, — с неожиданным сожалением сказала она, — как ушат воды на голову. От вас такого вопроса я не ожидала. Неужели интересно?

Мальгин смешался, быть может, впервые в жизни. Карой заметила это, улыбнулась.

— Не ищите ответа. В молодости мне больше нравились мужчины, знающие ответ на любой вопрос.

— А сейчас? Хотя едва ли вам стоит жаловаться на возраст.

— Спасибо, такие слова для меня уже начинают становиться комплиментом. Сейчас я предпочитаю живых мужчин, способных удивляться и сочувствовать, а не все знающих, все умеющих суперменов.

— Постараюсь учесть в дальнейшем, хотя мне еще далеко до супермена. Правда, у некоторых моих знакомых суперменство — это скорее состояние тела, а не души. Они умеют очень многое, почти все, но не потеряли способность удивляться.

— Если вы о Джу... — Карой сдвинула брови.

Мальгин тихо засмеялся.

— Меня упрекаете, и тут же сбиваетесь на личности. А Джума мне нравится, хороший парень, запросто рискующий собой во имя дела.

— Ну, это нам знакомо. — В том, как были произне-

сены слова, чувствовалась ирония и чуть-чуть грусть. — Риск для него — родная стихия.

— Я не договорил. Страсть к риску не главное, не может быть главным в жизни, а Джума, кстати, — думающий рисконавт. Насколько я понял, он в последнее время многое переоценил, в том числе и свой имидж.

— Вы так считаете? — На лицо Карой легла тень задумчивости.

«Красивая женщина, — подумал Мальгин с невольным сожалением. — Если бы не было Купавы... такая может зажечь и увлечь и всю жизнь держать в постоянном напряжении... но далеко не каждый способен гореть всю жизнь. А ведь она одинока! — понял вдруг хирург. — Красивые женщины зачастую одиноки, несмотря на постоянное окружение и поклонение, а тем более женщины умные. Найти идеал для такой — проблема почти безнадежная, особенно в условиях растущего дефицита джентльменов. Она права: суперменов среди нас — пруд пруди! Романтики без догмата превосходства — ау! Правда, если разобраться, то идеал мужчины — величина постоянная, Карой, например, судя по всему, нужен «живой» спутник жизни, который не подавлял бы ее непогрешимостью и абсолютным знанием, чтобы он стоял рядом, а иногда и спрашивал совета — как поступить в той или иной ситуации. По сути, она тоже очень сильный, умный, безусловно красивый человек и имеет право на равное партнерство. Джума, кажется, понял это слишком поздно... как и я, впрочем. Купава ведь тоже не любит суперменов «без страха и упрека»...

— Что с вами? — спросила Карой, оценив его молчание, и чисто по-женски, рефлекторно, поправила прическу, которая вовсе не нуждалась в подобной операции. — У меня что-нибудь не в порядке? Вы так пристально смотрели...

— Все в норме, — поспешил успокоить женщину Мальгин. — Потанцуем?

Стемнело, и пространство танцевальной площадки в

центре веранды уже заиграло призрачными переливами света, превратившись в волшебный, постоянно меняющийся замок. Музыка была слышна только в пределах этого «замка», причем психоадаптеры проецировали для каждой танцующей пары свою мелодию и ритм.

Настроение у Мальгина было таким, что танцевали они с Карой древнее замедленное танго. Женщина прижалась к нему и вздрогнула, словно ей стало холодно. Шепнула:

— Я искала вас. — Она подняла прядь волос над ухом и показала золотую каплю рации компьютерной связи. — Это было нетрудно.

— Я догадался.

— Только не делайте далеко идущих выводов, а то я разочаруюсь в вас раньше, чем наметила по плану.

Он тихо рассмеялся.

— Таких ошибок я не делаю уже давно. Впрочем, если мне не изменяет память, то и в юности со мной такого не случалось.

— Вы умный человек, мастер, и классный специалист, много добившийся в жизни, но скажите... вы счастливы?

Мальгин молчал. Спина Карой напряглась. Клим тихонько погладил ее по плечу.

— На этот вопрос я сегодня не отвечу. Сначала надо было бы разобраться, что есть счастье. Всему свое время...

— И время всякой вещи под небом. Екклезиаст. Вы опытный человек, мастер.

— Почему? — искренне удивился Клим.

— Потому что у меня начинает кружиться голова. — Намек был весьма прозрачен, а может быть, и не намек, Карой говорила то, что думала, прекрасно зная, что он способен понять ее и по взгляду.

— Мне надо идти, — сказал он спустя минуту. — Если хотите, я провожу вас.

— Идите, я еще немного посижу.

— Вы обиделись?

— На что? Нет, все в порядке, мастер, просто я хочу побыть одна.

Мальгин на мгновение прижал женщину к себе и отвел к столику, вырвавшись из власти музыки. На выходе оглянулся: Карой сидела совершенно прямо, положив руки на стол, и смотрела на воду.

Разговор с умной женщиной сродни ловле тополиного пуха, подумал Мальгин, одно неосторожное движение — и пух улетел! Учись «ловить пух» осторожно, мастер... А я, кажется, испугался...

Он вернулся, наклонился над ее плечом, сказал мягко:

— Не сердитесь, Карой.

— Я не сержусь, — сухо ответила она, не повернув головы. — С чего вы взяли? Насколько мне помнится, вы только что торопились уйти.

Он сел рядом.

— В таком случае послушайте последнее брюзжание человека, стоящего на пороге зрелости. Природа вас щедро наградила: вы красивая, решительная, смелая женщина. Но когда слабый пол начинает выполнять все функции сильного — что остается мужчинам? Будьте мудрее, дайте нам даже не право — хотя бы иллюзию уверенности в том, что решаем всегда мы. Ведь мы изначально не должны быть слабыми, и амазонки — только пример отклонения, подтверждающего правило. Хотите на всю жизнь остаться амазонкой? Тогда мы вам не нужны. А если нужны — будьте чаще женщиной, и тогда мужчины будут спорить за право уступить вам первенство. Стоит вам только захотеть. А говорю я это лишь потому, что корабль моей судьбы уже разбился однажды о твердую волю сильной женщины. Я слишком поздно понял, что всегда все знать, все уметь и решать все сам может и киб-интеллект, и что умение уступить и есть сила. Простите за длинную сентенцию, иногда я бываю невыносим. Даже себе. До завтра.

— Подождите, — быстро сказала Карой, бросила взгляд исподлобья.

Он снова присел на краешек стула.

— Она красивая?

Мальгин понял.

— Очень!

— А вы знаете, к кому она ушла? Я поняла так, что она... Кто ее... друг?

— Наш общий пациент, — сказал Мальгин после недолгого раздумья. — Даниил Шаламов.

Глаза у Карой сделались огромными и черными. Клим кивнул ей подбадривающе и пошел к выходу, не оглядываясь больше. Чувствовал он себя скверно и был недоволен собой до глухой тоскливой досады. В душе росла уверенность, что он снова что-то сделал не так.

6

Ночь Мальгин провел плохо, третью ночь подряд после свалившейся на голову беды с Шаламовым, которая перевернула жизнь и поставила его перед необходимостью выбора и выхода из скорлупы флегмы. Спал он всего часа четыре, да и то с кошмарами, не помогли ни гипносон, ни аутотренинг. Тем не менее встал, заставил тело работать физически, для чего выбрал максимальный разминочно-тренировочный комплекс тайбо, и после часовой нагрузки, холодного душа и завтрака почувствовал себя бодрее.

В институте он сразу включился в обратную связь с «Гиппократом», контролирующим работу всей медицинской аппаратуры, в том числе и реанимационных камер, а через него — с остальными членами ПР-группы, но все оставалось по-прежнему: Шаламов не выходил из коматозного состояния, а процесс перерождения его нервных тканей продолжался, хотя и значительно медленнее, чем

в первое время. Никто из рисконавтов не внес никаких предложений, и Мальгин понял, что они подошли к пределу теоретических умпостроений, за которыми должно было последовать действие. Свежих данных не поступало ни от медиков, ни от кибернетиков, ни от безопасников Ромашина.

Джума Хан сообщил Климю новость о том, что ксенопсихологи и кибернетики нашли наконец ключ к расшифровке записи маатанской информации, но обещали сообщить результаты перевода только к обеду. Эта новость несколько подняла общий тонус группы, а Заремба, дежуривший в клинике вместе с Каминским и не знавший, чем занять свою деятельную натуру на время, отведенное им пациентом, тут же испросил разрешения поработать с кибернетиками. Мальгин не возражал, хотя весьма сомневался в полезности этого шага.

В девятом часу утра Клим оставил Стобецкого с Биллом-старшим в реанимационной и, ничего никому не говоря, покинул институт, вспомнив о своем обещании. С помощью волевых усилий, хотя и не без борьбы, он загнал мысли о Купаве глубоко в «подземелье» души и «закрывл дверь на замок», понимая, что не сможет работать теорчески и спокойно, поддаваясь чересчур эмоциональному калейдоскопу памяти.

Центр Управления аварийно-спасательной службы располагался под Брянском, на берегу Десны, и представлял собой километровой длины здание из универсального строительного пластика, обладающего памятью формы и цвета; окна зданиям из такого материала не требовались — по желанию прозрачным мог становиться любой участок стены.

Воспользовавшись метро, Мальгин видеть этого не мог, но внешний вид здания помнил по стереофото и видеопередачам. С помощью мысленного шепота дистанционного кибер-гида, «уши» которого — пси-антенны — были вмонтированы в коридоры и кабинеты, Мальгин быстро отыскал отдел, в котором работал Шаламов до

аварии, и выплыл из лифта прямо у кабинета Жостова.

Начальник службы курьерских спасательных линий не удивился приходу хирурга, только мельком посмотрел на цифры времени, горящие в толще стола, но Клим и не собирался задерживать этого занятого сурового человека, от способности которого мгновенно анализировать ситуацию зависела четкость и быстрота работы курьеров.

— Я не надолго, — сказал Мальгин, не садясь в предложенное кресло. — Всего один вопрос, если не возражаете: где я могу найти Висенте Оросо и Марселя Гзаронваля?

Жостов и на сей раз не выказал удивления, привычка сдерживаться у него, как и у Мальгина, вошла, очевидно, в плоть и кровь, формируя характер.

— Ничего нет проще, — ответил начальник курьеров с носовыми дифтонгами. — Висенте сейчас «драйвер-секунда», а мсье Гзаронваль развлекается в «Аду-2».

— Спасибо, — поклонился Мальгин. — Извините, не буду вам мешать. Желаю здоровья и удач.

Жостов не ожидал подобной оперативности от посетителя, собираясь объяснить, где находятся названные спасатели, нормальным человеческим языком, но, посмотрев на Мальгина, понял, что тот не нуждается в объяснениях, и спросил:

— Как Даниил?

— Без изменений, — ответил Мальгин.

— Звоните, если понадобится.

— Непременно.

И они разошлись, довольные лаконизмом речи друг друга и общей точкой зрения на манеру делового разговора.

«Драйвер-секунда» на арго спасателей означало, что Висенте Оросо готовился к глубокому интергалактическому рейду вторым номером курьерской линии. Кто был «прима» — первым пилотом, — Мальгина не интересовало, поэтому, найдя спасателя на базе погранслужбы

«Нептун-41», он отвел того в сторону, отметив его внешнюю заторможенность и даже сонливость и лень, вполне, кстати, могущую оказаться обманчивой, и спросил напрямик:

— Сеньор Оросо, когда вы виделись с сеньорой Купавой, подругой Дана Шаламова, в последний раз?

Висенте — девяносто килограммов мышц и сухожилий без единой унции жира — равнодушно оглядел Мальгина и вдруг преобразился в готового к любому приему мастера тайбо. Длилось это превращение всего одно мгновение, но Клим понял, что не ошибся в выводах относительно внешности Оросо: парень был что называется тренирован на демонстрацию ленивого увальня.

Таким место среди безопасников, подумал Мальгин хладнокровно. Хотя вполне может быть, что он работает и там.

— Вы Клим Мальгин, — сказал, растягивая слова, Оросо, прячась за свою обычную броню «шалтая-болтая». — Дан говорил, что вы друзья. С Купавой я в последний раз виделся перед кенгуру Дана, больше двух недель назад. С Даном все то же?

Он был неглуп, этот бывший «секунда» Шаламова, и не стал спрашивать, зачем хирургу знать подробности своих встреч с женой пилота.

— Все то же, — ответил Мальгин и вскинул вверх кольцо из пальцев. — Удачи вам.

— Взаимно.

Что такое «кенгуру», Клим уточнять не стал, на жаргоне пограничников «кенгуру» означало — спасательный рейд за пределы Солнечной системы.

«Ад-2» на том же жаргоне был известен как «полигон внезапно возникшей угрозы формулы два», и предназначен он был для тренировки и выработки навыков действий в нештатных ситуациях у работников спасательной и пограничной служб. Существовал еще полигон «Ад-1» — для стажеров, и «Ад-3» — для командиров

групп отдела безопасности, спортсменов высокого класса, обладающих большим «количеством здоровья» — то есть резервом адаптации. Допускались на «Ад-3» только абсолютно здоровые люди, и если полигоны первый и второй предназначались практически лишь для выявления профессиональной пригодности, то прогон третьего был всегда добровольен и прошедший его полную программу считался мастером-экстра. Шаламов когда-то прошел его вместе с Мальгиным за четырнадцать с половиной часов.

Полигон «Ад-2» располагался в пустыне Такла-Макан и занимал территорию площадью в две тысячи квадратных километров. Сверху он ничем не выделялся на фоне гористо-пустынного ландшафта остальной части Такла-Макан, однако его границы невозможно было пересечь незаметно: по всему стовосьмидесятикилометровому периметру несли службу зоркие автоматы, включающие сигналы предупреждения или системы гипноиндукционного отпугивания, если непрошеные гости перли на территорию полигона, не вняв предупреждению и уверовав в свою безнаказанность.

Обычно во время запусков программ над полигоном на безопасных высотах зависали сотни аппаратов: кутеров, пинассов, самодельных вертопланов и нефов, пилотируемых юными любителями острых ощущений, в массе своей школьниками, вооруженными мощной оптикой; зрелище действительно было весьма своеобразным и неординарным, все-таки программы в основном разрабатывались специалистами погранслужбы и Института внеземных культур, моделирующими либо дальний космос, либо реализацию миров, возможных только теоретически.

Выйдя из метро на административной площади полигона и заметив высоко над горами облако разноцветных бликов — зрителей хватало и на этот раз, — Мальгин спустился под землю в зал управления и контроля. К своему удивлению Гзаронваля он обнаружил

не на трассе, а среди зрителей: человек семь в форме испытателей, среди них и курьер-спасатель, следили за происходящим на полигоне с помощью виомов монитора контроля, отпуская по поводу участников иронические замечания и шутки. Взрывы смеха сопровождали каждое такое замечание, и особенно громко смеялись зрители, когда шутил высокий широкоплечий молодой человек с густой шапкой вьющихся седых волос и невозмутимым лицом. Он был весьма эффектен, форма спасателя сидела на нем как вторая кожа, а в ухе был закреплен не стандартный усик приемника радиации, а оригинальная серьга с камнем — источником «мурлыкающего» света.

Мальгин бегло оглядел компанию (юнцы, лет по восемнадцать-двадцать, то ли стажеры, то ли новоиспеченные спасатели-линейщики, впервые попавшие на полигон и пытавшиеся скрыть мандраж за бравадой и смехом) и спросил, где можно найти Марселя Гзаронваля. Черноволосый юноша с добродушной складкой губ, единственный из всех, кто не спешил смеяться на шутки, кивнул на седоголового крепыша. Тот внимательно посмотрел на подошедшего хирурга, в углах губ его таилась усмешка, но лицо было холодно-спокойным, по-мужски твердым и хорошо вылепленным, с тяжелым подбородком и черными масляными глазами, в которых Клим неожиданно заметил скуку и равнодушие. Портит это лицо только длинноватый, хищно загнутый нос, придающий ему неприятное выражение.

— А зачем он вам понадобился? — спросил седой о себе в третьем лице. — Медиков заинтересовало его здоровье?

Мальгин был одет в обычный рабочий костюм: светло-голубой блузон с короткими рукавами, серые брюки «хокку», кросстуфли, ничего сугубо «медицинского», но Гзаронваль почему-то угадал в нем врача.

— У меня к вам небольшой личный разговор. —

Мальгин пропустил вопрос спасателя мимо ушей. — Не будете ли вы так добры выслушать меня наедине?

Компания перестала следить за событиями в виамах и притихла.

— Не имею желаний, — с прорвавшейся насмешкой ответил Гзаронваль. — Есть разговор — валяйте, нет... — Жест спасателя был красноречив.

Мальгин, не ожидавший подобной реакции от незнакомого человека, растерялся на мгновение, но сдерживаться в невозмутимости и сдержанности с кем бы то ни было ему было не привыкать. Он меня знает, понял хирург. От Купавы или от Дана... и кажется, я вычислил «доброжелателя» Купавы. Непонятно только, почему он столь неучтив. Воспитание с детства? Или считает, что отвергнутый муж не заслуживает другого обращения?

— Вы, очевидно, не поняли, разговор личный, — произнес Мальгин, — прошу извинить.

Видимо, Гзаронваль посчитал сдержанность хирурга за слабость, потому что оскорбительная насмешливость его перешла в грубость.

— У меня нет секретов от друзей. Или говорите здесь, или ступайте по своим делам.

Скрытый характер неожиданного поединка почувствовали и члены компании. Один из них, круглолицый, вихрастый, с румянцем во всю щеку, смущенно посмотрел на гостя и обратился к спасателю:

— Ты что, Марс, словно после провала на полигоне? Человек хочет с тобой поговорить, тем более он медик, ты сам сказал.

— Весь вопрос в том — хочу ли я с ним говорить?

Остальные испытатели зашумели. Ребята не привыкли к таким поворотам беседы.

Мальгин подавил закипающий в душе гнев.

— Жаль. Я не хотел бы говорить с вами при посторонних, но теперь придется. Вы уже дважды нарушили этикет службы, сообщив Купаве то, что она должна бы-

ла узнать гораздо позже и не от вас. Я не знаю, какой целью вы руководствовались, но, во всяком случае, благородством здесь не пахнет. Предупреждаю: еще раз подобное повторится...

— Ну и что будет? — Гзаронваль выпрямился с пренебрежительной улыбкой на губах, поиграл бицепсами. — Вы меня поставите в угол? Не дадите мороженого? Сообщите родителям? Указать вам на дверь, как указала когда-то она?

Мальгин шагнул к спасателю, почувствовав, как тот сразу напряжился и посерьезнел.

— Высокомерный малодушный щенок, — тихо сказал Клим. — Я пришел вежливо и открыто, собираясь услышать такой же вежливый и открытый ответ, но услышал голос заурядного пошляка. Хайям говорил, что, общаясь с дураком, не оберешься срама, поэтому общаться не буду, но предупреждаю в первый и последний раз: стоит Купаве узнать еще что-нибудь, способное повредить ей в том положении, в каком она находится, я вышвырну тебя из службы! Надеюсь, Купава успела тебе сообщить, что меня недаром называют «человеком-да». Я сделаю, что сказал.

Мальгин круто повернулся, чтобы уйти, и услышал возню за спиной и сдавленный голос:

— За щенка я еще с тобой разделаюсь!..

Оглянулся.

Двое, в том числе и краснеющий парнишка с вихрами, держали Гзаронваля за руки, хотя он явно не собирался драться, просто играл на публику. «Публика», не понимая причины ссоры, роптала. Мальгин кивнул, отвечая своим мыслям.

— А вот насчет «разделаюсь» — не советую. Впрочем, если у вас чешутся кулаки, согласен в параллели пройти полигон: кто пройдет последним — тот и не прав.

Гзаронваль, не раз испытывший на себе программы

второго «Ада», с недоверием и неприязнью посмотрел на говорившего, покосился на виомы, отражавшие события на полигоне. Мальгин тоже посмотрел в ту сторону, покачал головой:

— Нет-нет, не здесь, это было бы слишком просто, — на третьем, если вас допустят. И не сегодня. Захотите — найдете меня послезавтра, когда я закончу одну работу... не суть важно, какую. И не забудьте, что я говорил.

Гзаронваль снова сжал кулаки, но Клим уже шел к выходу из зала, прислушиваясь к приглушенному шепоту за спиной:

— Он сказал — на третьем? Я не ослышался?

— Это «Ад-3», полигон безопасников...

— Кажется, он где-то на Камчатке?

— Не кажется, а точно. Суровая школа, я тебе скажу!

— Едва ли их туда пустят...

— А кто он такой, этот парень?

— Это друг Дана Шаламова, знаменитый нейрохирург, я его узнал, Дан как-то говорил, что он с ним проходил третий. Зря ты, Марс, с ним так. Какая муха тебя укусила?..

Улыбнувшись в душе на «знаменитый нейрохирург», внезапно успокоившийся Мальгин вышел из центра управления полигоном, посмотрел на тучу аппаратов под облаками и зашагал к метро. Через двадцать минут он был в институте.

* * *

Таланов, хмур и неразговорчив, копался в каких-то бумагах, называемых так по старинке: «бумаги» были листками сверхпрочного пластика, не сгорающего даже при температуре плавления вольфрама.

— Отлучаешься, так хоть говори — куда, если не

берешь с собой рацию. Нас на одиннадцать ноль-ноль вызывают в отдел безопасности УАСС.

— Зачем? — вяло удивился Мальгин, потом подобрался. — Кибернетики? Сделали перевод?

— Нет, нас ждет Ромашин.

Мальгин расслабился.

— Я-то думал... не пойду, иди один.

— Неудобно, просили прийти обоих, хотя и мне непонятно, зачем мы им понадобились.

— Значит, узнали что-то о Маате... или о «черном человеке», крестнике Даниила. Но с другой стороны, могли бы об этом сообщить по видео.

— Гадать положено на кофейной гуще. Поехали, времени в обрез. Кого возьмешь в ПР-группу вместо Хана?

— Зарембу, наверное. Хотя могу и тебя.

Таланов сделал неопределенный жест, словно сомневался в правильности решения хирурга, аккуратно подравнивал стопку голубоватых листков, вставая, постучал по ним пальцем:

— Есть кое-какие любопытные данные по информационным шокам, придем обратно — считаешь. Этим данным лет двести.

По дороге к метро зашли к Стобецкому. Все члены операционной бригады были уже здесь. Карой выглядела, как и всегда, уверенной в себе и подчеркнуто спокойной, однако на взгляд Мальгина ответила виноватой морщинкой над переносицей. Внимательный Джума заметил их короткую дуэль взглядов, но не прореагировал никак.

Заремба с эмканом на голове о чем-то спорил со Стобецким, не замечая вошедших. Он по собственной воле снова дежурил у пульта реанимакамеры ночью и тем не менее был свеж и деятелен.

— Клим, скажи ему, — обратился он за помощью к Мальгину, когда тот поздоровался. — Пси-балет сейчас моден, как ни одно из направлений модерни-культуры, во

всяком случае, сенсмути и саундай* до него далеко, как по психоэмоциональному насыщению, так и по силе восприятия. Спорит, а не назвал ни одной конкретной вещи. А «Балладу о вересковом меде» видели?

Мальгин не признавал ценность так называемых элитарных видов искусства, восприятие которых требует специальных познаний и навыков, поэтому он промолчал, хотя «Балладу» в свое время смотрел. Вместе с Купавой.

Перебросившись парой фраз с Каминским и Стобецким — разговаривать, собственно, было не о чем, постоянная компьютерная связь позволяла обходиться минимумом слов, распространяя известия практически мгновенно и всем сразу, — директор института и заведующий отделением нейропроблем проследовали к метро и в одиннадцать ровно вошли в кабинет Ромашина.

Начальник отдела безопасности был не один, в его кабинете медиков ждали еще двое незнакомцев в стандартных кокосах: полусонный на вид толстяк и худощавый брюнет с орлиным носом и щеточкой усов.

— Садитесь, пожалуйста. — Ромашин перевел свой стол-пульт в режим автоответа и по очереди посмотрел на приглашенных. — Вы люди опытные, битые, как говорят, и нет смысла подготавливать вас к тому, что сейчас услышите. Разговор пойдет о вашем пациенте Шаламове, ради которого наша служба пошла на некоторые неординарные меры.

— Минуту, один вопрос, — поднял руку Мальгин. — Вы говорили, что после нашего возвращения с Маата начнется контакт с «черными людьми», подготовленный специалистами ИВҚа. Как обстоят дела с этим в настоящее время?

Хозяева кабинета переглянулись.

— Никак, — ответил ровным голосом Ромашин. —

---

* «Сен смуть (разг.) — осязание музыки, от англ. sense of touch music; саундай — от англ. sound (звук) и eye (глаз) — созерцание звуков,

Все попытки привлечь внимание маатан не привели к успеху. Девять наших зондов-автоматов выявлены маатанами и уничтожены, была попытка атаковать станцию «Эдип-2» с дружиной комиссии по контактам. Даже после нашего с вами вояжа на Маат «черные люди» реагируют на вид хомо сапиенс по-прежнему, то есть не признают в нас равных себе партнеров. И слушать не хотят, и видеть не желают. Ксенопсихологам предстоит еще многое узнать, чтобы найти подход к этим странным существам. Кстати, диапазоны частот компактификации своих космических линий они все-таки сдвинули, катастроф, подобной той, что произошла с «Кентавром», больше не предвидится, но это единственный штрих прогресса в наших отношениях. Что вы еще хотели бы узнать, прежде чем мы вернемся к теме разговора?

— Что с тем «черным», которого спас Шаламов?

Ромашин помолчал, глядя на свои сплетенные пальцы.

— Он находится в том же учреждении, где был и раньше. Мы по незнанию назвали учреждение клиникой, но по новым косвенным данным это скорее... — Ромашин поднял ставший на мгновение колючим взгляд, — тюрьма.

Мальгин сжал зубы так, что они заныли.

— Можно было бы догадаться об этом и раньше... и хотя бы перенести его куда-нибудь, в другое место, что ли...

Усатый брюнет хмыкнул.

— Какой смысл? Все не так просто, как вы себе представляете. В отношениях «черных людей» между собой столько непонятных нюансов, что распутывать их можно сто лет. Это самобытная интереснейшая цивилизация негуманоидов, не имеющая себе аналогов в Галактике. Даже цивилизация Орилоуха ближе нам по духу, чем Маат... хотя нет, пожалуй, это я переборщил. А то учреждение, о котором шла речь, тюрьмой, в об-

щем-то, назвать трудно, вернее, только тюрьмой. Это и клиника, и технико-информационный центр, и пинакотека, и нечто вроде отделения вивисекции, и энергоцентр, и собственно тюрьма с первоклассным — по-маатански, конечно, — «кабинетом пыток». Учтите, я ничего не утверждаю, это пока предположения.

— Да, таковы реалии, — тихо сказал Ромашин, не сводя внимательных глаз с Мальгина. — Но вернемся к существу вопроса. Вам ни о чем не говорят такие факты? Первый: ваш пациент, находясь в состоянии комы, неизвестно каким образом научился эффективно влиять на синтез и выделение энкефалинов, то есть освоил приемы волевого обезболивания. Второй: его КЗ* достигло восьмисот! Не десять-двадцать, как у нормальных людей, и даже не двести-триста, как у специально тренированного спортсмена, а восемьсот! Что вы об этом думаете?

Мальгин внезапно вспомнил слова Карой о «переходе количества в качество», и неприятный холодок пробежал у него вдоль позвоночника.

— Что вы хотите сказать? — спросил Таланов неприятным голосом. — Я не люблю тонких намеков.

— Хорошо, давайте говорить открыто. Случай с Шаламовым беспрецедентен, и наша служба не могла им не заинтересоваться. Конечно, Даниил Шаламов и в прежней жизни не был суперменом, хотя кое-какие задатки сильной личности у него были. Но сейчас он... нечеловек.

— Чушь! — сердито бросил Таланов. — Извините. Он человек, хотя и с гипертрофированной нервной системой. Обратных доказательств у вас нет.

— Не умеете смотреть правде в глаза, — скрипучим голосом проговорил молчавший до сих пор толстяк. — Он биоморф, монстр, химера с открытым «синдромом

---

* КЗ — «количество здоровья», термин, обозначающий резервы организма, измеряется в литрах воздуха, прокачиваемых человеком в минуту через легкие.

ЧЧ», процесс перерождения его нервной системы зашел так глубоко, что не мог не затронуть личность, интеллект. В его мозгу родились такие сложные психические структуры...

Ромашин приподнял ладонь, толстяк замолчал.

— Простите, я вас не представил. Эфналитик Делащвили.

Усатый брюнет приподнялся и снова сел.

— Ксенобиолог Тернье.

Толстяк кивнул.

— Да, мы склонны полагать, — продолжал Ромашин, — что дела обстоят именно таким образом. По имеющейся информации эфналитики отдела просчитали прогнозы так называемых «фаз хозяина» у Шаламова и пришли к выводу, что в случае полного контроля над собой он... — Ромашин впервые нахмурился, — может быть опасен!

В кабинете установилась тишина.

— Для кого? — спросил Мальгин, давно понявший, к чему клонят безопасники. — Для кого он может быть опасен?

— Для всех, — ответил толстяк Тернье. — Для людей вообще. Поведение маатан нельзя назвать агрессивным ад инфинитум, но оно не предсказуемо нашей, человеческой логикой, а Шаламов — и вы это прекрасно понимаете — наполовину уже маатанин.

Таланов резко встал, он был бледен.

— Во-первых, Шаламов, к сожалению, почти мертв, и нет никаких оснований утверждать обратное. Во-вторых, я не верю, что он наполовину нечеловек, доказательств этому утверждению нет, а усложнение нейроструктур — еще не доказательство. В-третьих, опасным для людей может быть только маниакально-депрессивный больной, не способный контролировать искаженное сознание, а Шаламов контролирует. И в-четвертых, мы уверены, что сможем прооперировать его и вернуть к нормальной жизни.

Ромашин встал тоже, за ним все остальные.

— Что ж, хорошо, если так. Мы хотели бы надеяться на это, на благополучный исход. Однако все же следует помнить, что вы отвечаете за все неучтенные последствия. Желаю успеха.

Таланов молча повернулся и пошел к двери, прямой и угрюмый. Мальгин, чувствуя себя так, словно его обвинили в профессиональной несостоятельности, поплелся следом. Трое безопасников смотрели на них до тех пор, пока не закрылась дверь.

— Ты был великолепен, — пробормотал Клим, когда они шли уже по коридорам института. — Единственный твой прокол — в нашей общей уверенности, что мы сможем вернуть Шаламова в норму. Операция — не гарантия...

— Да знаю! — с досадой махнул рукой Таланов. — Я просто растерялся. К тому же твой Ромашин прав. Иди к Готарду, я сейчас приду, надо посоветоваться. Что ты на меня так смотришь?

— Кажется, мы сами себя загнали в угол. Отвечать за здоровье пациента — одно, а за его поведение — совсем другое.

— Черт! — сказал Таланов. — Я не подумал.

— Я тоже понял это лишь сейчас, — вздохнул Клим.

* * *

Во втором часу дня пришло наконец сообщение от кибернетиков Ромашина о расшифровке записей диагноста, вытщенного Ханом и Мальгиным из преисподней маатанской «тюрьмы-клиники».

Группа риска собралась у Стобецкого, связанная информационным каналом «Гиппократ», главного компьютера института. Все были возбуждены и ждали начала сообщения с нетерпением. Непосредственный Заремба не преминул блеснуть знанием маатанской компьютерной техники, но Стобецкий остановил его странную речь репликой:

— По-моему, не правы были творцы Библии, ограничившие число смертных грехов цифрой семь, я бы добавил восьмой: болтливость.

Заремба обиделся, но, имея характер незлобивый, сердился недолго.

Мальгин, успевший проверить приведенные Ромашиным факты о некоторых гипертрофированных способностях Шаламова и отметивший еще несколько подобных фактов, почувствовал растущий страх, но в это время в голове раздался мысленный «голос» Гиппократа:

— Сосредоточьтесь, даю адаптированный перевод массива. Время сообщения — час двенадцать, при необходимости устроим перерыв.

И в мозг Мальгина «пошла» видео- и звуковая передача записи.

Уже через минуту приподнял в недоумении брови Каминский, потом Стобецкий оглянулся на Мальгина, Заремба шумно вздохнул, а Джума Хан снял с головы эмкан. Вытерпев еще несколько минут, Мальгин остановил демонстрацию перевода. Врачи молча смотрели друг на друга. То, что записал диагностер с подачи «черного человека», не было информацией о физиологии, психологии и биологии маатан, в записи речь шла о маатанской версии рождения Вселенной.

— Еже писах, писах*, — пробормотал Джума Хан, встретившись взглядом с Мальгиным. — Ошибся наш приятель, не то записал, что мы у него просили. Плохо просили?

— Ничуть он не ошибся, — возразил Заремба. — Ваш «черный друг» был и остался выкормышем Маата и нарочно подсунул то, что не жалко. Надо же! Вселенную сотворили «Вершители, пришедшие из глубины»! Или вот это: «Было вечное кипение, но все пузыри свя-

---

* Что я написал, то написал (изречение, приписываемое Пилату).

заны пуповиной единого начала, в одном из них родились «пришедшие из глубины», нашли боковой отросток пуповины и открыли дверь...» Вот ведь ерунда!

— Не надо так грубо, мон шер, — заметил Джума Хан. — Что мы знаем о маатанах, чтобы говорить о них в уничижающем тоне?

— И откуда в тебе наравне с полезной закваской столько мусора? — пробурчал Стобецкий. — Кто тебя воспитывал?

— «Гиппократ», — огрызнулся Заремба.

Таланов медленно снял эмкан, повернулся к Мальгину.

— Что будем делать, мастер?

Хирург, встретив сочувствующий, пытливый и подбадривающий взгляд Карой, очнулся и сказал твердо:

— Будем опираться на те сведения, что у нас есть. Спасибо Джуме, что он смог включить диагностер под маатанином, иначе у нас вообще ничего бы не было. Операцию начнем в семнадцать по Москве. Первая фаза: стаз криптогнозы из мозга через ЦНС на периферию — полтора часа. Вторая: локализация пораженных шоком участков и стирание криптогнозы в гипофизе, мозжечке, лобных долях — пять часов со сменой ассистентов. Третья: полная нейрохирургическая эктомия — только после анализа пропатоклизы и возрастания тонуса. Первую фазу готовит Богдан, вторую Готард, Билл и Заремба. Карой и вы, Ежи, отвечаете за манипуляционную, аппаратура в вашем ведении до конца операции. Я составляю программу «Гиппократу», координация схем операции — за час до начала. Даю полчаса на личные дела и час на разгрузку. Все свободны.

Таланов кивнул и вышел первым. В дверь реанимационной попытался проникнуть сотрудники других лабораторий института, но Стобецкий отразил натиск. Мальгин поспешил к себе, ответив на вопросительно-грустный взгляд Хана отрицательным жестом. Предчувствие не обмануло: в кабинете сидела Купава. Вскочи-

ла, когда он вошел. Мальгин остановился перед ней, покачиваясь с пятки на носок. Огромные глаза женщины наполнились слезами:

— Прости, я не смогла... но, Клим, мне некуда деться! У меня никого нет, кроме... него, — кивок на дверь, — и тебя... Я с ума сойду одна... ты не знаешь, сестра не хочет меня слушать, а у Дана я...

Мальгин посмотрел на браслет, отметил время, ни слова не говоря, схватил Купаву за руку и потащил за собой. Она не сопротивлялась.

Метро выбросило их в Жуковке, на родине Мальгина. На площади Ленина Клим нашел такси и через четверть часа ввел растерянную, ничего не понимающую Купаву в дом отца. К счастью, Мальгин-старший был дома. Он молча перевел взгляд с сына на бывшую невестку и обратно, поклонился в ответ на ее лепет приветствия.

— Оставляю ее на твое попечение, отец, — сказал Мальгин, подталкивая женщину вперед. — Заберу завтра вечером. Не выпускай ее ни под каким предлогом, иначе я не смогу работать. Надеюсь, ты будешь крут.

Губы отца тронула улыбка. Он был лыс, круглолиц, добр и несуетлив, а главное, он всегда понимал сына.

— Будь спокоен, — сказал он, пытаясь нахмурить выцветшие брови.

Купава беспомощно оглянулась, слезы снова задрожали у нее на ресницах. Язык слез и улыбок не требует перевода, но Мальгину очень захотелось, чтобы ему перевели.

— Клим!..

— Раньше ты была сильнее, — сухо сказал он, обвиняя ее взглядом — единственное, что мог себе позволить, и вышел. Он знал, что отец, как никто другой, сможет успокоить ее и удержать дома. Несмотря на все происшедшее, связанное с уходом Купавы от Мальгина, отец продолжал любить ее и не потерял надежды на возвращение невестки.

О том, что Шаламов сбежал из института, прямо из реанимакамеры, Мальгин узнал еще в здании Жуковского метро: заговорила вдруг «чревоушательница» рации в ухе:

— Внимание всем рисконавтам ПР-группы! Пациент второй Рк вышел из состояния комы, взломал саркофаг и вышел за пределы института! Всем рисконавтам принять меры к его задержанию и успокоению. Применение обычных психолептиков противопоказано, арсенал транквилизаторов подчинен МНК Мальгину.

— Готард, Богдан! — мысленно позвал Клим. — Где Даниил сейчас?

Ни Таланов, ни Стобецкий не отозвались, вместо них снова заговорил «Гиппократ»:

— Связи с названными рисконавтами не имею, оба находятся вне здания института. Предлагаю...

Что предлагал компьютер, Мальгин уже не услышал, находя иглой задатчика точку на карте метро с координатами института. Через несколько минут он ворвался в бокс-клинику Стобецкого.

Куб второй реанимакамеры имел такой вид, будто внутри нее произошел взрыв: люк с окантовкой пневмоприсоса был вырван и погнут, верхняя крышка со сменным оборудованием съехала набок, по полу были разбросаны осколки прозрачного фторогласса, черного пластика и металлические детали креплений. Воняло в реанимационной смеси острых и горьких запахов от сгоревшей изоляции и физиогаза. Человек десять знакомых сотрудников лаборатории и соседнего отделения, одетые в блестящие зеленоватые комбинезоны — работала аварийная сигнализация, — успокаивали плачущую Карой и галдели между собой, живо обсуждая родившуюся сенсацию.

— Чтобы вырвать дверь камеры, удар должен быть не менее пяти тонн! — говорил один. — Как это можно сделать голыми руками — не представляю!

— А внутренний фтороглассовый саркофаг? — вторил сосед. — Фторогласс с компенсирующим слоем вообще разбить невозможно!

— Всем вон! — сказал Мальгин тихо, но так, что его услышали.

Руководитель смежного отделения, бородатый, вальяжный и громогласный, посмотрел на него, открыл было рот, собираясь возразить, и повернулся к подчиненным:

— Пошли отсюда, ребята, наша помощь не потребуется, они сами разберутся.

Мальгин подождал, пока выйдет последний из добровольных утешителей и помощников, сел напротив нейрехимика.

— Где остальные?

— Ищут Ша... Шаламова, — всхлипнула зареванная Карой. Сейчас она совсем не походила на ту уверенную в себе красавицу-гордячку, имидж которой культивировала всю жизнь. Первую можно было боготворить, вторую, ставшую проще и милей, — любить.

— Кажется, мы реализовали закон Мэрфи.

Карой посмотрела на хирурга с недоумением, и Мальгин пояснил:

— По закону Мэрфи если неприятность может случиться, она случается. Как это произошло? Он же был совершенно слаб и слеп!

— Я не знаю... мы с Иваном прогоняли операционную в режиме «экспресс», как вдруг раздался грохот, люк в камеру упал... и оттуда вышел Шаламов... голый...

— Дальше.

— Он посмотрел на... Каминского, который бросился навстречу, и что-то сказал, кажется: «Не мешай, я должен успеть...» — и пошел к двери. Джума прыгнул к нему и... — Карой снова заплакала.

— Ну? — спросил Мальгин одеревеневшими губа-

ми. — Что с ним?

— Шаламов его не трогал... а может, я не заметила. Джума упал и разбил лицо...

— Где он?

— Иван повез в «Скорую»... Джу без сознания. Что мне делать? Можно, я поеду к нему? Пока найдут Данила и привезут сюда, здесь делать нечего.

— Нет, — сказал Мальгин, прикидывая, что делать дальше. — Везет же парню... то есть я хотел сказать, с Джумой ничего не случится, вы мне нужны здесь. «Гиппократ», как все произошло? Почему ты не поднял тревогу раньше? Меня интересуют предпосылки происшествия.

— У пациента внезапно заработало сердце, без водителя сердечного ритма, изменился энцефалообмен, резко ускорился процесс передачи возбуждения по нервам. Я дал сигнал внимания, но пациент очнулся уже через несколько секунд и разбил саркофаг.

«Вы не бойтесь, что количество перейдет в качество?» — холодея, снова вспомнил Мальгин слова Карой, и еще он вспомнил глаза Ромашина и его предупреждение. Такого поворота событий хирург не предусмотрел, хотя был обязан. Конечно, он и до сих пор не верил в то, что Шаламов вдруг станет опасен окружающим, но его неверие опиралось только на эмоции и память прошлого, не имеющие доказательной силы. Куда же ты ушел, Дан? Кем ты стал? И что собираешься делать?..

— Пациент ничего не просил передать мне лично?

— Нет, — ответил «Гиппократ». — Разбив саркофаг, он сказал только одну фразу: «Нек деус интерсит».

— «Пусть бог не вмешивается», — перевел Мальгин хрипло; посмотрел на Карой, но не увидел ее. — Соедини меня с отделом безопасности.

Через минуту над пультом общей координации развернулся виом связи, на Клима глянул прозрачноглазый внимательный начальник отдела безопасности УАСС.

— Он сбежал, — сказал Мальгин, чувствуя, как слова физически царапают горло. — Даниил Шаламов освободился от пуповины жизнеобеспечивающей автоматики и ушел из института минут двадцать назад. Куда — неизвестно.

— Мы знаем, — кивнул Ромашин. — Он побывал дома, переоделся... вернее, оделся и с метро ушел на базу погранслужбы «Златоуст». Там он захватил спейсер «Скиф» и исчез вместе с ним из поля наблюдения.

Мальгин проглотил ставшую полынно-горькой слюну, бессмысленно посмотрел на издавшую восклицание Карой.

— Так быстро? За двадцать минут?! Он... ничего... никого?..

— Бортинженер и драйвер-прима спейсера, пытавшиеся ему помешать... находятся в клинике «Скорой помощи» спас-центра. К сожалению, мы не успели, на несколько секунд, но не успели, он действовал быстрее. — Ромашин помолчал, во взгляде его не было сочувствия, но и презрения, отвращения или злости не было тоже. — Упрек вы заслужили, прежде всего упрек в утрате критического отношения к реалиям нынешних ваших отношений с Шаламовым. В какой-то степени это малодушие, вы просто не хотели думать о нем плохо, и по-человечески понять это можно. Но, кроме вас двоих, в орбиту ваших отношений вовлечены и другие люди, а они не должны страдать из-за... кого бы то ни было. Разберитесь со всеми обстоятельствами бегства Даниила и приходите ко мне, подумаем, что делать дальше. Часа вам хватит?

Мальгин с трудом заставил себя ответить:

— Хватит. — Торопливо добавил: — Если возможно — не допустите утечки информации. От этого... — он хотел сказать «пострадают другие, например, жена Шаламова», но передумал.

Ромашин несколько мгновений рассматривал его лицо, словно изучая, потом, вероятно, понял:

— Мы постараемся. Жду вас у себя.

Виюм свернулся в нить, угас. В реанимационную вернулась тишина. Мальгин обернулся. Карой смотрела на него странно, с каким-то новым, необычным для нее выражением. «Неужели ей тоже свойственна растерянность? — подумал он, словно определение состояния женщины было сейчас главным делом жизни. — Или страх? Не похоже... Скорее надежда, и ожидание чуда, и тайная уверенность, что я это чудо сотворю. Кажется, она впервые в жизни не знает, что делать!» И вдруг Мальгин с отвращением поймал себя на родившемся глубоко под слоем собственной растерянности, изумления и тревоги чувстве облегчения! Облегчения от того, что Шаламов сбежал, по-своему решив все проблемы разом, и операция таким образом откладывается... если не срывается совсем.

— Нек деус интерсит, — выговорил Мальгин тяжелые слова древней латинской поговорки. — Пусть бог не вмешивается. Интересно, кого имел в виду Дан?

— Вас, мастер, — сказала Карой.

Мальгин покачал головой.

— Я не бог, и он это знает. Бог не ошибается, как человек, не должен ошибаться...

* * *

Джума Хан все еще был без сознания, находясь в почти такой же реанимационной камере, какие стояли и в боксе Стобецкого.

Движения врачей за терминалом компьютера, следящего за состоянием больного, были спокойными, а разговоры буднично-деловитыми, и Карой немного успокоилась, как и Мальгин, впрочем.

— Болевой шок и кровоизлияние в мозг, — сказал им лечащий врач, соратник Джумы. — Симптомы странные, ничем не спровоцированные, но тревог особых нет, все излечимо. Такое впечатление, что он перегрузил мозг при работе с машиной в режиме «один на один», да

еще использовал при этом запрещенные стимуляторы.

— Исключено, — возразила Карой сухо, разглядывая в виоме внутренности реанимакамеры с телом Джумы; глаза ее сухо блестели, и она снова была собранной, самоуверенной и нетерпимой к слабостям других. — Он не работал с компьютером перед тем, как потерять сознание.

— А до этого?

— Мы работали вместе, но до перегрузки не доходило. Другое дело, что вчера утром он... — Карой оглянулась на Мальгина.

Тот кивнул, повернулся к врачу:

— Разве он лечился не у вас?

— Вы имеете в виду психологический удар при подключении к интелмату диагностера? Да, мы работали с ним, но сегодняшний случай не имеет отношения к вчерашнему.

Мальгин встретил затуманенный взгляд женщины: она силилась что-то вспомнить, но с сожалением покачала головой.

— Мне кажется, все так и было, как я рассказывала: Джума подбежал к Шаламову и... и упал. Но Даниил его не... по-моему... нет, точно, не касался. К тому же у Джумы хороший тренинг, он бы не позволил себя...

— Я знаю, — кивнул врач, косясь на терминал. — Простите, я должен работать. Звоните вечером, думаю, он выйдет из этого состояния. — Врач отошел.

— Пошли, — проворчал Мальгин, постояв с минутой. — Все будет нормально.

Он уже просрочил время, данное ему Ромашиным, и торопился.

— Идите, — сказала Карой, не глядя на него, потом опомнилась и улыбнулась виновато. — Я подожду здесь, Клим, если не возражаете.

— Тогда встретимся в девять у Стобецкого, предстоит систематизировать все наши загадки и беды, выдать прогноз поведения Шаламова, проанализиро-

вать... — он замолчал, так как женщина его явно не слушала, и, легонько сжав ее локоть, ушел.

Разговор с Талановым занял всего две минуты, оба все понимали с полуслова и знали, что предстоит сделать каждому в отдельности и всем вместе.

— Поступили два пациента с интегральным поражением подкорки, — сообщил Таланов хмуро.

— Стобецкий справится сам, бригада у него хорошая.

— Я уже перевел на него отработку проблем, кроме той, что ты занимался до...

— Регуляция эндокриножелез? Посади на нее Зарембу, парень рвется в бой, его энергию надо направлять в нужное русло.

— Согласен. После встречи с безопасниками позвони.

— Если буду готов. До девяти не позвоню — собирай группу сам, нужен глубокий анализ с привлечением эфналитиков.

— Ступай, не беспокойся за тылы.

Таланов был озабочен и встревожен, но не стал напоминать Мальгину об их общей ответственности за происшедшее вообще и за жизнь Шаламова в частности.

Выпив по пути два стакана ежевичного сока — пересохло горло, — Клим переместился из института, выросшего в южной Курской зоне Москвы, в Брянск, на окраине которого располагалось Управление аварийно-спасательной службы, но Ромашина в отделе не нашел.

— Он в погранслужбе, — сообщил киб-секретарь, мигая зеленым глазом внимания.

— Где именно?

— С кем имею честь?

— Клим Мальгин, нейрохирург, Институт нейропроблем.

— Он в отделе пограничных конфликтов, код лифта «сто сорок один ю».

Клим, чувствуя сосущую пустоту под ложечкой, отыскал лифт и набрал названный код.

Здание УАСС строилось лет сто с лишним назад, но уже тогда при его строительстве были использованы прогрессивные архитектурные решения типа «плывущей структуры», «свободно организованного пространства», «модульной компоновки», и принципы трансформных преобразований, основанные на материалах с памятью формы, поэтому с течением времени облик его хоть и менялся, но инженерно-техническое обеспечение оставалось тем же, разве что совершенствовалось. Погранслужба Даль-разведки была создана позднее и сначала дислоцировалась в центре Даль-разведки в Дзезказгане, но спустя двадцать лет после создания решением Высшего координационного Совета Земли была перенесена в спас-центр, из-за чего здание УАСС, и без того занесенное в книгу рекордов Гиннеса, как самое большое и сложное, выросло в длину еще на полкилометра. Однако благодаря пронзающим лифтам со сменной координат выхода попасть из одного конца здания в другой можно было всего за несколько минут. Путешествие Мальгина, например, длилось две минуты сорок секунд. Лифт выбросил его прямо у двери сектора погранслужбы, занимающегося разного рода конфликтными ситуациями на переднем крае космических исследований человечества.

Дверь открылась сама, едва Мальгин к ней приблизился, видимо, интелматы сектора были предупреждены о допуске нейрохирурга к секретам погранслужбы. За дверью шумел сосновый лес, созданный иллюзией видеопласта, сквозь лапы елей и сосен проглядывало солнце. По «песчаным дорожкам» коридора изредка сновали люди, по большей части одетые в кокосы с эмблемами погранслужбы на рукавах: сине-белый полосатый ромбик с золотыми звездочками. Мальгин двинулся по дорожке в глубь коридора и наткнулся на Ромашина, вывернувшегося из-за пушистой японской сосны.

— Идемте, — кивнул начальник отдела безопасности, не удивившись. Следом за ним вышли из незаметной двери двое мужчин: плечистый здоровяк с крупным мясистым лицом, и тонкий, стройный, как юноша, но с гривой седых волос (интересно, свои такие или краска?) начальник сектора Милослав Торопов.

Молча сели в лифт, перенесший их в зал метро, подождали, пока освободится нужная кабина. Вышли где-то в недрах базы погранслужбы, как определил Мальгин. Короткий коридор вывел молчаливую группу к двери со светящейся надписью «ППП». Первым вошел Торопов, Ромашин пропустил Клина вперед и вошел последним.

Открывшееся помещение было весьма своеобразным, с конформной организацией технопространства: три стены собственно стенами назвать было нельзя, они представляли собой оконечные устройства линий доставки с меняющейся геометрией бункеров, третья стена служила терминалом контроля и связи, а потолок мог пропустить через себя крупногабаритный модуль или патрульный шлюп.

Торопов, обойдя в центре зала манипуляторы и груды контейнеров, возле которых работали трое парней в одинаковых черных комбинезонах, подвел прибывших к единственному пульта, ежесекундно меняющему узор индикаторов. Над пультом склонились два оператора. Один из них, кряжистый, белобрысый, со светлой бородкой и усами, с родинкой на щеке, оглянулся, и Мальгин узнал Александра Шевчука, руководителя группы безопасников в Горловине. Второй продолжал работать с эмканом на голове, не обращая ни на кого внимания.

— Все посты предупреждены, — сказал Шевчук, кивком поздоровавшись с Мальгиным. — В намеченных финиш-зонах задействован императив «Чеширский кот» и включен «спрут», но пока все тихо.

— Поймать «след» старта не удалось, — отрывисто добавил второй оператор.

— Этого и следовало ожидать, — сказал седой Торопов. — К сожалению — приходится повторять это слово снова и снова, — «Скиф» — спейсер высшего класса и ходит без «шипения», а управлять им может любой мало-мальски подготовленный человек. Да и Шаламов — не «любой», а драйвер-прима, специалист высокой квалификации.

— Почему его, то есть «Скифа», спейс-управление не было заблокировано? — спросил Ромашин. — У вас, что, не соблюдается стандартный «срам»?

— «Скиф» стоял на приколе второй месяц и готовился к рейду на границу в Гиппархе, — нехотя ответил Торопов. — Блокировку сняли буквально перед похищением, хотя странно, почему интелмат спейсера послушался чужого приказа.

— Это не оправдание.

— Я не оправдываюсь, удивление мое вовсе не риторическое, вы же знаете, обычно интелматы работают только со своими пилотами, и этот психологический порог переступить нелегко. Но к делу, коллеги.

Ромашин повернулся к Мальгину.

— Пора прояснить ситуацию. Поскольку лучше всех Шаламова знаете вы и отвечаете за его поведение тоже вы, участие ваше в его поиске не только желательно, но и обязательно. Возражения?

— Нет.

Торопов, одним ухом прислушивающийся к разговору, усмехнулся, окидывая взглядом Мальгина:

— По всему видно, он не знаком с законом Биллингса: половина трудностей происходит от того, что мы слишком быстро говорим «да» и недостаточно быстро «нет».

Мальгин с каменным лицом промолчал, подумав с удивлением: «Кажется, этот пограничник за минуту нашел во мне то, что я пытаюсь найти несколько лет. Не от того ли мои беды, что я всегда говорю «да»?»

Ромашин с любопытством посмотрел на него, кивнул:

— Умение выбирать между «да» и «нет» — великое искусство. Итак, с этого момента вы участник операции. Всю свою работу перегрузите на заместителей.

— Уже. Но я хотел собрать группу для анализа реакции Шаламова и предшествующего его состояния, это поможет нам в прогнозе его поведения.

— Таланов справится без вас?

— Безусловно.

— В таком случае мы свяжемся с ним и все объясним. Эфаналитики нашего отдела определили вероятные выходы Шаламова: Горловина, Маат, Орилоух. Ваше мнение?

— Почему Орилоух? — пожал плечами Мальгин. — Что ему там делать?

— Вероятность похода к Орилоуху мала, но она есть. Маатане каким-то образом связаны с орилоунами, хотя обменом информацией эту связь назвать нельзя, но дело в том, что в экипаже маатанского корабля, командира которого спас Даниил, были два орилоуна.

— Откуда это известно?

— Вспомните наш поход в Горловину. Эксперты успели осмотреть «проникатель» и обнаружили отдельную «каюту», в которой и находились орилоуны. Сразу, конечно, мы не смогли определиться, и открытие сделали только при анализе полученного фактажа.

Мальгин задумался; его не торопили.

— Но если я правильно понимаю спейс-навигацию, чтобы попасть в нужное место, интелмат спейсера должен знать маршрут и координаты выхода к Маату... или к Орилоуху, в противном случае придется идти вслепую. Нет?

Безопасники и пограничники переглянулись.

— Мысль верная, — хмуро сказал Торопов, — но Шаламов тоже знал это обстоятельство. Он проверил карту маршрутов сразу же, как только попал в рубку, определил, что «Скиф» — непривязанный спейсер, и...

рискнул остаться в Системе для пополнения информационных запасов.

— Картина, вообще говоря, получается неприглядная, — сказал Ромашин. — Шаламов все время опережал нас, на минуты, а иногда буквально на секунды, опережал прежде всего в оценке событий и выборе оптимального решения. И это говорит о том, что его возможности намного превышают возможности нормально-го человека, ведь против него работал весь интеллект-потенциал отдела и погранслужбы с мощным кабинетом эфанализа. Он перевел спейсер в режим «инкогнито», не уходя с базы, подключился к компьютерной сети, соединяющей банки данных погранслужбы, и, пока мы искали его по Системе, выкачал необходимую информацию, в том числе и маршрутные данные погранкораблей и галактические координаты дальних погранпостов и маяков. И ушел. Куда — приходится только гадать. Уверен, его бегство не было бессмысленным, да и актом протеста против лечения оно быть не может. Космос велик, но искать беглеца стоит только в районах, которые могут представлять для него интерес.

— Скорее всего он пойдет к Маату, — сказал Мальгин, пряча душившее его желание отказаться от участия в поисках спасателя.

— Наши мнения совпадают. Будем ждать его в системе Маата, хотя того, что он может там искать, на планете нет.

— То есть?

— «Черный человек», с которым вы встречались...

— Умер?!

— Ну что вы, нет, конечно, но бежал с Маата.

— Бежал?!

— Выглядели его действия именно как бегство, хотя... кто знает, может, мы неправильно оцениваем их поступки, не изучив психологии отношений. Как бы то ни было, «черного» на Маате нет, и я не знаю, что произойдет, когда об этом узнает Шаламов.

— А известно, куда сбежал маатанин? И на чем?

— Куда сбежал — неизвестно, а вот на чем... по-видимому, у маатан есть нечто вроде нашего метро, единственная станция на всю планету, и «черный» прорвался к ней, подняв в стане соотечественников изрядный переполох.

— Что значит — единственная станция? — недоверчиво спросил Мальгин. — Разве у маатан нет внутрисистемных линий метро?

— В том-то все и дело. Их межзвездные «проникатели», выполняющие, кстати, множество других функций, в том числе и совершенно непонятных нам, работают на принципах «компактификации измерений», как и наши «струнные» корабли, но метро тем не менее у них нет. Эта станция на Маате — единственная.

— Какой-то парадокс...

— Подобных парадоксов у маатан отмечено много. Мы давно присматриваемся к этой станции и пришли к выводу, что маатане... э-э, не являются ее хозяевами. Точнее, они только эксплуатируют ее, а вот строили станцию другие, возможно даже орилоуны.

— Интересная версия. — У Мальгина внезапно пропал интерес к загадкам маатанской цивилизации, в настоящий момент его волновали другие проблемы. — И вы до сих пор не узнали координат выхода станции? Безопасники снова переглянулись.

— Это очень непросто сделать, — буркнул Торопов.

— Если еще учесть, что подойти незаметно к станции невозможно, — добавил Ромашин. — Минимальное расстояние, на которое допускается наша спецтехника, около полусотни километров, ближе подойти невозможно, хотя для нас это совершенно неожиданная загадка: техника у нас работает совершенно без шума. Любого. Да и замаскирована она хорошо... как мы думали. Однако мы отвлеклись. Вас, Клим, включили в ЧП-вахту, через несколько минут она передислоцируется на «Илью Муромца», мы ждали только вас, все дав-

но готовы к работе. Шкипер вахты — уже знакомый вам Алекс Шевчук (бородатый Шевчук за пультом кивнул), старпом — Калина Лютый, познакомьтесь.

Молчавший до сих пор крупнолицый напарник Торопова протянул мощную длань, словно клещами, сдвигая руку Мальгина.

— А вы не идете? — спросил Клим Ромашина.

— Мое непосредственное участие в поиске необязательно, а опытных работников в ЧП-вахте хватает. Желаю удачи.

— Пойдемте, — сказал Лютый, направляясь к груде оборудования. — Переоденетесь уже на месте.

— Минуту, — сказал Мальгин, оглядываясь в нерешительности на Ромашина. — Мне необходимо вернуться в... в общем, я буду готов только через час.

Начальник отдела безопасности смотрел на него без удивления, взвешивая не то свой ответ, не то причину внезапной нерешительности Мальгина. Однако психолог он был высокого класса, не хуже самого хирурга.

— Надеюсь, часа вам хватит.

Мальгин промолчал.

— Хорошо, мы подождем.

Шевчук, ни слова не говоря, сел обратно за пульт. Лютый похлопал Клим по плечу:

— Не переживайте, отвезу вас к метро самым коротким путем.

Контейнеры уже были уложены на черном диске в центре зала в аккуратный штабель, манипуляторы отступили к слепым мордам линий доставки. Двое парней вышли, третий остался. Лютый встал на диск, помянул Мальгина:

— Смелей.

Мальгин оглянулся. В немигающем взгляде Ромашина, устремленном на него, сквозь укор и отчужденность он прочитал сомнение.

Ч А С Т Ь 3

Прошло немало времени, прежде чем Шаламову сквозь странную сосущую, шершавую, занозистую боль, терзавшую приступами все нервные центры, удалось кое-как овладеть телом и сократить время беспомощности до минимума: организм, «воспитанный» десятками тысяч лет эволюции, сопротивлялся вторжению чужой воли и появлению странных возможностей, и продолжал «отключать» мозг на уровне инстинкта. Тем не менее Шаламов после многих попыток, отнимающих громадное количество психических сил, сумел наладить компромисс между двумя чуждыми друг другу системами переработки информации (раньше сказали бы — между двумя половинами души), подчинить нейросекреторные функции тела волевому усилию и обеспечить некоторую власть над процессом биотрансформации, основанном на электроэнергетике, на два порядка превышающей по мощности биоэнергетику нормального человеческого организма. Зрение он не только восстановил, но и усовершенствовал, сдвинув диапазоны видения в инфракрасную часть спектра и немного в ультрафиолет.

Приступы слабости, обмороки и черные потери сознания все еще продолжались, но значительно реже, и в конце концов Шаламов решил, что для достижения поставленной цели владеет собой в достаточной степени. Единственная раздражающая мысль, венчающая

земное психологическое наследие, была: где, черт возьми, Купава?! Почему ее не оказалось дома?..

Потренировавшись в смене облика и оптимальной подгонке функций под тот или иной тип тела, Шаламов вернулся в рубку спейсера, самостоятельно шедшего крейсерским шпугом, то есть в режиме двойного ускорения со скоростью, близкой к скорости света, но без включения генератора «струны». Координатор с готовностью высветил пилоту в пси-диапазоне основные параметры хода и характеристики окружающего корабль пространства. В пределах прямых измерений пространство было «плоским» и чистым, как лист ватмана.

Рубка спейсера напоминала рубку спасательного шлюпа, но была рассчитана на трех человек: шкипера (он же пилот или, по терминологии спасателей, драйвер-прима) и двух бортинженеров, собственно и представлявших весь экипаж. Кресла-коконы экипажа были установлены в общем коконе рубки так, что шкипер видел своих подчиненных одного за другим, а напротив него стена рубки выгибалась пузырем и представляла собой ситуационный экран, используемый в аварийном режиме при отстреле контролирующей пси-связь автоматики и включении ручного управления.

По желанию пилот мог передвигаться по спейсеру, не покидая кресла, с помощью пронзающего лифта, так что время в пути до самого отдаленного отсека не превышало минуты, несмотря на пятисотметровый размах корпуса, тем не менее каюты погранвахты располагались рядом с рубкой, рассчитанные на двадцать шесть человек; сейчас они пустовали.

Устроившись в кресле шкипера, Шаламов с мимолетным удовлетворением подумал: теперь я кум королю и сват министру. Жаль, что пришлось немного помять ребят, но они были так воинственно настроены... к сожалению, мой друг Клим Мальгин не оставил другого выхода, наметив операцию, которая мне абсолютно не нужна... а ребята попались на пути наибольшего сопро-

тивления случайно, когда я уже не мог избрать другой вариант...

— Скиф, что с ними? Есть сведения?

— Оба в реанимации, — отозвался координатор в пси-диапазоне. — Результаты лечения не знаю.

— Плохо, — помрачнел Шаламов. — Не помню, как это произошло. По-моему, я их не трогал... черт, провал в памяти! Я не хотел этого... Ничего, оклемаются. Как далеко мы ушли от Солнца?

— Три парсека с небольшим хвостиком.

— Что ж, давай посмотрим... три мы дали «на струне», а остальные, выходит, шпугом? Индекс ЛЗВ*?

— Семь ноль ноль две.

— Значит, если здесь я отдыхаю всего вторые сутки, то в Системе прошло уже около двух недель. Интересно, где они подготовили мне встречу?

— Кто?

— Пограничники, кто же еще, плюс безопасники, шедшие за мной по пятам. Хваткие ребята, да и начальник у них не без царя в голове. Наверное, сработают «Шторм» и будут дежурить у Маата и в Горловине, причем наверняка погранвахты запустят со сменами усиления. А?

— Наверняка, — согласился координатор.

— Ничего, мы тоже не лыком шиты, прорвемся. Идем к Маату в режиме «инкогнито», на подходе ищем трассы и коридоры входа маатанских космотранспортов, засекаем всю их космотехнику и вычисляем, какая из нее предположительно принадлежит нашей разведке. Только после этого формируем из тебя «проникатель» — программа трансформации записана в моей памяти — и ползем к Маату, как свои. Работу продолжать независимо от того, в сознании я или нет. Понял?

— Так точно, — ответил координатор по имени

---

* ЛЗВ — лоренцево замедление времени; при скорости корабля, близкой к скорости света, время в корабле начинает идти медленнее по сравнению со временем на Земле,

Скиф; имя было ему дано по названию спейсера. Он уже не был интелматом, самостоятельным киб-интеллектом, после того, как Шаламов оглушил его, подав на вход запороговую шумовую задачу, и переориентировал блоки этического контроля. В настоящее время Скиф наполовину представлял собой маатанский компьютер, позаимствовав многое из того, что знал Шаламов.

Через несколько часов по внутреннему времени, ушедших на ввод и корректировку маршрута, спейсер в режиме «суперструны» преодолел гигантское расстояние в тридцать семь парсеков и вышел к гравитационным границам звездной системы Маата. Звезда, давшая жизнь собственно Маату — второй планете системы, была класса F0, имела в свите еще четыре планеты размером с Юпитер и пылевой пояс. На Земле ее знали как сто вторую Щита и называли Угрюмой.

Чувствительность техники наблюдения спейсера была так велика, что Шаламов, включенный в контур управления координатора, мог контролировать даже перемещение летательных аппаратов в атмосфере Маата, хотя расстояние между кораблем и планетой превышало триста миллиардов километров. Работая с координатором в рапид-режиме, позволяющем человеку вести расчеты со скоростью позитронного вычислителя, Шаламов выполнил первую часть задачи по обнаружению крупнотоннажного космического транспорта в системе и принялся за вторую — выявление земных разведкораблей, способных маскироваться под любое движущееся тело.

Работал он с удовольствием и чувствовал себя вполне сносно, загнав эмоции глубоко в недра психики, хотя образ Купавы нет-нет да и пробивался наверх, к центрам зрительной памяти. Однако неясные эти картины — то лицо Купавы, то ее фигура, то отдельно глаза, губы, волосы — не отвлекали пилота от главного дела и не злили, только заставляли работать быстрее. Он знал, что вернется за ней и заберет с собой. Но сначала надо было достичь поставленной цели.

Аномалий в движении маатанских внутрисистемных аппаратов они со Скифом не нашли, зато с ходу определили координаты базовой станции «Эдип-2», принадлежащей земной Комиссии по контактам, и отметили два тела, круживших над Маатом по хитрым траекториям. Кроме того, приборы выявили несколько концентраций масс, не привязанных ни к одному визуально наблюдаемому объекту, и Шаламов отнес их в разряд потенциальных наблюдателей, работающих в системе, как и он со Скифом, в режиме «инкогнито».

Затем пришла очередь определения коридоров выхода к Маату возвращающихся из дальних рейсов космолов-«проникателей». Просидев сутки в кресле шкипера, отвлекаясь только на завтраки — человеческое тело просило человеческой пищи и привычных процедур, — Шаламов справился и с этой задачей, после чего наступило время действий. Проложив трассу «струны» корабля мимо обнаруженных объектов, способных помешать осуществлению задуманного, с точностью, недоступной ювелирам, пилот взял управление «Скифом» на себя.

Корабль, превращенный в маатанский «проникатель» — с виду, конечно, вышел к Маату безошибочно, но обмануть земных наблюдателей не мог. Правда, это и не требовалось, Шаламову важно было не вспугнуть самих маатан.

— Нас засекли, — предупредил Скиф.

— Сам вижу. Делай свое дело.

— Принимаю кодовый вызов.

— Слышу.

— Похоже, нас пытаются перехватить. Не понимаю смысла игры.

— Отставить вопросы, это не игра. Вход в атмосферу аварийный, не забудь смену режима. Район финиша определяю я.

— Принял. Хочу напомнить: на выходе из атмосферы нас будут ждать... если только не приготовили встречу

внизу, на дне. Внезапность — пропуск только для входа.

— Есть другая поговорка: сила — пропуск для входа, ум — для выхода. Разговорам конец. Начали!..

«Скиф» прыгнул...

2

Две недели Мальгин маялся на борту спейсера «Стратег», дежурившего в системе Маата, и вместе с другими вахтенными отрабатывал императив «Черный поиск», разработанный специалистами-ксенопсихологами Института внеземных культур и аналитиками отдела проблем контакта погранслужбы. Шаламов как в воду канул, исчез, растворился в глубоком мраке космоса, не появившись ни в Горловине, ни у планет Орилоуна, а искать его прямым зондажем было бессмысленно.

В первый же день на спейсер прибыл Ромашин, вызвал Мальгина из отсека отдыха в зал десанта. По его лицу ничего нельзя было прочесть, однако Мальгин, внутренне сжавшись, приготовился к самому худшему, подумав при этом, что не достиг предела, когда о худшем думать уже не хочется. С Ромашиным сидел озабоченный и хмурый Таланов. Клим сел рядом, взглядом спрашивая у директора института, что случилось.

— Мы ошибались в оценке состояния Шаламова, — сказал Таланов, перебирая на груди пальцы.

Мальгин невольно перевел взгляд на Ромашина, сидевшего совершенно неподвижно, не терявшего своего «я» ни при каких обстоятельствах, привыкшего спрашивать с себя не меньше, чем с других.

— Не может быть!

— Это стало известно час назад, после прогонки си-

туации на Европейском эм-синхро*. Когда Шаламов находился в бессознательном состоянии, процессы обмена у него шли параллельно маатанским. То есть в эти периоды он, по сути, был маатанином, сердце и другие органы ему не требовались... а мы «спасали» его от комы! Поддерживали сердечную деятельность и работу легких... А непосредственно перед выходом из камеры он... перестал излучать.

Мальгин не понял и продолжал смотреть на Таланова с недоумением. Тот снова сложил руки на груди, покосился на Ромашина.

— Человеческое тело, как тебе известно, излучает тепло, а мозг — электромагнитные волны, так вот Шаламов перестал излучать.

— Как маатане! — хрипло сказал Мальгин, вспоминая.

— Вот именно, Клим, как «черные люди». И больше всего я боюсь, что Даниил не знает обо всех своих специфических способностях, как и о расщеплении личности.

Ромашин впервые шевельнулся.

— А я боюсь, что вы не совсем понимаете, к чему может привести «двойное дно» души вашего пациента. Он уже не в состоянии контролировать свои поступки, не будучи человеком, то есть в периоды, когда над ним властвует маатанин.

Медики молчали. Потом Таланов спросил:

— Кто у тебя отвечал за информацию о состоянии Даниила? Заремба, Билл-старший или Стобецкий?

— Какая разница? В конечном счете виноват я.

Ромашин усмехнулся.

— Вы смелый человек, Клим, но все же не стоит вваливать на свои плечи чужой груз. Что касается ответственности за своевременную информацию о нюансах

---

* Таланов имеет в виду компьютерную систему медицинских институтов и клиник, работающую по заданной проблеме в режиме синхронизации банков данных.

состояния Шаламова, то винить надо вас, Богдан, за то, что понадеялись на достаточную оперативность и мощь «Гиппократ», главного компьютера института. Он не справился с анализом, случай беспрецедентный и специфичный, и надо было сразу включить режим эм-синхро, тогда бы нам удалось избежать многих ошибок.

— Виноват я, — твердо сказал Мальгин. — Я обязан был предусмотреть такой финал и не надеяться только на «Гиппократ». О включении эм-синхро я не подумал.

— Нет, — так же твердо возразил Ромашин. — Но поговорим лучше о маатанах.

— Хорошо, — тихо проговорил нейрохирург после паузы. — Один вопрос: что с Ханом?

— Он очнулся, скоро будет на ногах. Самое интересное, что он уверен, будто из Шаламова... прыгнул на него «с рычанием» оскаленный барс! После чего Джума потерял сознание.

Таланов подтверждающе кивнул.

— Да, я с ним разговаривал. Джума уверен в физическом прыжке, он даже почувствовал на лице «смердное дыхание пасти зверя», причем по его версии «барс» выпрыгнул «из глаз» Даниила.

— Скорее всего это личностное впечатление от направленного гипноимпульса. — Ромашин поправил у виска усик антенны связи. — Как известно, дыма без огня не бывает, и «прыжок барса» — это скорее всего пси-атака Даниила. Если бы у вас была видеозапись выхода Шаламова из реанимакамеры, подобные вопросы отпали бы. Клим, вам необходимо запомнить новые данные о маатанах, Богдан привез кассету.

Таланов вытащил из кармана плоскую пуговку видеозаписи.

— Прокрути, много интересного, я, например, ничего этого не знал. Догадайся, почему маатане нас не празднуют, как братьев по разуму? Конечно, это лишь гипотеза, но ксенопсихологи поработали исключительно

результативно и скорее всего не ошиблись. Специфика живого организма на Земле заключается в поддержании низкого уровня энтропии в себе за счет увеличения энтропии окружающей среды, а маатане энтропию среды не повышают, создавая как бы «склады энтропии» внутри себя! Отсюда и их неприятие всех, кто «увеличивает хаос мира»!

— Не спешите с выводами, — мягко сказал Ромашин. — Проблема отказа «черных людей» от контактов с нами — комплексная, сложная, в ней отражены и физиологические, и чисто физические, и философские аспекты жизни маатан, их этика и мораль. Например, в их речи нет местоимения «я», и в то же время каждый из маатан — личность. Парадокс не парадокс, но противоречие налицо, и таких противоречий много. Возьмем их эволюцию: маатане сознательно ограничили рост производства и потребление информации, выбрав из всего спектра направлений познания мира лишь те диапазоны, которые ориентируют их не на всестороннее развитие личности с возможностью самовыражения в избранной области науки, искусства и культуры, а на максимальное «закукливание», централизацию в каждом индивидууме одного для всех достоинства — возможно меньшего потребления энергии и информации.

— Разве такое возможно?

— Посмотрите запись, там не только голые выводы, но и выкладки, на которых они основываются. Вы говорите — возможно ли? А то, что тело маатанина есть одновременно его мозг, возможно? А то, что нужный для решения определенной задачи «объем ума» у маатанина как бы растет с подключением новых и новых участков тела-мозга, с увеличением количества нервных связей, возможно? Кто-нибудь из ксенобиологов мог представить, что природа реализует «черного человека», мозг которого, по сути, — фрактальный кластер?

Таланов и Мальгин молчали. Ромашин перевел взгляд с одного на другого и встал.

— Идемте, Богдан, у нас мало времени.

— Погодите, — сказал Клим ему в спину, оставаясь сидеть. — А что если Шаламов появится... в другом месте?

Начальник отдела безопасности обернулся, помолчал, разглядывая пол под собой.

— Если я вас правильно понял, вы говорите о Земле. Не беспокойтесь, мы приняли необходимые меры предосторожности. Купава в полной безопасности.

Они ушли, а Мальгин расслабленно откинулся на спинку кресла. Напряжение схлынуло, в голове стоял сплошной туман, в ушах же раздавался шепот Купавы:

— Найди его, Клим, милый! Он же серьезно болен, его спасать надо, а не ловить, как преступника. Скажи им всем, пусть не расставляют капканы, иначе он сорвется и такое может натворить!.. Слышишь, Климушка?..

— К сожалению, да, — горько отозвался Мальгин.

* * *

Ромашин посещал спейсер еще дважды, сообщая новости с Земли, не проходившие по каналам срочной связи, передавал новые порции информации от ксенопсихологов, эфналитиков, биологов и медиков, приносил приветы от выздоравливающего Джумы и ни слова от Карой или Купавы. Мальгину уже осточертели шестичасовые вахты, чередующиеся с периодами отдыха, неразговорчивость вахтенных, атмосфера тревоги и томительного ожидания, но он старался ничем не выдавать своих переживаний и чувств. Соображения о том, что можно было бы обойтись без перехвата угнанного Шаламовым спейсера, ограничившись наблюдением и попыткой связи с ним, не произвели на Ромашина впечатления. Спорить с Мальгиным он не стал, на совет снять вахту ответил односложным «нет» и только очень спокойно и корректно напомнил о предполагавшемся рас-

щеплении личности спасателя. Последствия такого расщепления действительно могли быть катастрофическими, что и признал хирург скрепя сердце.

А на четырнадцатый день дежурства спейсер «Скиф» объявился в трехстах миллиардах километров от Угрюмой — светила Маата, защищенный хитроумным режимом «инкогнито» почти от всех способов обнаружения, кроме гравитационного. На «Стратеге» сыграли тревогу, и началась отработка императива «черный перехват», предусматривающего каждому члену ЧП-вахты свой участок работы.

Место Мальгина было в десантной группе, подчиненной Шевчуку, и уже через полминуты он прибыл в зал десанта, облаченный в гермокостюм с компьютером сопровождения по имени Клаус. В ушах раздавались голоса переговаривающихся наблюдателей, пилотов спейсера, команды, указания координатору, его ответы и краткие реплики руководителя операции.

Десантников было семеро вместе с Мальгиным — четвертьобойма (полная обойма насчитывала тридцать одного человека, полуобойма — пятнадцать), и едва они успели собраться, как последовал приказ занять места в десантном когге. Купол зала разошелся лепестками диафрагмы, в него просунулось глянцево-черное рыло посадочного автомата когга, выстрелило коробкой лифта. Спустя минуту Мальгин полулежал-полустоял лицом вниз под углом в сорок пять градусов в мидель-захвате рубки когга, вслушиваясь в голоса, доносимые «спрутом» компьютерной связи. Перед ним возник объем видеопередачи, созданный прямой подачей сигналов в мозг, и Клим как бы повис в рубке спейсера с черным провалом центрального виома над пультом ручного вириала.

«Стратег» шел шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, и звезда в левом верхнем углу виома на глазах увеличивалась, превращалась в плотный раскаленный шар. В правом нижнем углу виома голубела го-

рошина Маата, увеличиваясь в диаметре с такой же скоростью, что и Угрюмая. А по центру виома, перечеркнутый крестом визира, висел кособокий, словно созданный сумасшедшим скульптором, маатанский космотранспорт, в котором не было с человеческой точки зрения ничего похожего на космолет, способный преодолевать колоссальные межзвездные расстояния. Это был спейсер «Скиф», заgrimированный под маатанский корабль.

Переговоры пилотов, бортинженеров и координатора были специфичны и немногословны, для непосвященного они, наверное, звучали бы сплошной абракадаброй, но Мальгин понимал их свободно, не требуя перевода, давно изучив по настоянию Ромашина профессиональные жаргоны космических служб человечества.

— Объект пошел в «косой лист», — говорил пилот драйвер-прима, что означало: «объект совершил маневр перехода из походной гиперболы в финиш-параболу с «перекручиванием» координат».

— Скорость три и три, демпфирование ноль двенадцать, повторяю маневр в режиме половинного спрямления — хамаль сорок два градуса, — бубнил координатор.

— Боковые зз-эс-эл плывут, поле допуска семьдесят пять, — скороговоркой докладывал бортинженер, что на нормальном человеческом языке звучало бы как: «Границы створа захвата и слежения локаторов отрабатывают сверхскоростное маневрирование объекта на семьдесят пять процентов».

— Три минуты до цели, — это снова координатор. — Размыв трассы ноль ноль шесть, граничные параметры «свиста» сто децибел на один градус.

— Связь с объектом? — вклинился в разговор голос Шевчука.

— Отсутствует. Объект маневрирует в режиме «бегущий призрак», перехват возможен только с риском ПС (с риском прямого столкновения, — перевел для себя Мальгин).

— Расстояние от объекта до планеты?
— Сорок мегаметров, время входа в атмосферу минута двадцать.

— Мы не успеваем выйти раньше?

— Пятьдесят на пятьдесят с риском ПС.

— Готовить силовой демпфер и контактное задержание. На подходе с маневром перехвата нанести удар. Масса удара должна быть достаточной для выбивания «Скифа» с трассы входа, защите — полную компенсацию ответа. Ни в коем случае не допустить прорыв объекта в атмосферу Маата!

— Принял!

— Я «ведомый», — раздался голос командира спейсера «Илья Муромец», идущего к планете с другой стороны системы. — Готов к прямому контакту с объектом. Задачи введены, предлагаю начать развертку «зонтика»...

Мальгин вдруг осознал, что если захват «Скифа» станет невозможным, его собьют! И уцелеет ли при этом Шаламов, гарантировать никто не сможет, потому что в дело пущены силы, не способные к избирательному разрушению: силовой удар нельзя «научить» разрушить спейсер, сохранив его пилота в целости и сохранности.

«Стратег» был уже рядом с планетой, стремительно выраставшей в размерах, спейсер Шаламова появился в пределах прямой видимости и делал сумасшедшие прыжки, сбивающие постановщиков захвата цели, уже и координатор «Стратега» доложил, что к залпу готов, как вдруг Мальгин крикнул:

— Отставить силовое задержание!

— Это вы, Клим? — мгновенно отреагировал Шевчук. — Причина?

— Мы не имеем права...

— Ошибаетесь, у нас есть карт-бланш комиссии морали и этики ВКС. Мы не должны допустить такую

мощную машину, как спейсер, с больным пилотом на чужую планету. Возможен инцидент.

— Карт-бланш на убийство?

— Вы с ума сошли! — Это голос Калины Лютного. — О каком убийстве речь? Шаламов должен быть задержан...

— И все же я требую прекратить гонку! Немедленно!

Двухсекундная тишина в эфире.

— Вы берете ответственность за последствия?

— Да!

— Отбой! — Шевчук тоже был решительным человеком и этим приказом ответственность за случившееся брал и на себя. — Ведомой «двойке» — императив «змея»! Команде — свертка «шепотом», переход на гиперболу возвращения. Конец прямому эфиру.

Спейсер резко затормозил, Маат перестал расти в виоме — шарообразная глыба дымящегося не то камня, не то стекла. Рубиновые стрелки визира продолжали вести уходящий в атмосферу планеты спейсер Шаламова, пока он не исчез из виду. Нанаскоь по темно-серому боку Маата скользнула искра зонда — Шевчук запустил наблюдателей, чтобы знать, что предпримет Шаламов после посадки.

— Вижу объекты АА, — доложил координатор.

С двух сторон к земному спейсеру спешили маатанские корабли — сторожа пространства. Молча. Они никогда не давали запросов и не требовали ответов, они действовали.

— Брек! — скомандовал Шевчук.

Спейсер перешел в режим «суперструны», Маат исчез из поля зрения. Мальгин, обессиленный нервным напряжением, лежал в рубке десантного когга, закрыв глаза, и вспоминал, как ходил с Даниилом по грибы в Брянских лесах и как Шаламов по-детски радовался, находя подосиновики или боровики...

Двое суток «Стратег» дежурил в системе Маата в состоянии повышенной готовности, с помощью разного рода ухищрений следя за действиями Шаламова на поверхности планеты.

«Скиф», превращенный аппаратурой «динго» в маатанский «проникатель», сел в горах на первый взгляд — совершенно безжизненных. Атмосферные летательные аппараты маатан не обратили на него особого внимания, хотя и покружили над ним некоторое время. Затем от спейсера отделились кособокие «маатанские» планеры — Шаламов выпустил своих разведчиков. Планеры вернулись через несколько часов, облетев Маат по замысловатым траекториям, но один из них остался висеть над «клиникой», где некогда находился спасенный Даниилом «черный человек».

Висел он сутки, а потом к нему подошли аппараты маатанских «сил безопасности», и Шаламову пришлось возвращать разведчика. Вернулся он в сопровождении «сторожей», могущих испугать своей формой кого угодно. Однако Шаламову удалось, очевидно, найти с ними общий язык и рассеять на время подозрения: аппараты улегели. Шаламов снова запустил зонды и к исходу вторых суток, наверное, узнал все, что хотел. На вызовы кодом по ТФ-связи, а также на прямые, открытым текстом с помощью лазерного луча, он не отвечал.

Ромашин за это время несколько раз появлялся на спейсере, но с Мальгиным не разговаривал, решая какие-то свои задачи с командиром ЧП-вахты. Клин замкнулся в себе и на вызовы Шевчука отвечал преимущественно односложными «да» и «нет». Он был готов к любой неожиданности, неприятным объяснениям и даже к отстранению от участия в операции, но ум его оставался холоден, трезв и оценивал ситуацию логически точно.

Спустя еще двое суток «Скиф» выпустил более круп-

ный аппарат, скорее всего десантный когг, а сам неторопливо пополз вверх, всплывая сквозь малопрозрачную для световых лучей толщу атмосферы Маата. Наблюдатели растерялись: определить, где именно находится Шаламов — на борту спейсера или в когге — было невозможно.

Ромашин созвал экстренный компьютерный совет: каждый работник вахты мог участвовать в совете, решая одновременно свои задачи на рабочем месте. Мальгин в этот момент дежурил в зале десанта.

— Он на «Скифе», — предположил Лютый. — Узнал, что его «друга» нет на планете, и понял, что делать ему там нечего.

— Я тоже так считаю, — сказал Шевчук. — Надо перехватывать спейсер.

— А если он остался?

— Насколько я понимаю, Шаламов болен, — вмешался шкипер «Стратега», — а человек с нарушенной психикой способен на любой нелогичный поступок.

— И все же его действия должны иметь логические предпосылки или хотя бы видимость логики. Есть такой термин — антилогика, ее варианты можно просчитать. Пусть «Умник» проанализирует вероятности...

— Некогда. Ваше мнение, Клим? Вы знаете Данила лучше.

Мальгин ждал этого вопроса и ответил без запинки:

— Он остался. Дан всегда отличался способностью к нестандартным решениям, потому и смог стать мастером-спасателем, равных которому я не встречал.

Ромашин думал несколько мгновений, был слышен только пульсирующий фон пси-связи.

— Что вы предлагаете?

— Мне надо идти за ним... пока он не... Я уже бывал на Маате и готов к любому повороту событий. А идти туда должен только один человек во избежание ненужного риска.

— Это невозможно!

— Единственный способ установить границы возможного — выйти за них. Решайте быстрее, он уйдет из-под контроля.

— Принимаю. — Ромашин понимал ситуацию не хуже. — Коггу десанта — на старт! Клим, в рубку, через минуту пробьем «струну» до Маата. В атмосфере вас поведут на луче целеуказания по данным наблюдателей, выйдете на цель — решайте самостоятельно, мы подстрахуем каждый ваш шаг. И еще один нюанс... Вполне вероятно, что вам придется задерживать Шаламова самостоятельно, так вот в ваш скафандр вмонтирован «василиск». Инструкция по применению нужна?

— Нет, — сказал Мальгин: «василиском» — гипнотизатором направленного действия — он пользоваться умел, как и любой хирург.

— Отлично. Ни пуха вам...

— К черту!

— Остальным готовить перехват спейсера, на тот случай, если Шаламов остался в нем. Ведомые — старт!

Все совещание заняло немногим более тридцати секунд, «Скиф» успел лишь подняться над горами Маата, а выпущенный им когг, похожий внешне на уродливого безголового орлана, преодолел горную цепь и вышел к долине, где располагалась единственная на всю планету станция метро.

Мальгин очнулся от короткого беспамятства — встряска нештатного «броска на струну» была довольно приличной, — когда когг уже шел в атмосфере по пеленгу зонда, ведущего наблюдение за машиной Шаламова.

В ушах раздавалась скороговорка обещанного Ромашиним десанта подстраховки и защиты:

— Вижу «гадюк», фронт сорок один градус — пять единиц, семьдесят три градуса — шесть единиц.

— Маневр влево с выпуском «динго».

— Вижу, пошел «сарыч».

— Первый, в тылу «носорог», включаю «музыку»...
— Синхронизация ответа — в диапазоне «агрессив», не давайте подойти на залповую дистанцию, уводите прочь, пустите «попугаев».

— Шестой, императив «цунами»! Дерутся, гады!..

— Принял...

— Смене два — перехват «драконов» на высоте сорок. Смене три — кильватерная расчистка. Дайте «карусель».

— Первый, контакт в наносекундном интервале — предел авто, ведомый отстал, поддержите «попугаев».

— Пятый, держать синхроконттакт во что бы то ни стало! Чем хотите, хоть голыми руками! «Попугаи» пошли.

— Принял... Попробую перейти на ПС* траектории...

Мальгин не знал, что его сопровождают три эшелона коггов, перекрывших доступ к его машине в коридоре погони за Шаламовым всем маатанским аппаратам. Управлялись когги страхующего десанта асами погранслужбы, умеющими избегать конфликтов чуть ли не во всех диапазонах сложнейших ситуаций, поэтому маатане, ошарашенные внезапными отвлекающими действиями земных кораблей, внешне не отличавшихся от их аппаратов, не смогли помешать Мальгину догнать Шаламова и перехватить его когг.

А когда «птеродактиль» Шаламова вполз в перекрестие захвата следящей автоматики, Мальгин получил сообщение, что спейсер «Скиф» взорвался в десяти метрах от Маата, будучи атакованным маатанскими «сторожами». Перехватить его пограничникам не уда-

---

* Половинное спрямление; при локации в автоматическом режиме ведомый аппарат не копирует траекторию ведущего, а «спрямляет» свой путь; при половинном спрямлении дается не полное упреждение, учитывающее скорость цели, а половина этого расстояния.

лось, «черные люди» на этот раз действовали расторопней.

Сообщение не потрясло Мальгина, он просто не верил, что Шаламов находился на борту «Скифа»; едва ли спасатель позволил бы уничтожить спейсер погранслужбы, защищенный от большинства космических катаклизмов, и принять бессмысленную смерть. Вполне могло быть, что он сам запрограммировал взрыв спейсера, чтобы замести следы, и следовало идти по его предполагаемому пути до конца.

Когда Мальгина нагнал машину Шаламова в тот момент, когда та двинулась в глубь воздушного пространства долины, к видимому издалека — в ультрафиолете, конечно, — строению, удивительно напоминавшему скелет земной радиолярии или колокольчатой диатомовой водоросли. Правда, размеры «водоросли» на много порядков превышали размеры ее земного аналога.

Мальгин, не раздумывая, направил машину вслед за «птеродактилем» Шаламова, увеличил скорость и включил передатчик, пытаясь связаться со спасателем. Координатор перешел на полное копирование эволюций впереди идущего аппарата, повторяя не только его маневры, но и сигналы.

Мелькнули внизу удивительные заросли блистающих хрусталем и серебром «стрекозиных крыльев», какие-то угрюмые, черно-багровые громады, похожие на вздувшиеся опухоли с рядами неровных дыр. «Скелет радиолярии» приблизился, и тут подал голос координатор когда:

— За нами погоня — три аппарата массой до трех килотонн, еще два опускаются сверху, масса около пяти мегатонн, энерговооруженность до ста кларков. Надо возвращаться, подстраховка отстала.

— Вперед! — ответил Мальгин. Он знал, что примерно такую же энерговооруженность имеют и земные спейсеры, что намного превосходило возможности когда, но драка с чужими не входила в планы пилота. Кто-

му же он верил в обещание Ромашина прийти на выручку в случае осложнений.

Когг-«птеродактиль» впереди круто спикировал к зданию маатанского метро, из него вынеслась черная соринка, и тотчас же когг превратился в язык бело-голубого пламени. Машина Мальгина подпрыгнула, некоторое время шла боком, потом с трудом выровнялась.

Он не знал причин взрыва, то ли когг взорвался сам, то ли по нему выстрелили охраняющие здание автоматы, и действовал, основываясь только на интуиции: резко затормозил, в темпе передал сообщение Ромашину и катапультировался из рубки в скафандре, не забыв включить «динго». Его когг взорвался в тот момент, когда он падал вслед за несшимся впереди пятном «черного человека». Интелмат скафандра работал с такой же быстротой, что и координатор когга, и прочно держал пятно беглеца в центре визирных меток оптического визирного устройства шлема. Таким образом, один за другим в полусотне метров, они и ворвались в раскрывшиеся лепестками неровные двери странного здания примерно на уровне третьего этажа. Но уже с первых метров путешествия по чужому зданию Мальгин вынужден был притормозить.

«Черный человек», за которым он гнался, бесследно исчез. Извилистый коридор, начинавшийся за входом в здание маатанского метро, дышал, как живой, его освещение пульсировало от багрового сумрака до пронзительной зелени, так что ориентироваться в нем было очень трудно. Углубившись в коридор метров на сто, Мальгин в нерешительности остановился. Навстречу изредка попадались летающие «доски» длиной до трех метров, но ни одного маатанина видно не было.

— Дан! — позвал Мальгин. — Даниил, отзовись! Какой смысл тебе прятаться? Давай поговорим.

И услышал вежливый ответ:

— Хомо, тот, кого ты называл Даниилом, ушел.

Это был не голос — мысленный «шепот», его владе-

лец представился Климу похожим на Ромашина: тот же тембр, та же учтивость, непробиваемое хладнокровие и способность понять мысль собеседника.

— Кто вы?

— В одном из приближенных значений — транспортная машина, аналог станции метро Галактики. Можете называть меня Хранителем Пути, если угодно. Можете не называть никак.

— Извините, я спешу... где ваш зал контроля и управления?

— Я не нуждаюсь в контроле и управлении.

— Но как вас найти? Где вы находитесь?

— Везде. Вы находитесь внутри меня.

Мальгин чертыхнулся в душе, сообразив, что допустил бестактность, но на переживания у него не было времени.

— Простите...

— Я не в обиде.

— Это верно, что вас сконструировали и установили по просьбе маатан орилоуни? — Вопрос был задан машинально, Мальгин вспомнил разговор с Ромашиным и не удержался от любопытства.

— Верно лишь отчасти. Собственно, я тоже один из орилоунов.

Мальгин снова смешался, не сразу придя в себя от изумления, только предупреждение осторожного Клауса вывело его из ступора.

— Простите, я не знал... не думал, что вы... голова забита другим. Сюда... в вас могут проникнуть маатане?

— Если я захочу.

— Понимаете, может быть, мы и превысили полномочия, но не нашли другого способа...

— Я знаю. Чем могу помочь?

— Я должен отыскать Даниила... Шаламова... он болен...

— Он вслед за «черным человеком» ушел в место, которое вы называете «серой дырой».

— Они оба там?!

— Да.

— Если можно, переместите и меня к ним!

— Точных координат их местоположения я не знаю, но могу соединить с моим коллегой, живущим на последнем Свидетеле.

— На ком?!

— Вы назвали его Стражем Горловины, хотя это не искусственный объект. На самом деле это Свидетель.

— Живое существо?!

— И да, и нет. Он действительно свидетель — рождения вашей Вселенной в частности. Итак, вы идете?

Мальгин очнулся.

— Да, благодарю.

Коридор, посередине которого висел Мальгин, превратился в ровную гладкую трубу, стенки ее засвистели мимо, и через несколько мгновений гость вылетел под купол циркообразного зала.

— Добрых дел, — пожелал Хранитель Пути.

— Погодите, — торопливо бросил Мальгин, — вы затронули очень интересную тему, можно я потом вернусь? Поговорить с вами? Завтра... когда удастся.

— Завтра будет дуть завтрашний ветер. Это земная поговорка, хомо. Вряд ли вы вернетесь. Хочу предупредить: ваш друг Даниил действительно серьезно болен, будьте осторожны при встрече с ним. В нем живут две личности, две психики, отражающие два совершенно разных подхода к жизни и смерти.

— Спасибо, Хранитель, я учту.

— До встречи на Земле, хомо.

Мальгина окутал мрак, потом, спустя неизвестное время, в глаза брызнул призрачный свет.

Хирург висел, поддерживаемый антигравом, в центре сплюснутого помещения с закругленными краями и светящимися зернистыми стенами. В полу помещения угрюмо чернела неровная дыра, густо затканная паутиной, — по первому впечатлению, в потолке начиналась

широкая труба, проложенная сквозь толщу переплетений каких-то белых жил, полос и труб. Мальгин «на цыпочках» пробрался сквозь трубу и выглянул в отверстие: белоснежный пористый купол, венчающий громадное здание неопределенных форм, а внизу, насколько хватает глаз, угрюмый вудволловый лес, освещенный сиянием Горловины...

3

Боль была странной и почти нестерпимой: начиналась она где-то в одной точке грудной клетки и распространялась по всему телу, словно ударная волна от взрыва, пока не достигала кожи. Затем она стягивалась обратно в точку, и все начиналось сначала. От пульсации к пульсации боль утихала, успокаивалась, но кожа «горела» долго, словно ошпаренная кипятком, и заканчивался цикл щекотным передергиванием мышц спины...

Шаламов очнулся, глубоко вздохнул и наконец кинул вокруг осмысленный взгляд. Пейзаж Стража Горловины, планеты-куба, узнал сразу, но хоть убей не мог вспомнить, как здесь оказался. Потерял сознание он еще в спейсере, при полете к Маату, и все случившееся потом напрочь выпало из памяти. Значит, пока человек в нём спал, работала вторая часть сознания, маатанская, и, как видно, справилась со своей задачей неплохо. Знать бы, что произошло на Маате, как он там действовал...

Шаламов оглядел себя: скафандр погранслужбы, как и положено, «динго» включен на создание облика «черного человека», все системы работают нормально... стоп! А интелмат скафандра? Он-то не отключался во время «сезона небытия» хозяина и все видел!

— Джордж, — позвал мысленно спасатель; киб-интеллект скафандра имел при рождении другое имя, но

Шаламов упорно называл его Джорджем, отдавая своеобразную дань памяти погибшему «Кентавру».

— Готов к работе, — отозвался компьютер бесстрастно.

— Высвети мне события после моего отключения.

— Не понял, повторите. С какого момента времени?

Шаламов сообразил, что для Джорджа он сознания не терял, разве что изменилась манера управления скафандром. Значит, его сомнения подтверждаются: во время забытья телом управляет та часть мозга, которая содержит маатанскую память. Итак, формула его существования такова, что сознание и оба вида памяти подчинены человеку, за исключением «черных кладов», а подсознание и маатанская память — сформировавшемуся «черному»... Можно натворить дел... если не подчинить мозг себе до остатка. Необходимо срочно попытаться присоединить все ресурсы одному хозяину — мне.

— С какого времени дать запись? — повторил Джордж.

— С момента подхода к Маату.

— Даю запись.

Шаламов терпеливо выслушал скоростную запись происшедших за это время событий и в задумчивости прошелся по неровной поверхности какой-то плиты, венчавшей не то башню, не то колонну, пока не понял, что стоит на крыше одного из «горловяниских» «храмов».

— Как я оказался на этом здании?

Интелмат скафандра удивился, но задавать вопросы в духе своего хозяина запрограммирован не был.

— Вы просили Хранителя Пути отправить вас вслед за больным «черным человеком», и «струна» метро закончилась здесь, внутри здания.

— Этого следовало ожидать... я уже испытал однажды их систему мгновенного транспорта, правда, внутреннюю, но от внешней она, похоже, не отличается ничем. Значит, мой «черный приятель» тоже вышел здесь?

Что ж, помаракуем, куда он мог отправиться, и двинемся искать. Никуда он отсюда не денется, если только не махнет куда-нибудь за пределы Горловины... что, кстати, вполне может статься.

Шаламов поднялся над «храмом», с километровой высоты оглядел панораму острова, полностью заросшего вудволловым лесом, но на этот раз вид «развалин сгоревшего города» на него подействовал слабо. Океан, окружавший остров, отсвечивал медвяной желтизной и был пустынен и неподвижен, лишь у побережья он серебрился рябью мелких волн. Тишина и покой. Мертвая тишина и мертвый покой. И все же что-то здесь было не так, Шаламов мог поклясться, что пейзаж во время его первого пребывания на Страже был иным.

Озарение пришло, когда он обратил внимание на цвет неба — темно-розовый, вишневый на горизонте, а раньше он был гораздо светлее. Выходит, Горловина перестает излучать свет, а это значит, что Страж Горловины уже не сможет долго сдерживать схлопывание «серой дыры» в «струну», и времени до этого момента осталось не так уж и много. Еще чуть-чуть, и одна из последних оставшихся дверей в Иные миры закроется, и останутся маатане совсем без присмотра...

Шаламов пожал плечами, попытался сориентироваться. Он уже решил, что будет делать дальше. «Черный человек» бежал в Горловину не ради ее красот, маатане меньше всего были романтиками в человеческом понимании, способными к эстетическому созерцанию гармонии чужих пейзажей, они признавали только собственные картины и собственное искусство, и целью маатани была, конечно, сама «серая дыра», туда его путь. Однако, не имея «проникателя», он вряд ли добьется цели, а значит, искать его надо где-то на Страже или на форпосте Границы... куда можно добраться и с любого острова, где есть скелеты Хранителей Пути. И Шаламов повернул к «храму», откуда только что вышел.

Первые две попытки выйти к форпосту привели спа-

сателя на два астероида, расположенные в глубине Горловины один за другим. Это были, по сути, «автоматы поддержки оси», давно потерявшие свое значение: астероиды были окутаны черным дымом толщиной в полметра, текучим и тяжелым, не желающим испаряться в космос и быстро оседающим после взбаламучивания. «Дым» этот, конечно, дымом не был, вероятно, вблизи поверхности астероидов происходили какие-то полевые процессы, визуально наблюдаемые как дым, зато свет он поглощал в результате стопроцентно.

С третьей попытки использования «горловианского» метро Шаламов оказался на борту какого-то архисложного левиафана, описать форму которого не смог бы и профессиональный математик или кристаллограф. Любопытства это космическое чудо у Шаламова не вызвало, и он продолжал методично входить в тоннель переброса и выходить, пока не очутился на острове планеты-куба, который по какой-то ассоциации показался ему знакомым.

Поднявшись повыше, спасатель убедился, что остров — тот, который нужен, спутать с другим его было невозможно, однако на том месте, где когда-то сел маатанский «проникатель» с «Кентавром» на горбу, угрюмо блестел глазурью колоссальный провал строгой цилиндрической формы, достигавший в диаметре не менее двух километров и уходящий примерно на такую же глубину. Шаламов завис над его краем, молча вглядываясь в слоистые стены. Накатила волна боли, стянулась в голову, царапнула глазные яблоки. И сразу пришло ощущение, будто в голове проросла почка, лопнула бесшумно и безболезненно, и под черепной коробкой раздался темный, равнодушный, щекочущий голос: — Терроморфа глубоко...

Шаламову захотелось почесать под черепом, от необычной щекотки даже зубы заломило, такого он еще не испытывал.

— Джордж, переведи, что ты сказал.

— Не понял, уточните, что имеется в виду.

— Ну, эти слова: террорморфа глубь... или что-то в этом роде. Что они означают?

— Прошу прощения, я ничего не говорил и перевода слов не знаю. По ассоциативной связи речь может идти о проникновении в суть явления.

— Вряд ли. — Шаламов прислушался к себе. Снова внутри головы, во лбу, начала «расти почка», лопнула, и тот же голос проскрипел:

— Террорморфа глубь — селективное трясение основ материи. — И добавил: — Здесь.

Шаламов нашарил ртом мундштук пищеблока и глотнул витаминизированного желе-концентрата. Он понял, что каким-то образом маатанин в нем пробился сквозь изолирующие барьеры подсознания в сферу сознания и подсказал ответ. «Спасибо» говорить было некому, разве что самому себе. Что ж, если он овладеет таким способом и закрытым маатанским знанием, «черным кладом», осевшим в глубинах психики, откроется возможность прямого контакта с главным информарием Маата. Тогда и «черный» не понадобится с его «ключами». А пока надо идти к намеченной цели, искать этого придурка, на острове его нет. Возможно, он был, но задерживаться не стал, нет смысла. Что же здесь произошло? Кто «селективно» разнес на атомы разбитые корабли, применив «трясение основ материи», скорее всего — кварковый резонанс? И зачем?

— С юга приближаются объекты неизвестной природы, — вмешался вдруг Джордж в размышления хозяина. — Скорость шесть и два, время подхода две минуты двадцать две секунды. Мы в поле их радаров.

Шаламов бросил последний взгляд на провал, пробитый в породах острова — на дне его блестело озеро, — и стартовал к «храму», поражавшему со стороны своим идеальным замысловатым асимметричным узором. Все-таки было в этом строении что-то от геометрии живого организма, некий «биологический беспорядок», все-

гда отличающий живое от холодной симметрии мертвого кристалла. Кажется, пришло время заняться им вплотную, при первом знакомстве с планетой-кубом серьезно изучать «храмы» было некогда.

Уже с вершины здания Шаламов оглянулся. Объекты неизвестной природы приблизились настолько, что были видны невооруженным глазом: два летающих громадных «крокодила», с воем раздиравших воздух. Один был маатанским сторожем, второй — скорее всего замаскированным земным автоматом.

— Ну и драндулеты! — Шаламов качнул головой, усмехаясь, помахал им рукой и нырнул в дыру одного из куполов, венчавших «храм».

* * *

Обычно дальше «зала метро» — полости с дырами входов в туннели мгновенного перемещения — он не заходил, теперь же надо было попытаться пройти в глубь «храма», посмотреть на его остальные залы и разобраться в системе архитектурного подхода. Но прогулки не получалось. Как только Шаламов нашел несветящееся отверстие, с виду — «затканное паутиной», к которому пол опускался неровной воронкой, и прыгнул в него — сработал обычный механизм метро: спасателя «разложили на атомы» и «собрали» уже в другом месте, за сотни тысяч километров отсюда.

— Граница перехода! — раздался внутри Шаламова чей-то безликий голос.

Прошло время, пока спасатель сообразил, что «говорили» на маатанском, но он понял фразу без перевода, словно всю жизнь говорил по-маатански.

— Повторите, — попросил он. — Что это значит?

— Граница перехода, — повторил неведомый собеседник. — Граница континуума. Мембрана. Обратный переход невозможен.

Шаламов хмыкнул, огляделся. Труба. Впереди су-

жается и еле светится, сзади светится чуть сильнее. Проверим.

Выход из «трубы» оказался недалеко, в ста метрах. Шаламов выглянул из устья «трубы» и увидел расширяющийся в бесконечность световой конус, перегородженный «стеной» с дырами-ячеями; спасатель выглядывал из одной такой дыры. Вот, значит, как выглядит на самом деле конец Горловины — стена сыра!..

— Неправильно, — угрюмо ответил кто-то внутри его.

— Почему неправильно? — удивился Шаламов, не обращая внимания, что спорит сам с собой. — Я же вижу!

— Это ложное видение, отражающее стереотипы геометрических представлений. На самом деле все выглядит иначе.

— Так что, я, по-твоему, вижу не то... что вижу?

— Для адекватного отражения необходим набор других органов чувств, у человека их нет.

— Понятно. Нет, так будут, попозже я займусь усовершенствованием. Что ж, посмотрим, что там дальше, за границей. — Шаламов спохватился. — С кем я говорю?

— Не понял вопроса, — отозвался Джордж.

Глотнув желе, Шаламов вернулся к исходной точке трубы, откуда начинал знакомство с «границей перехода». Идти в глубь трубы не хотелось, но он себя пересилил.

Метров сто — если опираться на ощущения — труба шла идеально ровная и светлая, а потом начался самый настоящий лабиринт с пятнами какого-то лишайника на гладких серо-белых, словно мраморных стенах. Лабиринт вел сначала вперед, потом нырнул вниз, если судить по изменению ощущений, стал однообразно петлять и кружить, и, пока Шаламов следовал его изгибам, Джордж насчитал полсотни петель и столько же расширений коридора, запоминая на всякий случай дорогу

назад. Он первым отметил нарастание пси-фона, Шаламов среагировал чуть позже и не количественно, а качественно: показалось вдруг, что он с ходу влетел в трясину заросшего ряской болота. Остановился. «Болото» исчезло, зато коридор впереди стал «дышать», стены его то сдвигались, то раздвигались, воздух сгустился, замерцал.

— Что это? — задал мысленный вопрос Шаламов.

— Рекомендую вернуться, — отозвался Джордж. — Кроме набора электромагнитных полей, отмечаю синусоидальные колебания пси-поля с нарастающим градиентом.

Шаламов напряг зрение и слух, но даже в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах не смог опуститься взором ниже нескольких десятков метров от уровня, на котором находился. Тоннель продолжал складываться в петли (словно двенадцатиперстная кишка, пришло на ум сравнение), а за его стенками простирался хаос пустот, стенок, перепонок, провалов и наборов плоскостей разного порядка сложности.

— Ничего не вижу. Метров на сорок опуститься можно, впереди чисто, а там посмотрим, спешить нам некуда.

Координатор скафандра промолчал. Он, как и хозяин, видел и чувствовал лишь то, что мог видеть и чувствовать с помощью датчиков, разработанных человеком и рассчитанных на диапазоны его органов чувств.

Шаламов тронулся с места, и чем дальше углублялся в недра загадочной «мембраны перехода» (видимо, это и есть тот самый «форпост Границы», о котором доложила «проросшая почка» маатанской памяти), тем сильнее на него влияли странные, неведь откуда взявшиеся перепады пси-поля. Галлюцинации стали приобретать вещественный, предметный характер, мозг уже не справлялся с ориентацией в пространстве и перестал различать, где фантом, а где реальное препятствие. Шаламов, вспотевший и злой, вынужден был остановиться

перед развилкой: ход раздваивался на два одинаковых коридора, то расширяющихся, то суживающихся до размеров угольного ушка.

— Дальнейшее передвижение считаю нецелесообразным, — снова сказал Джордж. — Опасно!

— Черта с два! — огрызнулся Шаламов. — Непосредственной опасности не вижу, а с галлюцинациями мы как-нибудь разберемся. Помогай лучше, а не встречай с советами. На сколько метров мы уже опустились?

— Метров на двести... если ваше «опустились» соответствует истине. На самом деле мы могли пролететь всю Галактику.

— Не остри, умник. Мое «второе я» молчит, значит, все идет нормально. Вперед!

Антиграв бросил скафандр с начинкой в одно из пульсирующих отверстий, и в тот же момент Шаламов услышал чей-то густой, «астматический» мысленный «шепот»:

— Остановись, хомо!

«Шепот» не принадлежал ни координатору, ни «внутреннему голосу», и все же Шаламов, машинально затормозив, окликнул интелмат:

— В чем дело, Джордж, снова твои штучки?

— Не понял, — сухо ответил координатор. — Что вы имеете в виду?

— Ты сказал «остановись»?

— Нет.

«Ясно, — подумал спасатель, — галлюцинации перешли и в звуковую форму. Хотел бы я знать, откуда внутри этой «мембраны» пси-излучение. Может быть, в ней кто-то живет? Орилоун, например?»

Снова мимо поплыли стены тоннеля, то вспыхивающие странными узорами, то передергивающиеся судорогой, то вспухающие волнами конвульсивных сокращений, расплывающиеся туманной пеленой или твердеющие до металлического звона. Но не успел путешественник про-

лететь и двух десятков метров, как снова слышался угрожающий «шепот»:

— Остановись, хомо!

— Кто говорит?! — еле сдерживаясь, воскликнул Шаламов, не ожидая ответа от «звуковой галлюцинации».

— Остановись, — последовал тот же совет. — Тебе не выдержать увеличения трансцендентности. Возвращайся.

— Ха-ха! — сказал Шаламов с веселой злостью. — Советчик нашелся! Скажи, кто ты, и я скажу, друг ты мне или нет.

— Друг. Еще немного, и ты никогда не вернешься...

— Вздор! Кто не рискует, тот не живет! А я живу!

— Похоже, риск для тебя — главное. А как же Купава?

— А вот ее не тронь, не советую! — Шаламов вынужден был остановиться; пот заливал глаза, вокруг творилось светопреставление, и не было видно, куда двигаться дальше. — Лучше подскажи, как мне пробиться по ту сторону границы, а то от моих «кладов» памяти что-то мало толку, жди, когда еще они проснутся.

— Рекомендую вернуться, — снова вмешался Джордж; его мысленный «голос» стал почему-то детским, тонким, как писк.

— Заткнись! Я разнесу эту «мембрану» на куски, но пройду ее насквозь!

Еще несколько минут истекли в борьбе с изменившимся пространством и бунтующими чувствами. Искженные, причудливые, необычные ощущения сбивали с толку, расщепляли «я» Шаламова, заставляли его напрягать все силы, чтобы хоть как-то ориентироваться внутри сошедшего с ума пространства. Не помогали ни приборы скафандра, ни транквилизаторы аптечки, ни новые «нечеловеческие» способности. И снова человеку пришел на помощь дремлющий в нем «черный человек».

Шаламов почувствовал знакомую боль во всем теле,

эта боль стянулась в одну точку в голове и лопнула с отчетливым хлопком. Световая феерия вокруг потускнела, извивающиеся стены перестали дергаться, танцующие тени застыли, хотя весь пейзаж продолжал вздрагивать и шататься, будто был вылеплен из единого куска желе или кто-то бил Шаламова по затылку. Пришло странное холодное успокоение, как бы поднявшись от ног до головы, вернулась небывалая ранее острота зрения. Шаламов понял, что он висит над краем обрыва, за которым распахивается колоссальный провал неизвестных размеров, заполненный пульсирующим мраком. В этом мраке плыли вереницы огней в форме спиралей, туманных облаков и звезд, мелькали жуткие тени, вспыхивали зарницы, взрывались хрустально прозрачные шары, истекая струями искр, перемещались и разбегались огромные объемы не видимой, а ощущаемой материи... Это был иной мир, иная Вселенная, и Шаламов смотрел, смотрел, смотрел, замороженный, пока внутри не раздался знакомый «астматический шепот»:

— Ты очень сильный, хомо, но и твои силы конечны. Обрыв — это предел трансцендентности трехмерного континуума, за ним — иной вакуум, иные формы материи. Возвращайся, ты и так прошел путь, не доступный никому из людей. Когда-то эта линия — «серая дыра», как вы называете, или «суперструна», — была совершенно прозрачной, а теперь она почти заросла и превратилась в мембрану. Возвращайся.

— Нет! — сказал Шаламов, собираясь «шагнуть с обрыва», понимая, что это вовсе не обрыв, а его представление об этом месте, отражение неизведанных пространств ограниченными человеческими чувствами. — Я не прошел всего, чего хотел, и остановить меня ты не сможешь, кто бы ты ни был.

— Тогда посмотри налево.

Шаламов невольно повернул голову и увидел слева от себя, совсем недалеко, неподвижную глыбу маатанина, «застрявшую» в нагромождении камней. Мгновение

смотрел на нее, не веря глазам, но что-то лопнуло внутри с тонким стеклянным звоном, и на нервную систему спасателя обрушился штормовой прибой расстроенных чувств, ломая волю, умение трезво мыслить и правильно оценивать происходящее.

Шаламов сопротивлялся психологическому давлению извне самозабвенно и яростно, но уже через минуту понял, что «астматик», внушавший неизбежность отступления, прав, и что еще немного, и спасатель сойдет с ума! И хотя вся его натура восставала против совета неизвестного советчика-благодетеля, надо было отступать, спасти маатанина и себя. Шаламов был уверен, что перед ним тот самый «черный человек», за которым он гнался с Маата.

— Но я вернусь! — пригрозил Даниил неизвестно кому.

Он не помнил, как пробирался по «живым» тоннелям «мембраны», поднимаясь из преисподней наверх, сквозь бесшумный ураган пси-излучения, выворачивающий наизнанку все чувства до глубин души, но позволил себе потерять сознание лишь когда убедился, что миновал опасную зону, грозившую полным распадом личности. Бросив взгляд на тушу маатанина, следующего в кильватере на тонком репшнуре, Шаламов улыбнулся, удовлетворенный, и рухнул в грохочущую багровую пропасть беспамятства.

4

Мальгин, как и Шаламов, тоже догадался, что может воспользоваться «внутригорловнианским» метро — только так можно было обрести шанс наткнуться на беглеца. Конечно, хирург не удержался от прогулки по острову, с трепетом взирая на исполинские стены вудволлов, этого чуда Стража Горловины, теплокровных

полурастений-полуживотных, но Клаус, не имевший человеческих слабостей, напомнил ему о невыполненном задании, присовокупив предупреждение о возможных наблюдателях маатан.

— Засекут нас здесь — костей не соберем!

— Не пугай, — буркнул Мальгин. — В Горловине должны быть и наши наблюдатели, в случае чего придут на помощь.

Ему повезло. Уже со второй попытки он попал на остров, где когда-то совершили вынужденную посадку изуродованные, вросшие друг в друга маатанский «проникатель» и земной спасательный шлюп. Мальгин сразу узнал глубокую дыру в центре острова, пробитую маатанским сторожем Горловины, когда тот уничтожал космолеты. Клим поднялся над «храмом», из башни которого только что выбрался, и не успел как следует осмотреться, как оказался в гуще событий.

К «храму» со стороны океана мчались два маатанских «крокодила», еще один аппарат — сложное сплетение серебристых колец, решеток и спиралей, падал сверху. Первый из «крокодилов» с расстояния в триста-четыре метра метнул вдруг в замешкавшегося Мальгина дымный рукав, внутри которого, как в трубе, просверкнул огненный пунктир. Клим спас координатор скафандра, без предупреждения хозяина — не было времени — рванувшего изо всех сил в сторону, так что хирург на мгновение потерял сознание от удара ускорения.

А затем произошло неожиданное: второй «крокодил» прыгнул вперед и столкнулся со своим напарником, отчего следующий выстрел маатанского автомата пришелся по «храму», испарив в нем часть неимоверно изогнутой крыши. Что-то сверкнуло внутри столкнувшихся «крокодилов», оба нырнули вниз, кувыркаясь, один из них стал разваливаться на огненные лохмотья и дымящиеся куски.

— Берегись! — предупредил Клаус. — Еще один над нами.

— Вижу, — хладнокровно отозвался Мальгин, облизывая соленую от крови верхнюю губу; от удара у него носом пошла кровь. — Быстро в здание!

— Я только что заметил странную фигуру, как раз перед тем, как на нас напали. Похоже, это были два «черных человека»...

— Где?!

— У той угловой башни с дырами, слева по ходу.

— Это Даниил, больше некому. Ходу к башне, быстреей!

Скорость подскочила до ста километров в час, оставшееся расстояние Мальгин преодолел буквально за несколько секунд, но как ни спешил, серебристая многоэтажная машина успела опуститься к «храму» раньше. Клим вынужден был затормозить. Ему показалось, что изнутри чужой непонятной машины на него смотрят десятки пар глаз, и только он успел подумать об этом, как спирали, кольца и решетки внутри диковинной конструкции пришли в движение, размазались, расплылись дымом, а на их месте действительно проступили... десятки человеческих глаз!

— Что за дьявольщина? — Ошеломленный Мальгин не поверил собственным глазам. — Клаус, ты тоже их видишь или они мне грезятся?

— Вижу только одного, он возвращается. — Координатор не понял вопроса, он следил за обстановкой вокруг и увидел одного из уцелевших «крокодилов».

— Я о «глазах». Ты что, в самом деле не видишь?

— Вижу впереди чужой автомат сложной структуры, излучающий мощный пси-фон.

— Ах так вот оно в чем дело, пси-наводки... — Мальгин кинул взгляд назад: «крокодил» угрожающе приближался. Размышлять, «добрый» это автомат или нет, было некогда.

— «Универсал» к бою! Ныряем под эту... этот гео-

метрический ребус с глазами, а попытается помешать — сгреем. Не лучом — по площади, для острастки. Не внимет — откроем огонь на поражение.

— Понял.

Мальгин выписал аккуратную синусоиду в воздухе, сначала вниз, под «глазастую» конструкцию, — она никак не реагировала на этот маневр, только глаза повернулись вслед человеку, — потом вверх, и вышел точно над башней со множеством отверстий, в которой, по утверждению Клауса, скрылись два «черных человека». Уже влетая в одно из отверстий, Клим оглянулся.

Упакованные в прозрачный пузырь внутри обрамленной серебристыми кольцами машины глаза, совершенно живые, человеческие глаза, мигающие по очереди (!), смотрели ему вслед.

— Клим, — послышался чей-то далекий голос, и наступила тишина: Мальгин оказался в башенке «храма», стенки которой не пропускали радиоволн. Он сразу угадал вход в тоннель, где мог скрыться «черный человек», и, направляясь к нему, не удержался от вопроса:

— Ты слышал?

— Что именно? — отозвался Клаус.

— Меня кто-то окликнул...

— Нет.

Накатила волна глухой досады.

— Что-то глуховат ты у меня, братец, да и подследуют к тому же... Неужели так и не разглядел «глаза» внутри того прозрачного монстра?

— Нет, — ответил координатор бесстрастно.

Как и Шаламов до него, Мальгин вышел из тоннеля «храмового» метро в том же месте, внутри последнего форпоста Границы «серой дыры», хотя и не знал этого. Ему казалось, что он блуждает по лабиринтам необычного объекта, постепенно опускаясь в его недра, на самом же деле путь Мальгина был гораздо длиннее, хотя он и не мог быть измерен линейными мерами, в километрах или парсеках.

«Черные люди», в которых Мальгин подозревал Шаламова и его «приятеля», мелькнули и пропали, не оставив следов своего пребывания в петляющих коридорах, то ярко освещенных, то темных или заполненных редким цветным туманом, затрудняющим тем не менее ориентацию. Мальгин все еще вспоминал встречу с неизвестным летающим объектом, битком набитым «глазами», но уже склонялся к мнению, что «глаза» ему пригрезились. Очевидно, давление пси-фона вблизи чужого аппарата было таким сильным, что вызвало наведенную галлюцинацию, ассоциирующуюся с человеческими мигающими глазами. Внутри аппарата кто-то был, внимательно наблюдавший за событиями, но не желающий вмешиваться, что и уловило подсознание Мальгина.

Устав, Клим съел два кубика интегропищи, по вкусу напоминающей жареное мясо, запил витаминизированным желе. Кровь веселее побежала по жилам, мышцы обрели былую силу, однако голова оставалась тяжелой, как после бессменного суточного дежурства.

«Странное ощущение, — подумал Мальгин, прислушиваясь к себе. — Будто застряло что-то во лбу и мешает двигаться... результат усталости? Не похоже. Я не мог устать до такой степени, да и стимуляторы должны были сработать...»

— Вероятно, это следствие действия повышенного пси-фона, — предположил Клаус.

— Что?! И здесь повышен пси-фон?

— Ощущаю качественно, количественные оценки дать не могу из-за невозможности замера параметров поля, его диапазон лежит далеко в стороне от полосы чувствительности датчиков.

— То есть ты хочешь сказать, что этот пси-фон далек от нормального гуманоидного?

— Совершенно верно. Источник излучения где-то внизу, в глубине здания... если только это здание, что весьма спорно.

— Тогда идем вниз.

— Есть ли смысл? Уби нихил — нихил* «Черный человек» давно покинул здание, ему здесь просто нечего делать.

— Ты не знаешь Даниила, он наверняка пойдет вниз, а тем более в таком возбужденном состоянии... Готовясь к медблокаде, чувствую, будет мне худо. Но проверить этот ход необходимо.

Мальгин двинулся вперед, сосредоточив волю и желания на достижении одной цели: поиск Шаламова. Все остальное, в том числе собственные переживания и физическое состояние, было несущественным.

По мере того, как он опускался с «этажа на этаж», психологическое давление на мозг усиливалось, Клим пережил те же ощущения, что и Шаламов до него, только возможности адаптации и сопротивления внешним пси-ударам у Мальгина были скромнее. Вскоре он перестал отличать реальные предметы от галлюциногенных призраков, натуральные стены коридоров от стен, сооруженных взбунтовавшейся фантазией, и только трезвая оценка координатора кое-как спасала положение. Мальгину грезились готовые к прыжку хищники, сочетавшие в себе злобную силу земных тигров-людоедов и мрачную таинственность «черных людей», чудились засады, руки, сжимавшие оружие, уродливые фигуры «джиннов» и «дивов», демонов и чертей с трезубцами, направленными ему то в грудь, то в спину, но как бы ни был он дезориентирован и сбит с толку, стрелять по «нападавшим джиннам» не стал, удержался, каждый раз срабатывала глубинная «блокировка» морали, закладка воспитываемой веками этики, основанная на заповеди «не убий» и опиравшаяся на тренированное самообладание. «Меч» оставался в «ножнах», хотя меч у Клина, многодиапазонный излучатель «универсал» с автоматической наводкой на цель и мысленным спуском, был гораздо более мощным оружием.

---

* Ubi nihil — nihil — где нет ничего, там нет ничего (лат.).

Опустившись еще на сто метров ниже прежнего уровня — таково было впечатление, подкрепленное измерениями датчиков, — временами полностью теряя ориентацию и смысл своих блужданий от оглушительного «шума», с трудом удерживаясь на грани беспамятства, Мальгин вынужден был констатировать, что глубже ему не пройти. Хорошей защиты от пси-излучения у него не было. К зрительным добавились и звуковые галлюцинации: кто-то звал его, предупреждал, вещал философские истины, смеялся и плакал, говорил голосами Купавы и Ромашина. Однако Мальгин отреагировал на все эти «голоса» лишь дважды: первый раз — когда с ним заговорил Ромашин, и второй — когда послышался голос Шаламова.

— Дан, это ты? — прохрипел Мальгин.

— Я то, что было, есть и будет, — ответил «собеседник», — никто из смертных не приподымал моего покрывала *.

Мальгин сразу потерял интерес к голосу — он говорил сам с собой. Но когда «Шаламов» заговорил с ним второй раз, Клим все же не выдержал, вступил в диалог:

— Где ты, Дан? Отзовись!

— Клим, дальше тебе ходу нет, возвращайся.

— Где ты? — крикнул Мальгин, невольно напрягая зрение и слух, но видел вокруг лишь танцующих огненных чудовищ, а в ушах звучал рев «диких слонов», «грохот взрывов» и «адский вой урагана».

Шаламов не ответил.

И Мальгин двинулся в прежнем направлении.

Он обнаружил Даниила случайно, буквально наткнувшись на две черные фигуры, причудливо искаженные искривленной линзой сознания, но все же материально ощутимых и твердых. Мальгин не смог определить, кто из них есть Шаламов в образе маатанина, а

---

* Надпись на храме Изиды в Саисе (Египет).

кто галлюцинация, иллюзорный двойник, поэтому хирург, ощупав первую фигуру и убедившись, что перед ним, похоже, человек в скафандре типа «отшельник», принял находку к своему скафандру с помощью прочного линя и приказал Клаусу включить «аллюр три креста». Координатор, тоже наполовину оглохший и ослепший, память все же сохранил и рванул назад из адского места, стены которого, казалось, вот-вот сомкнутся и раздавят непрошенных гостей.

Очнулся Мальгин в просторном гроте с неровным полом и низким потолком, украшенным пятнами светящейся изморози. Оглянулся. В кильватере за ним одна за другой смирно следовали две черные глыбы, два маатанина.

— Кажется, у меня начался бред, — сказал он сам себе, спокойно, жадно глотая витаминизированную смесь. — Я почему-то вижу двух «черных людей». Чур меня!

— Я тоже, — ответил Клаус не без иронии.

Мальгин поперхнулся, с минуту смотрел на неподвижные фигуры, постепенно приходя в себя, потом наконец вспомнил:

— Их и должно быть двое, ты же сам говорил, что видел двоих. Даниил нашел-таки своего визави, того самого крестника, которого спас. Надо же, как повезло, ай да мы!.. Кстати, как долго я был без сознания?

— Час одиннадцать минут. По моим подсчетам мы где-то недалеко от... — Клаус замялся. — Я потерял ориентацию. Здесь мы не проходили.

— Немудрено в такой свистопляске... Поехали наверх... или куда там еще, вылезем — сообразим, что делать дальше.

Связка из трех одинаковых с виду фигур, две из которых были созданы голографической аппаратурой земных скафандров, медленно поползла вдоль грота к выходу, потом по коридорам из «пещеры в пещеру»; менялись диаметры и длины коридоров, размеры залов, их

стены постепенно светлели, наливались молочным свечением, в них появились прозрачные прожилки, словно пласты хрустала, и, наконец, впереди засияло отверстие выхода. Мальгин инстинктивно замедлил движение, ему стало не по себе: выходил он явно не там, где когда-то начал погоню за Шаламовым. В тревоге сжалось сердце.

Выход приблизился, в глаза брызнуло ярким белым светом. Стиснув зубы, Мальгин одним прыжком преодолел последние метры пути и вылетел наружу. И не поверил глазам.

Ландшафт кругом был не Стража Горловины, и вылетел хирург не из «храма» — из сверкающей алмазными просверками ледяной горы! Гора имела плоскую вершину, усеянную множеством ниш, и курилась паром. Стояла она в ущелье с отвесными, синими с голубым, стенами, поднимавшимися на колоссальную высоту и буквально тающими в голубом свечении неба. Светила видно не было, и все же освещен этот мир был, как в яркий солнечный день на Земле. Казалось, что светится сам воздух.

По ущелью, почва которого имела серо-синий цвет, были разбрызганы вкрапления черных пятен и заросли настоящего «бамбукового» леса, удивительно ровного, как щетка: каждое «дерево» представляло собой совершенно прямой членистый прут высотой до ста метров, черный у основания и краснеющий к вершине. В разных местах ущелья, уходящего влево до горизонта и поворачивающего справа, виднелись «ледяные горы», такие же, как и та, из которой выбрался Мальгин: неровные параллелепипеды в невероятно сложном узоре ниш и рытвин, красивые, гармоничные, эстетически совершенные, вызывающие впечатление небывалой легкости и стройности, несмотря на неуклюжую форму, размеры и массу.

— Поздравляю, — раздался в ушах чей-то голос.

Мальгин, зачарованный, медленно обернулся.

— Привет, Клим, — снова прозвучал голос. — Поздравляю с прибытием на Орилоух. Ты все же нашел меня, старик. Зачем?

Мальгин вспомнил о «василиске» как о постыдной тайне, в пересохшем горле пискнул подавленный волнением вопрос: «Кто ты?» Вместо этого он хрипло проговорил:

— Ты напрасно сбежал из клиники, Дан. Многие беспокоятся, что ты можешь... понимаешь, может быть, даже неосознанно...

— Ясно, не продолжай. Кто именно беспокоится? Безопасность? Ромашин?

— Не только.

Шаламов рассмеялся. У Мальгина похолодела спина от этого смеха, лишённого эмоций, ровного и холодного, как снежное поле.

— Купава, что ли? Допускаю. А ты, видать, до сих пор не остыл, Климушка, и не забыл... и не простил, а?

— Дурак ты! — вырвалось у Мальгина непроизвольно на первое, что пришло в голову.

— Может быть, — с неожиданной легкостью согласился Шаламов. — Что есть, то есть. Хотя я почему-то всегда был уверен в обратном. Да и Купава не ушла бы к дураку. — Тот же холодный смех.

«Тогда был дурак я, — подумал Мальгин с тоской, блокируя выход пси-передатчика на антенну связи. — Если бы мне дали возможность, я бы каждый свой шаг прошел не так... и не было бы этой встречи...»

— Где Купава? — спросил спасатель. — Дома я ее не нашел.

— Не знаю, — соврал Мальгин с пугающей простотой.

— Знаешь, — твердо сказал Шаламов. — Знаешь, мастер. Не хочешь говорить — не надо, узнаю сам. Что же мне с тобой делать? Ты мне будешь мешать.

— Давай вернемся, Дан. Без твоего согласия ни о

какой операции речи быть не может, обещаю, хотя ты и...

— Договаривай.

— Ты болен, Дан, болен чужим знанием, и прекрасно понимаешь это. Прошу тебя, давай вернемся, тебя ждут. Купава тоже.

— Откуда сведения? Вернуться я успею. Что мне с тобой делать, лучше скажи. Ты же добровольно не отстанешь...

— Не успеешь, Дан. Я имею в виду, что чем позже ты вернешься, тем дальше пойдет процесс...

— Ну-ну? Интересно.

— Не торопи меня и не страшай, я давно прошел границы страха. Ты и сам знаешь, что в тебе идет процесс перестройки психики. Кем ты станешь, Дан, когда он закончится?

— А тебе что за забота? Подумал бы лучше о себе.

У Мальгина вдруг возникло ощущение, что внутри Шаламова шевельнулся дракон, поднял голову и посмотрел на него ледяным взглядом.

5

Ромашин сорвал с головы эмкан и посмотрел на осоловело́го Шевчука.

— Прошел?

— А дьявол его знает! Стопроцентной гарантии нет, но он в станции. Думаю, конфликтная ситуация внутри маатанского метро исключена, «черные люди» не самоубийцы, чтобы пытаться силой остановить гостя с такой энерговооруженностью, как Мальгин.

— И все же...

— Отбой прикрытие! — скомандовал Шевчук и тоже снял эмкан.

Пока отрабатывалась процедура свертки операции,

возврата эшелонов, подстраховывающих поход Мальгина к станции маатанского метро, руководители операции молчали и вздохнули свободно лишь после того, как все аппараты десанта, кроме телезондов, покинули атмосферу планеты и вообще пространство системы. Но не успел Ромашин вызвать начальников служб и руководителей отрядов, как на спейсер пришел кодированный видеовывоз. Развернувшийся виом кодовой связи отразил экспедиционный зал станции «Эдип-2», центральной резиденции комиссии по контактам в системе Маата.

— Что вы самовольничаете, Ромашин? — сказал из виома прозрачноглазый, седой, вечно чем-то опечаленный Уильям Уэрт, начальник экспедиции и он же заместитель председателя ВКС. — Мы только что получили ноту маатан: в течение часа покинуть систему во избежание «недоразумений». Что произошло? Почему ваши технари сидят на Маате?

— Уже не сидят, — вздохнул Ромашин. — Мы вынуждены были развернуть императив по пункту «срам». Кстати, мы вас предупреждали, что могут быть осложнения.

— Вы практически сорвали начавшийся было единственный возможный вариант неформального контакта с «черными людьми». Понимаете? Неужели не могли обойтись без этих ваших императивов?

— Не могли, — ровным голосом ответил Ромашин. — Альтернативных решений много, а верное, отвечающее оптимальным расчетам, одно. Кто может без колебаний определить его в условиях дефицита времени? Я уверен, что мы действовали правильно.

— Какова «размазка» вероятности?

— Эфаналятики дали семьдесят семь *, достаточно для проведения любой операции.

---

* Имеется в виду, что вектор правильного выбора операции рассчитывается аналитиками заранее, и если вероятность правильного выбора превышает семьдесят процентов, вариант принимается.

— И все же ваши действия можно квалифицировать как намеренный срыв работы комиссии. Вы не можете не знать, что контактные отношения цивилизаций — это не только научные и культурные связи, но и все виды взаимодействий, от экономических, идеологических, до политических и дипломатических, и если сорвать дипломатические...

— Я понимаю, — сказал Ромашин.

— Вряд ли, — отрезал Уэрт. — Иначе обеспечили бы себе квалитет ответственности.

— Председатель СЭКОНа предупрежден.

— Он должен был присутствовать на борту спейсера его время проведения вашей операции, вы же не мальчик, Ромашин. Я тоже не поборник официальных инструкций, но не в таком же деле. Единоличные решения операций столь крупного масштаба неправомерны и даже преступны, даже если они рассчитаны с дальним прицелом благих намерений. Чем вы замотивируете свои действия?

— С Земли в систему Маата бежал из Института нейропроблем Даниил Шаламов, находившийся на излечении с диагнозом...

— Я слышал, — кивнул Уэрт, в чертах которого было что-то от грустного бульдога. — Синдром «черного человека», так это, кажется, называется? Ну и из-за чего вы всполошились?

Ромашин помолчал, покосился на каменно застывшего Шевчука.

— Он... не всегда способен контролировать свои поступки. Более того, прогноз его будущей психической деятельности неблагоприятен настолько, что... вероятно даже полное расщепление личности, а при его возможностях это может повлечь непредсказуемые тяжелые последствия. Его надо было остановить и вернуть.

— Он что же — супермен-киборг?

— Ирония здесь неуместна. О его возможностях говорит уже тот факт, что против него работал весь тех-

нический и оперативный потенциал отдела и погранслужбы, а он все равно ушел!

Теперь замолчал председатель комиссии, грустно опустив уголки губ; казалось, он готов заплакать. Потом сказал тихо:

— Еще раз убеждаюсь, что древние философы знали жизнь не хуже нас, овладевших космосом. По закону Джилба любая система, зависящая от человеческой надежности, ненадежна. Мы просто не в состоянии всего предугадать, в силу несовершенства логического аппарата, в силу психологического несовершенства, а может быть, и биологии. До связи на Земле, камрады.

— Все же попытайтесь объяснить маатанам, в чем дело. По сути, мы пытались обезопасить в первую очередь не себя, а их.

Уэрт не ответил.

Виом свернулся в нить и погас.

Ромашин и Шевчук смотрели на глазок проектора, словно ждали, что он вспыхнет вновь и Уэрт весело прокричит: «Все в порядке, камрады, маатане все поняли и передают всем привет!»

— Если бы мы еще были уверены, что Мальгин отыщет беглеца... — произнес Шевчук.

Ромашин встрепнулся.

— Не стоит думать о потерянных возможностях. Временная неудача лучше временной победы. Если Мальгин сработает хорошо, он выплывет вслед за Шаламовым или в Горловине или на Орилоухе, это рационально. Что говорят наблюдатели?

— Молчат. Может быть, все же потревожим СЭКОН еще раз, объясним ситуацию? Пусть кто-нибудь прибудет для соблюдения квалитета.

— Поздно, — сухо сказал Ромашин. — Мы в цейтноте, и думать — как действовать — поздно, надо действовать. Зонды на Маате уцелели?

— Все пять, передачи вполне чисты... пока.

— В таком случае уходим в Горловину, здесь оста-

нется Лютый с обоймой прикрытия. Гони вызов на «Конунг».

Шевчук замешкался.

— В чем дело? — среагировал Ромашин, от внимания которого не ускользала ни одна мелочь.

— Есть сообщение с Земли, но я не знаю, настолько ли оно важно, чтобы заниматься им сейчас.

— Короче и по существу.

— Некто Марсель Гзаронваль самовольно, без подготовки и уведомления соответствующих служб попытался пройти третий полигон.

— Ад-3? Он что, сумасшедший? Что с ним?

— Сняли с трассы в состоянии грогги.

— В каком месте?

— В зоне информационно-топологической развертки.

— Для непосвященного он еще легко отделался. Кто он профессионально?

— Спасатель из группы курьеров Жостова.

— Что?! Ты понимаешь, о чем речь? Шаламов тоже из группы Жостова, и возможно, встречался с этим Гзаронвалем. Немедленно проверить и сообщить!

— Проверяется, — сказал Шевчук без тени самодовольства; он был умен и надежен, как скала.

* * *

На борту спейсера «Конунг», которым командовал Хольгер Сваллинг, похожий на Шевчука, как родной брат, Ромашина ждало сообщение об инциденте на острове Спасения, как его окрестили наблюдатели, где некогда произвел посадку верхом на маатанском корабле шаламовский «Кентавр».

Наблюдатели заметили Шаламова одновременно с маатанским сторожем и вынуждены были предпринять марш-бросок к «храму» вслед за маатанином на своем когге, замаскированном под аппарат «черных людей». Они же смогли помешать сторожу и в тот момент, ког-

да тот пытался напасть на появившегося в поле зрения «черного человека», не сразу распознав под его видеокамуфляжем скафандр Мальгина. А когда наблюдатели, уничтожив сторожа, достигли «храма», Мальгин уже проник в здание, не ответив на прямой вызов.

— Так. — Ромашин думал несколько мгновений, просматривая некоторые моменты записи еще раз, сел за пульт оперативного выхода. — И вы его, конечно, упустили.

Сваллинг, флегматичный и корректный, сел рядом.

— Не совсем так. Мальгин, как и Шаламов, проник в артефакт... извините, вы еще не знаете изменений в терминологии. Научниками исследовательской дружины с некоторыми оговорками доказано, что все эти «храмы», «башни», «здания» и прочие «постройки» не что иное, как скелеты живых существ.

— С гипотезой я знаком, что за оговорки?

— Похоже, это не совсем скелеты, вернее, снаружи — да, именно скелеты, а внутри как будто еще тлеет жизнь. Странная, судя по всему, жизнь.

— А из чего видно, что «храмы» — это все-таки скелеты?

— Машинный анализ показал, что все их пропорции от больших до малых подчиняются закону золотого вурфа *, как и все живое. Кстати, артефакты, как мы тут их называем, очень сильно «фонят» в пси-диапазоне. Жуть берет, как подумаешь, что это останки живых существ, строителей Стража Горловины, со встроенными в них механизмами мгновенного «струнного» транспорта. Хотя кто знает, может, это и не останки вовсе.

---

* Вурф (бросок — нем.) — термин проективной геометрии, означает четверку точек прямой, обладающих свойством не меняться при конформном преобразовании. Золотой вурф, как и золотое сечение, будучи воплощенным в геометрические формы, производит наибольшее эстетическое впечатление гармоничностью пропорций; в живой природе золотой вурф заложен изначально, как следствие закона выживания более совершенного.

— Научники считают, что они погибли? Или умерли от старости?

— Скорее всего вымерли, но по этому поводу, да и по другим тоже идут жаркие споры.

— Но ведь многие, если не все, архитектурные сооружения на Земле также построены с учетом канона пропорций, в том числе и с учетом золотого вурфа, золотого сечения, иконографических норм. Даже древние зодчие тысячи лет назад знали эти законы и создавали потрясающие по красоте архитектурные комплексы, храмы, соборы, церкви. Нет?

— Вы правы, но ни одно сооружение на Земле, какой бы сложности оно ни было, не построено еще и по закону фрактального кластера, это прерогатива только живой природы. Для создания эстетического эффекта человеку этот закон не понадобился, хватило более общих законов.

— Хорошо, оставим эту тему, пусть ею занимаются научники и другие компетентные службы. Вы не ответили на вопрос, где Мальгин.

— Он в артефакте, имеющем, кстати, несколько прямых выходов на «струну» мембранного типа, а «струны» здесь соединяются в подобие сети метро, уходящей в глубь Горловины вплоть до объекта, который мы называли форпостом Границы. Возможно, есть выходы и на межзвездные «струны».

— «Храм»... артефакт обследован? Куда делись Шаламов и Мальгин? Ушли по «струнной» сети в Горловину? Прячутся в глубине здания?

— Если ушли, то найти их практически невозможно, они могут появиться где угодно, в любой точке Горловины, а само здание еще исследуется. Что касается форпоста Границы, то автоматы из его глубин не возвращаются, а люди... глубже двух сотен метров от уровня входа, если судить по датчикам, пройти не удается, пси-фон возрастает до величин, расстраивающих нервную систему до сильнейших фантомных болей и галлю-

цинаций. Мы едва не потеряли двух разведчиков... Шаламов и Мальгин исчезли.

Ромашин молча натянул эмкан «спрута», включаясь в интегративную систему связи оперативной группы в Горловине, вылушивая из памяти базового компьютера те сведения, которыми располагал банк оперативных данных по «серой дыре».

С момента открытия «серой дыры» Шаламовым и его спасения ситуация в Горловине изменилась. Доказав с необходимой и достаточной достоверностью приоритет открытия «серой дыры» за двумя представителями разных цивилизаций одновременно — человеческой и маатанской (хотя социологи и ксенопсихологи отдавали предпочтение землянам «по очкам», потому что Шаламов пришел в себя раньше и обнаружил Стража Горловины), — люди с многократным дублированием передали свои доказательства на Маат, а так как ответа не последовало, сочли возможным действовать по своему усмотрению.

Маяк маатан, вопивший на весь космос: «Владение Маата. Заходить, исследовать, пользоваться запрещено!» — был выключен, а вместо него установлен бакен с высветом на всех мыслимых диапазонах электромагнитного спектра фразы: «Заповедная зона! Применение в частных целях запрещено! Разрешены только исследовательские работы с чистой экологией». Аппараты маатан, прозванные «дикими сторожами» за их агрессивность в отношении к земной технике, сначала были несколько раз предупреждены, о чем немедленно передавались сведения на Маат, а потом уничтожены. Оставшиеся автоматы, а может быть, и управляемые живыми «черными людьми», стали избегать встреч с земными кораблями, испробовав на них свои излучатели и убедившись в тщетности попыток атак на уничтожение. Но поскольку они все равно оставались опасными соседями с непредсказуемым поведением, земные наблюдатели глаз с них не спускали.

Встречались в Горловине и другие аппараты, не похожие на маатанские и предположительно относящиеся к орилоухским. Были они странными, иррационально неконтактными, неуловимыми, и так же, как и аппараты «черных людей», не отвечали на запросы землян. Как правило, они уходили из-под наблюдения, как только люди обращали на них внимание, и не подпускали к себе никого ближе, чем на несколько километров, за редким исключением типа того, что случилось во время проникновения Мальгина в «храм». Исчезали и появлялись в пространстве они бесшумно, как призраки, то есть не оставляли после себя ни ударных ТФ-волн, сотрясающих вакуум, ни «суперструнного таймфагового» эха или «шипения», ни электромагнитного излучения, за что и были прозваны «фантамами», хотя были они не менее материальны, чем земные спейсеры и когги или маатанские «дикие сторожа».

Выслушав мысленные рапорты командиров ведомых станций и постов, исследовательских баз, разбросанных по узкому пространству Горловины, Ромашин сделал вывод, что его присутствие на борту лидера погранслужбы «Конунг» необязательно, да и на Земле ждало много нерешенных проблем. Пробыв на «Конунге» еще несколько часов и убедившись, что Шаламов и Мальгин действительно затерялись в таинственных недрах форпоста Границы, начальник отдела безопасности вернулся в управление.

Первым, кто встретил его в зале метро, был Джума Хан.

— Что с Климом? — спросил врач, как всегда, собранный и по-особому серьезный.

Ромашин в двух словах обрисовал ситуацию, добавив, что рад видеть Джуму живым и здоровым. В своем кабинете он усадил гостя в кресло, поколдовал над столом, пробуждая ото сна киб-секретаря, сказал негромко:

— Джума, у меня к вам два вопроса, от точности ответов на которые будет зависеть многое.

У глаз врача спас-службы собрались в ироничном прищуре морщинки, но он только молча поклонился. Ромашин искоса посмотрел на его спокойные руки.

— Вопрос первый: что случилось между вами и Шаламовым, когда он выбрался из реанимакамеры?

Джума ничем не выдал своего состояния.

— Ничего. Практически.

Ромашин безмолвно смотрел на него.

— Я до него не добежал, — продолжал врач, нахмурился, вспоминая, и нехотя добавил: — Можете смеяться надо мной, но перед тем, как я... мне показалось, что я вижу внутри Даниила хищного зверя.

— Какого именно? — быстро спросил Ромашин.

— Д-да... в общем-то... — Джума ошеломленно взглянул на его изменившееся на мгновение лицо. — Мне показалось, что это была... странная помесь тигра и крокодила... или варана.

— Продолжайте.

— Это все. «Тигрокрокодил» прыгнул на меня и... я потерял сознание.

— Спасибо. — Ромашин откинулся в кресле, не сводя взгляда с лица врача. — Это коррелируется с впечатлениями экипажа «Скифа», хотя их видения несколько отличаются от ваших. Второй вопрос: вы хорошо знаете Мальгина?

Джума Хан оторопел, затем усмехнулся, покачал головой, отвечая каким-то своим мыслям, выражение затаенной иронии в его облике стало заметней.

— Вряд ли. Хотя суть его характера, по-моему, постиг. Знаете, как его прозвали товарищи по работе и друзья? Человек-да. Он весь в этом определении. Хотя с другой стороны, если он скажет «нет» — значит, так оно и будет.

— И мне так показалось. — Взгляд Ромашина смягчился, стал задумчивым. — Как говорил Бернард

Шоу: «Существует пятьдесят способов сказать слова «да» и «нет» и только один способ написать их». Это изречение в известной мере можно отнести и к Мальгину, его «да» и «нет» — словно вылиты в металле.

— То есть? Поясните, пожалуйста.

— Его «да» и «нет» почти не имеют оттенков, они словно написаны, впечатаны в металл раз и навсегда. Недаром он одинок.

Врач покачал головой, колеблясь, но так и не заговорил. Встал, собираясь уйти.

— Зачем вы спросили о нем?

— Просто хочу знать, чего от него можно ждать. Как вы думаете, что он предпримет, догнав Шаламова?

— Не знаю. Действительно не знаю, простите.

— И я не знаю, а должен. Едва ли он воспользуется «василиском».

— Вы снабдили его гипнотизатором?!

— Да, а что?

— Если Клим включит его, он погиб! Черт бы вас побрал! — Хан круто повернулся и пошел к двери.

— Вернитесь, Джума, — сказал Ромашин, не повышая голоса.

Врач остановился, бросил через плечо:

— Извините...

— Почему вы считаете, что он погибнет? «Василиск» — не обычный гипнотизатор, он способен усыпить любое живое существо с любым соматическим и генетическим аппаратом.

— И «черного человека» тоже?

— При чем тут «черный человек»? Шаламов биологически и физиологически человек, гуманоид, несмотря на усиление некоторых качеств и засевшую в генах память маатанского компьютера.

— Дремлющую до поры до времени.

— Пусть дремлющую, но даже если она пробудилась, она не способна разрушить органы чувств Шаламова.

— Шаламов — оборотень, вы это прекрасно знаете, иначе не поднимали бы панику по поводу его бегства. А если, усыпив в Шаламове человека, вы тем самым разбудите «черного» в нем? Что произойдет? Я уповаю только на то, что Клим удержится от выстрела из «василиска». До свидания.

Джума вышел.

Ромашин опустил голову на кулаки, глубоко задумавшись...

* * *

Во второй половине дня он вспомнил заинтересовавшее его сообщение Шевчука о спасателе по имени Марсель Гзаронваль, который проник на полигон «Ад-3» ради острых ощущений, и что случилось это после бегства Шаламова из клиники. Связи между этими событиями могло и не быть, но Ромашин обязан был проверить ее, тем более что Гзаронваль и Шаламов работали когда-то в одной упряжке. Узнав, где находится пострадавший, начальник отдела за несколько минут добрался до клиники «Скорой помощи» спас-центра, занимавшей левое крыло управления.

Гзаронваль лежал в отдельной палате, вернее, сидел перед вивомом и смотрел какую-то комедию. Сопровождавший Ромашина врач выслушал доклад автомеха и вышел. Гзаронваль — красивый, мускулистый и загорелый парень с капризной складкой губ и острым хищным носом, покосился на Ромашина, потом понял, что это не врач, и повернулся к нему лицом.

— У меня один вопрос, — сказал Ромашин, стоя. — Извините, я не представился: Игнат Ромашин.

— Я вас знаю, — кивнул спасатель хмуро. — Не хватало, чтобы мной еще занималась безопасность. Чем могу быть полезен? Или вас интересует, кто меня пропустил на полигон?

— Это я уже знаю, — спокойно сказал Ромашин. —

Вопрос такой: что вас толкнуло на этот странный поступок? Ведь для того, чтобы пройти третий полигон, необходимо закончить курс спецподготовки, в который входит не только оптимайзинг, но и социотренинг, неформальное эс-моделирование, интегральный пилотаж, тень-маскировка, а после этого еще и пройти проверку на сюрприз-сопротивляемость и стрессовую закалку. Вы понимаете, что могли погибнуть? С чего вдруг у нас возникло столь дикое желание?

— Ничуть не дикое... Мальгин смог пройти «Ад-3», и я смогу.

— При чем тут Мальгин? — Ромашин озадаченно погладил левую бровь.

— Был у меня с ним... разговор.

— Так это с его подачи вы кинулись в омут? — догадался начальник отдела.

— Да, — нехотя ответил Гзаронваль, помолчав.

— А откуда вы знаете, что Мальгин проходил третий?

Спасатель кривовато улыбнулся.

— Слухом земля полнится... Разве узнать об этом сложно?

— Понятно. А с Шаламовым вы давно виделись?

— Да, почитай, с момента его последнего кенгуру. Вообще-то по графику идти курьером на Орион-6 должен был я, но у меня были... свои... в общем, я попросил Дана, он согласился.

«М-да, насколько все было бы проще, — подумал Ромашин, оставаясь с виду бесстрастным. — Вряд ли этот красавчик стал бы спасать маатанина столь избрительно, как Шаламов. И не получилось бы этого кавардака с бегством и вынужденными нештатными режимами. Как говорили в старину: *сублата кауза, толлитур эффектус* *.

---

* *Sublata causa, tollitur effectus* — с устранением причины устраняется следствие (лат.).

— Спасибо. — Ромашин откланялся. — Желаю скорейшего выздоровления. Извините за беспокойство.

Он почувствовал облегчение и одновременно странное сожаление, что случай с Гзаронвалем не связан с Шаламовым. Правда, не совсем ясной была роль Мальгина в этом деле, но то была уже другая опера, неподвластная партитуре отдела безопасности. Ай да Мальгин! Вот тебе и тихоня-хирург, упустивший жену из рук. Пройти «Ад-3» надо умудриться!

По пути в управление Ромашин зашел в бар, выпил брусничного сока, поговорил с коллегами из погранслужбы, забежавшими в бар «перехватить по капле смысла», и вернулся в отдел. В кабинете его ждала женщина исключительно тонкой красоты с бровями вразлет и лучистыми серыми глазами. Он узнал ее сразу — Купава, жена Шаламова. Она встала при появлении Ромашина, молча ожидая его реакции.

Начальник отдела остановился на пороге, глядя женщине в глаза, потом поздоровался, усадил ее в «личном» углу кабинета и сел напротив. Он редко ошибался в оценке собеседника, поэтому, не ожидая ее вопроса, заговорил:

— Будем откровенны, Купава. Вы сильная женщина, насколько я знаю, и с вами не нужно искать путей обхода острых углов. Ничего утешительного сообщить не могу: он жив, но исчез.

— Кто? — шепотом спросила Купава; глаза ее наполнились слезами.

Ромашин опешил, оставаясь с виду спокойным и доброжелательным. Подумал: кажется, она с одинаковым чувством беспокоится за обоих. Во всяком случае, ее вопрос явно не о муже... хотя такой паритет мне абсолютно непонятен. Зачем в таком случае надо было уходить от одного к другому? Захотелось проверить свою силу? Чувства? Впрочем, как говорят философы: единственная действительно непрогнозируемая вещь — женская логика.

— Мальгин исчез тоже, — сказал он ровным голосом.

Купава судорожно вздохнула, погладила живот — машинально, прислушиваясь к себе, потом глаза ее затуманило облачко недоумения.

— Клим? Как... исчез? Почему?

— Он участвовал в операции по перехв... поиску вашего мужа. Подробности вам ни к чему. Оба замечены в Горловине... редчайшем астрофизическом объекте, оставшемся от эпохи инфляционного расширения нашей Вселенной... и открытом вашим мужем. Дальнейшее местопребывание их неизвестно, хотя я уверен, что они оба живы.

Купава с заметным усилием справилась с собой, улыбнулась сквозь тоску и внутреннюю боль.

— Простите... думаете, я всегда такая... рева?

— Не думаю, — мягко, как мог, ответил Ромашин. — Все дело в маленьком, так? — Он кивнул на ее живот.

— Вы проникательны. Но я жду не мальчика — девочку.

— Уже есть имя?

— Нет.

— Хотите предложу?

Купава недоверчиво посмотрела в глаза Ромашина, мудрые и всепонимающие, и вдруг поняла, что он далеко не молод, хотя с виду выглядит всего на тридцать пять — сорок лет. И еще она поняла, что ее успокаивают — ее, всегда гордившуюся своим самообладанием, с насмешкой относившуюся к любому проявлению женской, равно как и мужской, слабости.

— Спасибо, но все же пусть имя дают ей те, от кого это зависит.

— Резонно, — кивнул Ромашин, скрывая улыбку.

— А хотите в ответ выслушать мою историю? Вы не торопитесь?

Ромашин встал, наклонился над столом, негромко произнес:

— Я занят, беспокоить только в ЧП-режиме.

Сел снова.

И Купава вдруг, неожиданно для себя самой, сказала ему все о себе и о своих отношениях с Мальгиным и Шаламовым...

Несколько минут он молчал, постукивая по столу указательным пальцем, затем поднял голову. Женщина виновато улыбнулась.

— Никогда не думала, что когда-нибудь вот так... ни с того ни с сего разоткровенничаюсь перед незнакомым человеком о наболевшем... но мне больше не с кем делиться... хотя вру, есть такой человек, отец Клима. Но так уж получилось... извините. Клим как-то сказал, уже после... после нашего разрыва: все проходит, но мы остаемся. Я не верила, что эта простая фраза способна мучить больней, чем физическое страдание, особенно когда понимаешь, что во многом была не права... Что-то словно погасло во мне и вспыхнуло вновь, когда я увидела его глаза и поняла, что он все еще любит и страдает, как никто другой, потому что больше всего мучаются и страдают именно сильные люди, просто это мало кто видит. И у меня появился... есть такой термин в медицине: синдром стресса ожидания, — у меня внутри все заледенело и не тает. А самое страшное — я жду их обоих! И люблю обоих... — последние слова Купава произнесла шепотом, с изумлением и страхом. — Или так не бывает?

— Бывает, — сказал Ромашин. — Но недолго. Рано или поздно выбор делать придется, а сейчас они в равном положении... для вас.

— Не знаю... Марс говорит, что оба они любители острых ощущений и не способны... думать о других.

— Кто это — Марс?

— Марсель Гзаронваль, друг Дана, они вместе работали.

«Вот это сюрприз! — подумал Ромашин изумленно. — Снова Гзаронваль! Теперь только в качестве «друга семьи»... Что же это он отзывается о своем друге так нехорошо? Ладно бы о Мальгине, как-никак «списанный» муж, но о Дане?.. Интересная ситуация, надо бы с ним повстречаться еще раз...

— Что молчите? — не выдержала Купава.

— По-моему, ваш Марс не прав. Мальгина никак нельзя отнести к любителям острых ощущений. И относить его в разряд людей, мало заботящихся о других, я бы тоже не стал.

— Разве он не может измениться?

— Он — нет, — покачал головой Ромашин. — Хотя я могу ошибаться. Вам судить его несомненно легче.

Тишина повисла в комнате, тонкая и хрупкая, как льдинка на стекле. Ромашин сидел, полузакрыв глаза, и Купаве даже показалось, что он задремал, но губы собеседника вдруг шевельнулись:

Друг мой, друг мой, я очень и очень болен.

Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

То ли ветер свистит над пустым и безлюдным

полем,

То ль, как рощу в сентябрь, орошает мозги

алкоголь.

Ромашин читал Есенина!..

Дочитал. Купава сидела, не шевелясь. По лицу ее трудно было определить, о чем она думает.

— Клим однажды произнес интересную фразу, — проговорил начальник отдела словно про себя. — В душе каждого из нас сидит свой «черный человек». Понимаете? Не тот, не маатанин, — есенинский «черный человек». У него, у меня... у вас тоже. А знаете, какой я сделал вывод? Мальгин, легендарный человек-да, спасший многие десятки жизней, сильный, властный и решительный человек, — раним и беззащитен, как никто из нас! И как никто из нас нуждается в поддержке.

Но в чем я уверен на сто процентов — он никогда, ни при каких обстоятельствах не даст себе сорваться, какой бы «черный человек» внутри его не сидел! Он всегда верен себе и, наверное, поэтому так одинок.

Купава покачала головой, порываясь что-то сказать, скорее всего возразить, но так ничего и не ответила.

Они посидели молча еще несколько минут, потом женщина встала. На пороге оглянулась.

— Простите еще раз меня за этот визит и спасибо за терпение, вы мне очень помогли. Я почему-то верю, что вы вернете их... Что же касается Клима... до сих пор я была уверена, что сильным натурам не требуется ничья поддержка, вы поколебали во мне эту уверенность. Но я уверена и в другом: Дан тоже сильный человек и не позволит себе нанести вред другим. Марс здесь не прав. Просто Дан болен, вот и все. Клим вылечит его, вы только найдите. До свидания.

«Мне бы твою веру, девочка! — с неожиданной тоской подумал Ромашин. — Когда личность ломается — это одно, последствия такой ломки предсказуемы, и поступки человека легко предугадать, а когда личность раздваивается и не знаешь — маатанин с тобой контактирует, динозавр или человек, — это совсем другое дело. Тогда дело из рук вон плохо! Потому что приходится не только страховаться, но и перестраховываться, шарахаться из крайности в крайность и совершать ошибки, не поддающиеся формализации и расчету...»

Над столом всплыло алое кольцо аварийного вызова, пронзительно свистнул сигнал интеркома. Ромашин дотянулся и снял блокировку сенсора ответа.

— Они появились на Орилоухе, — доложил возникший из воздуха дежурный по отделу. — Все трое: Шаламов, Мальгин и «черный человек».

— Где именно?

— Квадрат аш — сорок один — юг, «дефиле духов». Самое загадочное место на планете, по-моему, — добавил дежурный. — Ландшафт там никогда не дер-

жится более суток, то и дело плывет и трансформируется.

— Готовьте «струну» на Орилоух. Шевчуку с обоймой усиления прибыть туда же. Тренажу отбой, три девятки в эфир! От меня только что ушла Купава, жена Шаламова, прошу взять ее под наблюдение. Кто знает, вдруг ее супруг неожиданно объявится на Земле, возможности у него имеются. А для этого случая включите в постоянную готовность тревожную обойму. Все!

— Три девятки проиндексированы?

— АА.

— Может быть, «Шторм»?

— Нет, — отрезал Ромашин. — Выполняйте.

Дежурный кивнул, исчезая.

— Держись, Мальгин! — вслух сказал Ромашин, делая шаг к двери. — Все теперь зависит от тебя.

Когда-то состязание в силе и ловкости, открытая схватка с силами зла, кто бы их ни олицетворял — природа или человек, стремительный темп событий, — были его стихией, способствующей вскрывать резервы организма и полнее чувствовать вкус бытия, теперь же, на шестидесятом году жизни, на «пороге мудрости», как говорили философы, такие схватки понимались уже, как акты отчаяния после проигранной дуэли умов. Безопасник обязан выигрывать бой до его начала, только тогда он специалист своего дела. Правда, если приходится вступать в борьбу с опозданием, как в случае с Шаламовым, когда принципы и правила игры навязываются извне, ультимативно, то времени на обдумывание адекватного ответа почти не остается...

6

Мальгин напрягся, но не испугался, — Шаламов почувствовал это без удивления, как само собой раз-

умеющееся; Клим не из робкого десятка, но было видно, что на душе у него тьма и мука. На мгновение у Шаламова в ответ шевельнулось чувство жалости, желание как-то успокоить друга, однако тут же в голове родилось знакомое ощущение проскочившей электрической искры: щелк! — и волна безразличия потушила желание, как вода — затлевший фитиль.

— Возвращайся, Клим, — глухо сказал Шаламов. — Я вернусь на Землю сам, когда мне будет нужно. Этот «ледяной айсберг» — то же самое, что метро на Маате, — Хранитель Пути, только он еще молодой, ему всего несколько тысяч лет. Все они наполовину растения, а наполовину животные, плюс интеллект. Когда-то их вырастили Вершители, пришедшие сюда из другого мира, и с тех пор они живут, как флорофиты, а функционируют, как живые станции метро. На Страже Горловины ты видел их скелеты, там они почему-то не прижились... хотя с ними мне еще не все ясно. Залезай внутрь «горы», ищи окно и уходи на Землю.

— А разве они имеют связь с Землей?! — невольно изумился Мальгин. — И никто из людей этого не знает?

— Скелет заплыл почвой, и распознать его издали очень сложно.

— В таком случае, орилоуны посещали Землю?

— Задолго до появления на ней человека, поэтому легенд об их пришествии не сохранилось. К тому же вероятнее всего орилоуны сами не путешествовали.

— Что ты имеешь в виду? По крайней мере один из орилоунов — Хранитель Пути — сидит на Маате.

Шаламов почувствовал нарастающее раздражение: время уходило на пустопорожнюю болтовню, игру в вопросы и ответы, разговор затягивался, Мальгин явно тянул паузу — для того, чтобы их успели заметить земные наблюдатели, вдобавок «черный человек» начинал приходить в себя.

— На Маате сидит не орилоун, а универсальная

транспортная машина, квазиживой организм, созданный или, если хочешь, выращенный орилоунами. Живых орилоунов еще никто не видел, даже маатане, а все «орилоуны», с кем имели дело наши пограничники, ксенопсихологи и контактеры, — это изделия Вершителей, наделенные разумом в необходимых для функционирования пределах. Так что наши специалисты искали способы контакта с «машинами» орилоунов, если их так можно назвать. — Шаламов хихикнул: прорвалась одна из эмоций его бывшего «я». — Есть еще вопросы? Уходи, Клим, ради бога, мне действительно некогда с тобой возиться.

— Тогда ответь на последний вопрос. — В мысленном «голосе» Мальгина отразилось его возбуждение, волнение, изумление и недоверие. — Значит, на Орилоухе... нет живых орилоунов?!

— Я же сказал — нет.

— А откуда ты знаешь?

— Ты же только что утверждал, что вопрос последний. Знаю, Клим. Как и все маатане.

«Черный человек» рядом шевельнулся. Шаламов переключил диапазон мыслесвязи и быстро спросил по-маатански:

— Маатанин решил покончить с собой? Или хотел по «струне» «серой дыры» уйти в иное пространство? Зачем?

— Я исчерпать моменты бытия, — ответил «черный человек» почти на чистом русском языке. Шаламов даже присвистнул от удивления: в языке маатан не существовало местоимения «я», и говорили они о себе в третьем лице, а его спаситель вдруг свободно перешел на пси-язык, адекватный земному разговорному.

— Ты явно прогрессируешь, старик!

— Мне более тысяча лет, хомо, — продолжал маатанин, не слушая пилота, — и я устал хранить в себе жизнь. Хомо получить представление о цели жизни маатан?

— В самых общих чертах, но хочу разобраться глубже.

— Мне жаль, но я ничем не помочь. Силы иссякать, и долго удержать в себе жизнь я не смогу, а это очень опасность для хомо.

— Чепуха, — отмахнулся Шаламов, — не отказывайся от беседы в небезопасной для себя ситуации, ответь лучше на вопрос: зачем ты это сделал?

— Что есть? Точность формулировка вопрос, хомо.

— Сообщил обо мне на Землю зачем?

«Черный человек» помолчал: в мозгу Шаламова вспыхивали и гасли странные картины, соответствующие переживаниям негуманоида, но что они означали, спасатель не понимал, несмотря на приобретенные знания маатанских обычаев, истории и психологии.

— Хомо знать, что есть обратная связь? Когда он открыл шлюзы компьютера «проникателя», я быть подключен с другой стороны. И теперь я — наполовину хомо...

— Об этом я не подумал. Но все, что ни делается, — делается к лучшему, я ведь тоже — наполовину маатанин, хотя меня это беспокоит мало. К тому же я хочу разобраться во всех «складах» памяти вашего компьютера, которые остаются закрытыми для меня до сих пор. Помогите осмыслить их и применить. Зря я, что ли, гоняюсь за тобой по Галактике?

— Хомо сейчас есть наполовину маатанин, ему этот мало? А стать маатанином он не сможет, как бы ни хотеть, им надо родиться. Хомо быть чужой для соплеменники и не стать свой для маатан, у нас разность цели существования.

— Цель жизни есть жизнь.

— Цель жизни — уничтожение хаоса в пространстве жизни, хомо, а люди способны поддерживать стабильность уровня энтропии только в масштабах оболочки свой тело, увеличив энтропия окружающей

среда. И при этом называть себя разумными. Маата-не жить иначе.

— Люди разумны, потому что стремятся познать мир.

— Как хомо мочь познать мир, не познав себя? Ему пора знать смысл маатанской цивилизации: объем используемой информация стремится в бесконечность, и ее принципиальность невозможность ни запомнить, ни освоить. Зачем тогда? Все связи с хомо — лишность. Не трать время, хомо, у маатан и людей разность цель жизни, им не понять друг друга.

— Но раньше маатанин был вообще некоммуникабелен, и все-таки мы нашли общий язык.

— Кто знать, хомо, можно ли считать этот разговор, мне для общения достаточность один контур память, в то время, как я вмещать миллиард такой контур. Люди устроенность проще, их место внизу лестницы эволюции, как и у всех биологических существ.

— Место людей — между богами и зверьми*, — пробормотал Шаламов. — Маатанин ошибается. Еще раз по-хорошему прошу помочь расшифровать во мне криптогнозу, мне это очень важно.

— Пусть хомо не обольщаться, помочь ему мочь только соплеменники, например, один из них, что приходит ко мне ради хомо. Он рядом, пусть хомо обратиться к он.

— Что?! Мальгин приходил к тебе? Когда? Зачем?

— Он хотеть познать маатан, чтобы вылечить хомо. Прощальность, хомо. Я уходить, время мой возвращение в колыбель прийти.

— Дан, — слышался извне слабый пси-вызов.

— Что? — очнулся Шаламов, услышав наконец, что его окликают.

— Я спрашиваю, кто построил Стража Горловины? — повторил вопрос Мальгин, ничего не понявший из разговора Шаламова с маатанином.

---

* Плотин.

— Не знаю, — машинально ответил Шаламов. — Его никто не строил, он выращен задолго до появления в космосе Орилоуха и Маата. Снова ты со своими дурацкими вопросами?.. Это правда, что ты был на Маате и встречался с «черным»?

— Правда.

— И что ты узнал?

— «Черный человек» получил отпечаток твоей личности, Дан, и положение его в своем мире от этого не улучшилось.

— Чепуха, его положение меняется не от внешних причин, не подходите к маатанам со своими мерками. Так ты узнал, как меня можно вылечить?

— В общем... да, хотя подтекст твоего вопроса явно скрывает иронию.

— Да потому что никто не знает точно, от чего меня надо лечить. И я не знаю, Климушка. И разговор о моем лечении излишен. Прощай. Или, как сказал «черный»: прощальность. Вряд ли мы когда-нибудь еще встретимся.

— Ты изменился, Дан. Раньше ты больше думал о своих друзьях... не говоря о Купаве. Неужели ты забыл о ней?

— Шел бы ты к черту! — выругался Шаламов. — О Купаве я позабочусь сам, не трогайте вы эту тему! Дайте мне разобраться с этим булыжником, возомнившим себя «вершиной эволюции», вот тогда, может быть, и вернемся к этой теме.

Он включил антиграв, устремляясь вслед за «черным человеком».

Он не знал, что Мальгин в это время борется с собой, решая вопрос, включать ли «василиск» или нет. Время шло, но гипнотизатор так и не был включен... В последнее мгновение Мальгин, облившись холодным потом, заблокировал выстрел и успел скомандовать скафандру следовать за двумя «черными людьми», уносящимися прочь...

Маатанин не свернул к «ледяной горе» орилоухского «живого метро», а направился к стене ущелья, возле которой росла сложнейшая головоломная конструкция, от взгляда на которую в душе пробуждались древние атавистические страхи и тревоги.

— Ваш друг следует за нами, — предупредил Джордж.

Шаламов оглянулся: Мальгин в универсальном скафандре спасателя — камуфляж под маатанина он выключил — держался в кильватере, как привязанный.

— Черт с ним, — буркнул Шаламов. — Я его понимаю: он меня упустил и теперь будет лезть из шкуры, чтобы оправдаться перед безопасностью. Македонский в свое время выразился правильно: избави меня, боже, от друзей, а с врагами я сам справлюсь. Будет надоедать — остановим.

— Он вооружен.

— Не имеет значения. Я его знаю, он не способен выстрелить в человека, которого считал своим другом всю жизнь. Так воспитан. Догоняй «черного».

Но догнать «черного человека» они не успели. Впереди вдруг с ревом разверзлась земля, из гигантской трещины выметнулся бешено вращающийся смерч дыма пополам с огнем, все вокруг зашаталось, загрохотало, волна искажения пробежала по ущелью, меняя очертания предметов, скал, строений и конструкций. Ударивший от смерча вихрь увлек Шаламова за собой, закрутил, бросил вниз, едва не разбив о голую поверхность обнажившегося скального дна. А потом на месте смерча вырос жуткий, ни на что не похожий, стеклянно просвечивающий призрак, заполненный «рыбьей икрой». Приглядевшись, Шаламов понял, что каждая «икринка» — на самом деле не то птичий, не то человеческий глаз!

В первые мгновения Шаламов опешил и упустил фи-

гуру «черного человека» из виду, но Джордж не сплывал, выполняя приказ хозяина и не обращая внимания на свистопляску орилоухской природы вокруг. Маатанин вонзился в тело «призрака», превратился в черную струю жидкости, эта струя собралась в каплю и нырнула в растущую трещину в дне ущелья. Джордж замешкался, прежде чем повторить маневр «черного человека», и Шаламов крикнул:

— Вперед, не дрейфы!

— Мы в зоне полтергейста *, это опасно.

— Вперед, я сказал!

— Предупредите хотя бы вашего друга. Кстати, чую локацию, нас догоняют.

Шаламов оглянулся и увидел, как в ущелье стремительным копьём падает десантный когг.

— Молодцы, быстро нас вычислили. Клим, слышишь меня? Не ходи за мной, нанчиться с тобой я не смогу.

— Я тебе не мешаю.

— Мешаешь! — В Шаламове вдруг на мгновение проснулся некто свирепый, яростно агрессивный; волной поднялся слепой гнев, затмил рассудок. Спасатель тут же опомнился, но Мальгин уже тормозил.

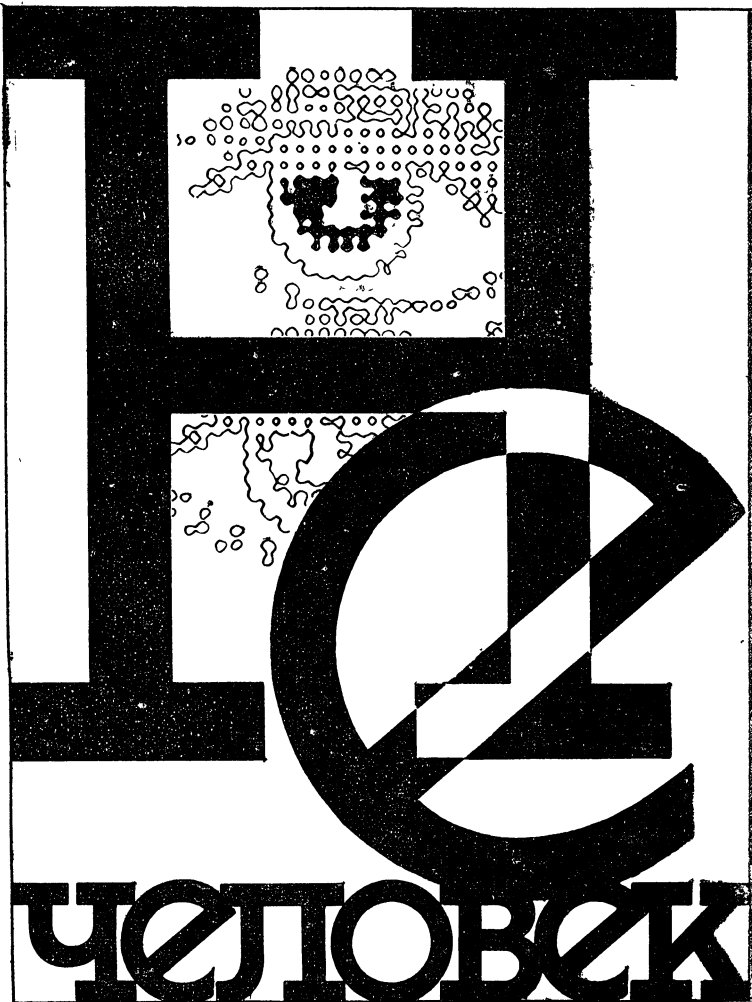
— Так-то лучше. — Шаламов унял поднявшуюся было в голове боль и, не оглядываясь, нырнул в тело танцующего, меняющего форму глазастого «призрака».

Мальгин, беспомощный, потерявший сознание от удара, остался висеть в воздухе, не отвечая на тревожные запросы Клауса и командира десантного шлюпа.

---

* Полтергейст — шум, игра духов (англ.).

Ч А С Т Ь 4

Причудливые видения, то жуткие и угрюмые, то сказочно красивые, как танцующие эльфы, посещали его все реже и реже, и наступил наконец день, когда Мальгин проснулся с ясной головой и без тяжести в сердце.

Он лежал один в комнате с распахнутым во всю стену окном, за которым пели птицы и шелестели кроны деревьев, заслонявших солнце. Кровать была нормальной, без видимых медицинских приспособлений, но у стены висел пульт медицинского комбайна, и Мальгин понял, что находится в лечебнице.

Легкий ветерок заносил в комнату запахи свежескошенного сена и меда. Где-то далеко родился странный звук, поющий, нежный, звенящий, легкий, пробудивший древнюю родовую память и ассоциации чего-то патриархально идиллического, вроде вкуса парного молока, рожка пастуха и колокольчика на шее коровы...

Коса, вспомнил Мальгин, кто-то недалеко точит косу.

Ему до зуда в руках захотелось самому взять в руки отполированное до блеска цевье и пройти по лугу, оставляя за собой ровную дорожку выкошенной травы. Он встал, прошлепал в плавках к окну и выглянул.

Так, все ясно, третий этаж клиники спас-центра. Не ясно только одно, как я здесь оказался... и сколько времени провалялся в постели...

Сзади раздался шорох открываемой двери. Мальгин оглянулся. В палату входил начальник отдела безопасности Ромашин, из-за него выглядывал улыбающийся Джума Хан с букетом полевых цветов.

— Доброе утро, — скупое улыбнулся и Ромашин, протягивая сильную руку. — Как вы себя чувствуете, больной?

— А разве я больной? — Мальгин ответил на рукопожатие и с удовольствием хлопнул ладонью по ладони подмигнувшего Хана. Ему он был рад искренне.

Джума критически оглядел хирурга, ткнул пальцем в живот, вздохнул сожалеюще:

— Отощал малость, кожа да кости...

Все трое засмеялись. Клим напряг мышцы, приподнял врача и положил на кровать.

— Ладно, ладно, убедил, — сказал тот, вставая. — Вижу, что здоров, как бык. Рад видеть тебя в форме.

Мальгин сел на кровать. Ромашин и Хан уселись напротив, вырастив кресла из стены.

— Как я здесь очутился?

— А что вы помните? — спросил Ромашин.

Клим нахмурился. Чудовищные метаморфозы орилоухской природы встали перед глазами, удивительный колеблющийся «призрак» смотрел на него миллионом глаз, судорога ломала стену ущелья, а напротив висел «черный человек» — Шаламов, и не хватало решимости включить гипнотизатор...

— Мне показалось, что на меня прыгнул какой-то зверь, — проговорил Мальгин. — Потом вспоминаются всякие кошмары, но это, видимо, уже последствия.

— Нам удалось вытащить вас в последний момент. Едва десант пошел вверх, ландшафт ущелья полностью изменился: на его месте выросло нечто вроде чаши, заполненной кипящей лавой. Подобные трансформации ландшафта вообще характерны для Орилоуха, так что вы чудом остались в живых.

Помолчали. Мальгин никогда не предполагал, что

ему на роду написано испытать так много необычных приключений в космосе, далеко от Земли, но он был рад, что выдержал эти незапланированные им самим испытания.

— Что с Шаламовым? Вы его... задержали?

— Нет, ушел, к сожалению. Вместе с «черным человеком». И где они находятся в данный момент, никто не знает. Во всяком случае, ни на Орилоухе, ни на Маате, ни в Горловине они не появлялись. Кстати, почему вы не воспользовались «василиском»? — Ромашин покосился на Джуму Хана, который ответил ему таким же косым взглядом.

Мальгин задумался, потом тихо сказал:

— Мне почему-то казалось, что это... вроде удара в спину. Он не знал, что у меня есть гипнотизатор... а я хотел предупредить, но так и не смог.

— Ты молодец, — заявил Джума убежденно. — Это тебя спасло. Излучение гипнотизатора «переключило» бы личность Шаламова на его «альтер эго» — «второе я», на личность «черного человека», а тот мог отреагировать гораздо сильнее.

— Я в это не верю, — вежливо возразил Ромашин, — но объективности ради приходится признать, что Даниил, видимо, обладает особыми психофизическими способностями. По вашей записи мы расшифровали разговор Даниила с маатанином и выяснили многое из того, что было непонятным до сих пор. У «черного человека» наступил какой-то жизненный кризис, так сказать, «соблазн небытия», он ищет то ли смерти, то ли забвения, а Шаламов жаждет разобраться в запасах маатанских знаний, записанных у него в мозгу. Судя по всему, он очень изменился. Если раньше он был просто увлекающейся натурой, бескорыстной и прямой, хотя и не без проявлений беспечности, то после бегства его уверенность гипертрофировалась в самоуверенность, воля в своеволие, независимость в авторитарность, ре-

шительность в жестокость, и базируется это все на прогрессирующем равнодушии.

Мальгин с недоверием посмотрел на гостя.

— И все эти выводы вы сделали на анализе одного разговора?

— К сожалению, не только. Расщепление личности Шаламова — факт, подтвержденный множеством косвенных улик, и никуда от него не деться. Да, конечно, биологическая основа человека требует физически и психологически напряженной жизни, такими нас вырастила природа, запрограммировала эволюция, но если нормальный человек успешно подавляет агрессивность и хищнические инстинкты, доставшиеся нам в наследство от предков-динозавров, то человек с такими нарушениями мозга, как у Даниила, способен на... в принципе, на все, причем независимо от его желаний, что страшнее всего. Вот почему надо было задержать его. Понимаете?

Любой ценой, понял Мальгин невысказанную мысль Ромашина. Задержать надо было любой ценой... Может быть, он прав?

— Знаешь, Клим, что такое орилоуны? — после паузы с искусственным оживлением спросил Хан. — Не кто, а что, именно так. Оказывается, все «живые» организмы на Орилоухе, которых мы считали таковыми и хозяевами планеты вдобавок, на самом деле являются реализациями математических формул, снабженными способностью к размножению и движению. Квазижизнь! А сами орилоуны канули в неизвестность, понастроив по Галактике тысячи станций метро, типа тех, что ты видел в Горловине и на Маате. Только на Маате машина метро — тот самый Хранитель Пути — еще жива, а в Горловине остались только скелеты, хотя и сохранившие способность к «струнной» связи.

Мальгин кивнул, не особенно удивившись.

— Знаешь, с кем ты столкнулся на Орилоухе? — продолжал Хан. — «Призрак» с глазами — это вопло-

щенное материально множество Мандельброта... — Джума посмотрел на Ромашина и замолчал.

— А Страж Горловины? — против воли поддержал врача Мальгин. — Известно, для чего и кем он создан?

— Со Стражем еще не все ясно. С одной стороны — это искусственный объект, не позволяющий «серой дыре» закрыться, превратиться в частицу микромира, с другой — это узел пересечения древних трасс обмена информацией с другими Вселенными, — сказал Ромашин, понимая, глядя на больного. — А с третьей — это самоподдерживающаяся система с полной утилизацией отходов и признаками живого организма. Кем она построена или выращена, не знает не только Шаламов, но, видимо, и сами «черные люди». Клим, у вас свой взгляд на вещи, и ответ ваш может дать разгадку... Меня волнует одна фраза «черного человека» в разговоре с Даниилом. Маатанин выразился, что его смерть опасна для окружающих. Что он хотел сказать?

— Не знаю, — подумав, произнес озадаченный Мальгин. — Темный лес. Извините.

— И я не знаю, — вздохнул Ромашин. — И не узнаю, наверное, хотя чувствую, как это важно.

— Еще узнаете.

— Вряд ли. — Ромашин слабо улыбнулся, совсем не так, как улыбался раньше. — Нет возможностей. Я уже не начальник отдела безопасности.

— Что?! — Мальгин не поверил ушам. — Не начальник отдела? — Посмотрел на Джуму. Тот отвел глаза.

— Три дня назад решением Совета безопасности отстранен от должности. Такие вот дела.

Клим растерянно перевел взгляд с одного гостя на другого. Джума Хан слегка пожал плечами и кивнул. Мальгин снова посмотрел на Ромашина. Тот сидел спокойно и невозмутимо, как будто ничего существенного не произошло. Он был очень сильным человеком, жестким, заряженным на результат, всегда добивающимся поставленной цели, и Мальгин вдруг подумал,

что по контрасту с ним этого человека можно назвать «человеком-нет», потому что сам Клим, сказав «нет», мог сделать наоборот, а ромашинское «нет» было невыблемым, как монолит.

— Минутку, я оденусь, — пробормотал Мальгин, доставая из ниши кровати мохнатый халат.

— Послушай, Клим, — начал Джума и не договорил, потому что в палату без предупреждения вошла Купава.

У Мальгина внезапно заложило уши и остановилось сердце, поэтому он пропустил момент, когда Ромашин оглянулся, встал, пожелал ему скорейшего выздоровления и вышел, подталкивая Хана в спину. Очнулся хирург, когда в палате, кроме Купавы, никого уже не было.

Купава, тонкая, стройная, как и прежде, одетая в летний сарафан, стояла рядом и смотрела на него вопрошающе, строго и в то же время робко, как никогда прежде, и было видно, что держится она спокойно из последних сил, потому что глаза ее в каждое мгновение могли пролиться дождем слез.

Мальгин запахнул халат, рука его дрожала. Купава заметила эту дрожь и вдруг подалась вперед, прижалась к нему, спрятав лицо на груди.

— Я дура, да? — слышался ее изменившийся голос.

— Не знаю, — сказал Мальгин, усмехнувшись, обнял ее за плечи, и так они стояли некоторое время, словно пытаясь соединить несоединимое, каждый со своей надеждой, верой и отчаянием. Потом Купава отстранилась. Вопреки ожиданию Мальгина она не заплакала, глаза женщины сухо блестели, брови, придававшие лицу неповторимый колорит и красоту, были сдвинуты. Казалось, они взлетят сейчас птицей со лба, унося ее тоску и муку... непонятную в общем-то муку, так как Мальгин впервые в жизни не смог определить

ее причин; во всяком случае, он был твердо уверен, что причины не только в исчезновении Шаламова.

— Мне никто не хочет говорить, где Дан, — сказала женщина непривычно низким от сдерживаемого волнения голосом. — Ты видел его последним. Что с ним?

Мальгин неожиданно успокоился, зажав сердце холодными тисками рассудка. Подумал: не прав был древний философ, утверждавший, что разум — это возбужденное сердце. В жизни все наоборот: возбужденное сердце — это полное отсутствие разума. Держи себя в руках, мастер, не поддавайся очарованию несбыточных надежд и эмоций.

— Садись, успокойся, — сказал он, придвигая ей кресло; сел напротив на кровать. — Дан... ушел вместе с «черным человеком». Куда — неизвестно. Но я уверен, что он жив.

— А мне сказали, что ты его...

Мальгин потемнел от гнева. Купава испугалась.

— Я не верю, конечно, все это чепуха, но... ты вернулся, а он... прости, Клим.

Хирург подождал, пока кровь отхлынет от щек и перестанут дрожать пальцы рук, сцепил руки на колене.

— Снова Гзаронваль, узнаю почерк. Можешь не отвечать, я и так знаю. Не думал, что ты можешь быть такой слепой в выборе друзей. Это же... низкий и подлый человек!

— Не смей о нем так... — Купава заговорила с вызовом, но тут же сникла, в голосе прозвучали нотки горечи. — Мои друзья — это друзья Дана, а врагов у него не было... если только... А Марсель... он хороший парень, только самолюбив немного... ты его плохо знаешь.

— Достаточно, чтобы понять его манеры. Он ведь, по сути, натравливает нас друг на друга. Подумай об этом на досуге.

Мальгин вдруг с пронзительной остротой понял ее состояние: Купава была непередаваемо, чудовищно

одинока, если искала утешения даже у такого человека, как Марсель Гзаронваль! Всю свою жизнь она, привыкшая к лидерству, созданному и культивируемому ее красотой и умом, ко всеобщему поклонению, пыталась доказать, что не зависит ни от кого и ни от чего и всегда способна принять самостоятельное решение, сделать так, как хочет она сама. И уход-то ее к Шаламову был, вероятно, попыткой доказательства полной независимости и самостоятельности, хотя жизнь всегда с успехом доказывала обратное. А теперь, неожиданно оказавшись в ситуации, когда требуются истинное мужество и решительность, умение перенести удары судьбы, Купава растерялась, и не оказалось рядом никого, кто помог бы ей обрести уверенность. А к одиночеству она готова не была...

— Я не враг даже врагам своим, — улыбнулся Мальгин. — Не помню, чей это девиз, но могу под ним подписаться. А Дан — мой злейший друг. — Он снова улыбнулся. — Друг, а не враг, как, вероятно, хочет доказать тебе твой Марсель. Ну да бог с ним. Дай мне только чуть-чуть прийти в себя, и я доставлю тебе Дана живым и невредимым.

— Правда? — Взгляд Купавы был так откровенно и красноречиво недоверчив, что Мальгин пережил приступ острой головной боли.

— Правда.

В палату вошел врач, знакомый Климу по первому посещению клиники спас-центра: он же лечил и Джуму Хана.

— Извините, пациенту требуется покой.

Купава встала, несколько мгновений смотрела на Мальгина сияющими глазами и вышла. А потом вдруг вернулась, сказала:

— У нас дочь, Клим, — и дверь бесшумно закрылась за ней.

Судорога боли снова вонзилась в голову хирурга, лишая воли и спокойствия. Любовь и ненависть, тоска

и радость, лед и пламя смешались в его душе в кипящую болезненную лаву, вывели из равновесия, заставили смеяться, и плакать, и шептать странные слова, не понятные никому, кроме него самого.

— Ну-ну, сейчас все будет в норме, — бормотал врач, укладывая Мальгина на кровать, и задвинул над ним невесть откуда взявшийся прозрачный колпак процедурной камеры. — Я, кажется, поспешил с разрешением посещений, не все они несут положительные эмоции...

Последним видением Клима было видение абстрактной фигурки ребенка с громадными черными — на поллица, — глазами, в которых стыли непонятная угроза и вопрос...

* * *

Солнце уже встало, пронзив сосновый бор на противоположном берегу копиями оранжевого света, но до речного плеса, над которым стлался туман, его лучи еще не доставали. Вода в заводи была тиха и прозрачна, она еще спала и едва заметно вздыхала, шевеля листья кувшинок.

Мальгин поправил удилище и снова уставился на поплавок, грезя с открытыми глазами. Перед мысленным взором проплывали вереницы призрачных лиц, каких-то абстрактных фигур, картин природы чужих планет, но ни одно видение не затрагивало душевных центров и не заставляло волноваться и переживать заново приключения вдали от Земли. Природа вокруг была так чиста, идиллически тиха и безмятежна, что тревоги дня не могли пробиться к человеку сквозь эту хрупкую на первый взгляд броню, защитившую его душу не хуже любой лечебной психологической блокады. Отец знал, что делает, предлагая сыну отдохнуть в лесной глуши, вдали от цивилизации, ее суеты и скорости, и вечных забот, не оставляющих человеку времени на философское осмысление собственных желаний и устремлений.

Уже два дня Мальгин жил с отцом в Мещерском заповеднике, на берегу Пры, установив палатку в красивейшем сосновом бору, рядом с густым малинником, обещавшим невиданный урожай малины. Они почти не разговаривали, понимая друг друга с полуслова, а старик был не только умным собеседником, но и хорошим психологом, зная, что требуется сыну после сильных потрясений, дозу которых никто не регулировал. Он старался не мешать Климу, отвлекая его от созерцания природных красот только когда приходило время обеда и ужина и не заговаривая с ним без нужды. Вчера вечером он сказал:

— Ты изменился...

Мальгин улыбнулся, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени костра.

— В какую сторону?

Отец закричал, устраиваясь на боку, подбросил в костер сухих полешков.

— Пока не знаю. Раньше ты, во всяком случае, не колебался, принимая какое-то решение, даже самое безобидное. Ты знаешь, что у Кунавы дочь?

— Знаю.

— Она сказала, что ребенок твой... и значит, моя внучка. Она дала ей имя твоей родной бабки — Юлия.

Мальгин промолчал, замороженный колдовством пламени. Он мог так сидеть всю ночь.

Старик поворочался, бормоча что-то про себя, покряхтывая, пошевелил хворост, огонь высветил его лицо с резкими чертами, углубленными резцом теней.

— Я предложил ей жить у нас...

Молчание.

— Она сказала, что подумает. Тебя это не интересует?

Клим посмотрел на отца, словно только сейчас слышал его слова.

— Отец, давай о чем-нибудь другом. У нее есть муж...

— Какой он ей муж, — буркнул Мальгин-старший. — Ему бы только приключений побольше... да и если бы он был настоящим мужем, то прежде подумал бы о ней, а не о...

— Отец!

— Что отец? Ты тоже хорош! Вы оба с ней — два сапога пара, не ведаете, что творите. Как можно быть такими глупцами? Ведь вы до сих пор не разобрались в себе, если не можете порвать связи. Главное, что вы любите друг друга, но как-то... эгоистично, что ли, самолюбиво, не считаясь с обидами...

— Я счета обидам не веду.

— Вот-вот, не ведешь, но не ведешь-то своим обидам, а речь об обидах другого. Ты когда поймешь наконец, что нельзя всю жизнь оставаться прямым и твердым, как скала? Когда научишься определять границу компромиссов? Любовь — самый великий и древний из компромиссов, неужели ты еще не понял?

Мальгин молчал.

Отец еще повздыхал и затих. Костер продолжал потрескивать, играть оранжевыми и фиолетовыми язычками огня, одобряя все, о чем думал созерцатель и что творилось в его душе. Он тоже был хорошим собеседником...

С другой стороны лодки плеснула рыба, Мальгин очнулся, машинально потрогал на груди золотистого «паучка» — не потерялся ли?

— Вам придется поносить вот такую штучку, — сказал ему врач, вручая нечто вроде небольшого значка в форме десятиногого плоского паучка. — Это «филер» — анализатор состояния, он будет записывать ваши биопараметры в течение дня и в случае накопления отрицательных данных напомним, что вам необходимо зайти в клинику. Если же все будет нормально, зайдете через три-четыре дня, и я сниму прибор.

Мальгин снова погладил почти неощутимый значок, приклеившийся к коже над сердцем, и вспомнил еще об одном приборе, который вручил ему Ромашин. Бывший начальник отдела безопасности застал его дома буквально перед отъездом в Мещеру.

— Простите, что я незвано, не помешаю? Я всего на одну минуточку.

Клим сдержанно пожал протянутую руку, познакомил гостя с отцом и пригласил его в свой «грот», как называла гостиную Купава: видеопласт комнаты создавал непередаваемую иллюзию пещеры с «наскальными рисунками» и закопченным потолком, причем иллюзию с эффектом законченности и уюта. Ромашин огляделся без удивления, а может быть, хорошо скрывал его, и сел на «лежак» в углу, в меру твердый, но удобный. Хозяин сел напротив на «плоский камень», чуть подрегулировал освещение.

Знание того, что Ромашин отстранен от должности за «превышение полномочий и служебного положения» плюс «преувеличение степени опасности одного человека для всего общества», заставляло Мальгина держаться с изрядной долей вины и сочувствия. Операция по задержанию Шаламова в системе Маата свела на нет усилия комиссии коммуникаторов и, по сути, сорвала контакт с «черными людьми», а также едва не привела к человеческим жертвам. И хотя компетентная подкомиссия СЭКОНа не нашла в действиях Ромашина корыстных побуждений, ему было порекомендовано найти другую работу. Что он выбрал, какую профессию, Клим еще не знал.

— Собираетесь на природу? — спросил Ромашин; под глазами у него собрались иронические морщинки, словно он догадывался, о чем думает собеседник.

— Да вот, еду порыбачить в Мещеру, с отцом, он сторожил тех мест и знает заповедник, как егерь и лесник.

— Завидую, право слово. С удовольствием отдохнул

бы денек-другой на лоне природы, вдали от суеты... хотя от дома до поймы Десны — пять минут лета на любом транспорте.

— Пойдемте с нами, — великодушно предложил Малыгин, учинив над собой насилие, но его готовность не могла обмануть такого опытного психолога, как Игнат Ромашин.

— Спасибо, и рад бы, но не могу, нет времени. Замаливаю грехи в экспертном секторе отдела безопасности. Работы много, и она неожиданно интересна, хотя и весьма специфична... Да вы не переживайте за меня, Клим, ей-богу, вы в этом не виноваты.

— Если бы я догадался поработать на эм-синхро, Даниил не ушел бы из института и ничего не случилось бы...

— Нет, все правильно, бегство Даниила послужило только катализатором остальных действий, спусковым механизмом... да что мы все об этом да об этом.

— А кто теперь во главе отдела? Шевчук?

Гость покачал головой.

— Нет, новый человек, вы его не знаете.

Помолчали, присматриваясь друг к другу. Потом Ромашин покопался в кармане рубашки и протянул Климу ажурную золотистую змейку — на первый взгляд.

— Вам придется некоторое время поносить на голове вот эту машинку, она легкая.

«Машинка» оказалась почти невесомой: тоненькая дуга с двумя сеточками и блестящими иголочками.

— Что это?

— «Защитник», персонком со спецпрограммой. Другими словами — контур защиты от пси-излучения в широком диапазоне волновых ритмов. Настроен на ваши ритмы.

— Зачем? — Клим тяжело посмотрел на гостя и встретил его прямой, без тени смущения или колебания взгляд.

— Чтобы отразить пси-выпад наподобие того, которым вас наградил Шаламов.

Мальгин некоторое время перебирал в пальцах красивую вещицу.

— Почему вы уверены, что мне это пригодится?

— Я не уверен, но береженого бог бережет. Мне кажется, Шаламов вернется, а вам... надо беречь Купаву.

— Вы считаете, что он?..

— Не знаю, просто хочу исключить неожиданные повороты ситуации, может быть, перестраховаться. Если уж обычный человек, как правило, непредсказуем, то что говорить о Данииле?

Мальгин вдруг вспомнил разговор с Ханом, вскинул голову:

— А орилоухское метро на Земле не нашли? Если верить «черному человеку», орилоуны строили... или выращивали свои трансгрессы на всех планетах, перспективных для появления разума.

— «Черному человеку» верить можно, он не способен лгать биологически, вернее, генетически. Выявлены уже десятки звездных систем, где были установлены станции мгновенного масстранспорта, и все они стоят на планетах, где или была когда-то жизнь, или есть в настоящее время, но без носителей разума. На Земле орилоухский вариант трансгресс-метро пока не найден, хотя поиски велись не слишком тщательно, да и то лишь в Антарктиде. Решено проверить и Северный Ледовитый океан.

Ромашин легко встал.

— Извините, Клим, мне пора идти. Вы наденете «защитника»?

Мальгин тоже встал, все еще поглаживая ободок прибора, наконец проговорил:

— Надену.

— Спасибо. Если Даниил появится неожиданно, дайте мне знать. Хочу поговорить с ним, и не из-за нехватки острых ощущений, просто он мне симпатичен,

хочу предостеречь его от необдуманных поступков. Впрочем, решать вам...

Мальгин погладил невидимую под волосами скобу «защитника», плеснул в лицо воды и сделал глоток. Клевать перестало, пора было сматывать удочки.

— Кли-им! — раздался из тумана близкий зов. — Клим, отзовись!

— Слышу, — отозвался Мальгин. — Что случилось, па? Завтракать вроде еще рано.

— Гребни к берегу, к тебе гости.

Сердце замерло, потом ухнуло вниз и забилось часто и сильно, пока Мальгин не успокоил его привычным усилием аутотренинга. Подумал: если Купава — придется просить отца увезти ее...

Но это была не Купава.

2

Ромашин уже достаточно хорошо ориентировался в сплетениях коридоров и транспортных линий Института внеземных культур и лабораторию фантомомоделирования нашел за несколько минут.

Обстановка лаборатории была совсем простой: странный белоствольный лес заполнял ее всю, оставив только небольшой свободный пятachок посередине, над которым висела угрюмая, многоугольная бугристая глыба «черного человека», голого, без нижней металлической «кольчуги». Каждый ствол «деревя» на уровне чуть выше человеческого роста начинал ветвиться и под потолком превращался в густейшую паутинную шапку, срastавшуюся с другими такими же. Изредка в этой «паутине» высверкивали желтые и оранжевые огоньки, некоторые из них мигали.

Ромашин равнодушно окинул «зимний заснеженный лес» взглядом — конечно, это был никакой не лес, а

система эффекторов комплекса моделирования, снабженная тысячами датчиков системы измерения, — и прошел к свободному пространству в центре лаборатории.

У стены за «кустами» конформных аппаратных стоек он увидел краешек пульта, почти скрытого широкими спинами работников лаборатории; мужчины были одеты в синие полукомби, женщины — в белые халаты. Еще трое мужчин стояли у неподвижного «черного человека» и спорили. Шум в лаборатории стоял изрядный.

Игнат кашлянул.

Мужчины оглянулись. Один из них, толстый, с короткой шеей и лысиной на полчерепа, шагнул навстречу:

— Ромашин? Мне передали, что вы звонили утром. Коллеги, потише, пожалуйста... Извините, со временем у меня туго...

— У меня тоже.

— Прекрасно, пару минут можем поговорить. Идемте в совещальник. — Толстяк махнул рукой собеседникам. — Не меняйте условий, я сейчас вернусь.

Он открыл незаметную дверь в стене справа и вошел первым.

«Совещальник» оказался рабочим кабинетом заведующего лабораторией, оборудованным по последнему слову оргтехники и эргономики. Видеопласт кабинета показывал пейзаж Орилоуха: пляж, усыпанный крупными кристалликами соли, черная лента «реки» — реки на Орилоухе были асфальтовыми, — испещренная голубыми трещинами стена льда за рекой и несколько пушистых белых шаров, плавающих в воздухе.

— Проходите, — махнул рукой хозяин. Короткая борода «а-ля варяг» не могла скрыть два его подбородка и выглядела приклеенной, как деталь маски. — Я Герхард Маттер, ксеноэксперт, исполняю обязанности заведующего лабораторией, сам он находится в

данный момент в Горловине «серой дыры». Итак, слушаю. Что вас интересует? Кстати, как вас звать?

— Игнат, — подал руку Ромашин, сел, кивнул на видеопласт. — Давно занимаетесь Орилоухом?

— Второй год. Бездна интересного! Можно работать по Орилоуху всю жизнь, и все равно до конца не размотать этот клубок тайн и загадок.

— Но сейчас вы, насколько я знаю, работаете с Маатом.

Маттер пожал круглыми плечами.

— Не с Маатом, а с маатанином. Лаборатории дали задание проанализировать информацию, полученную разведчиками на Маате. Тоже, скажу я вам, масса непонятного и загадочного.

— За этим я и пришел — услышать мнение компетентного человека о «черных людях».

— А мнения еще нет, — всколыхнул в улыбке свои подбородки ксеноэксперт. — Я имею в виду — официально выверенного мнения группы. Анализ еще не закончен, а данные противоречивы.

— Хорошо, поделитесь личным мнением, клянусь здоровьем не использовать его, как базу умозаключений нашей фирмы.

Глаза Маттера весело блеснули.

— В таком случае, пожалуйста. Первое и главное: лично я считаю, что цивилизации маатан вопреки общепринятому мнению не существует. Впрочем, как и цивилизации Орилоуха.

Ромашин, не справившись с изумлением, смотрел на собеседника. Тот засмеялся с удовольствием, тряся животом, мягкими плечами и руками, каждая из которых была размером с бедро нормального человека.

— Что, озадачил? Думаете, соригинальничал для эффекта? Ничуть. Поясню, в чем суть утверждения. Любой безопасник должен быть в известной мере социологом и знать, что культура — это приобретенная разумным существом способность ставить любые цели

вообще. Так вот, похоже, что «черные люди» не имеют целей! Накопление энергии — не есть цель разумного существа, а именно это и имеет место у маатан. Более того, внегенетическое и внесоматическое знание у рядового маатанина составляет всего лишь две десятых процента от всего запаса информации. Вдумайтесь в эту цифру — две десятых процента! Вам это о чем-нибудь говорит?

Ромашин подумал.

— Дайте собраться с мыслями... честно говоря, вы меня сразили! Вы хотите сказать, что почти весь объем информации маатане получают генетическим путем, при рождении?

— Именно! Хотя термин «рождение» не совсем правилен. А это значит, что их так называемая «цивилизация» — фикция! Они не развиваются, и то, что каждый из нас получает в процессе обучения за день, маатане получают за полтора года! О какой культуре может идти речь при таком методе познания мира? Складывается впечатление, что «черные люди» знают лишь себя и кое-что, очень мало, об окружающем мире. И не хотят знать, вот в чем парадокс!

— У вас есть факты, подтверждающие этот вывод?

Маттер шлепнул громадной ладонью по столу.

— Могу представить. Хотя точно такие же факты имеют и ребята на «Эдипе-2», которые со мной, естественно, не согласны, особенно теоретики-ксенопсихологи. Они видят только то, что желают видеть, и в основном живут по закону Майерса: если факты не подтверждают теорию, от них надо избавиться.

Теперь улыбнулся Ромашин, смеялся он редко.

— Вы не жалуете коллег.

— Только тех, кто делает вид, а не работу. Вы же знаете тезис: если кто-то морщит лоб, это еще не значит, что он думает. Но будем справедливы, среди них есть и талантливые ученые, блестящие аналитики и прогнозисты.

— Вернемся к «черным человекам». Кто же они тогда, если у них отсутствует интеллект? Животные, наделенные сложным инстинктом, который мы принимаем за разум?

Маттер почесал бороду.

— Вопрос прост — ответ на него сложен. Интеллект у маатан есть, такой примерно, как у наших интелматов, но... он в них вложен, понимаете? Так же, как у тех же наших интелматов. Эволюция разума вообще невозможна без развития органов действия, таких, скажем, как рука человека. «Эволюции мозгов», так сказать «чистого ума», не существует, и маатане — тому пример: они не эволюционируют. Тело маатанина — поликристалл, в котором трехмерная пространственная периодичность строения нарушается в двух измерениях, то есть это кристаллы с так называемыми несоответственно модулированными структурами, а их оболочка, «кожа», имеет «запрещенную» в кристаллографии симметрию — оси пятого порядка! В этом есть свой парадокс: подобные нарушения могут быть только у живых существ, и поэтому маатане — биологические объекты, но... — Маттер развел руками, — в остальном они — физические «растворы» нервной системы в кристаллической структуре, опять же подобно нашим киб-интеллектам. И еще менястораживает обстоятельство, что маатане интенсивно аккумулируют энергию, почти не расходуя, создают внутри себя так называемые «зоны с максимально возможным дефицитом энтропии».

— Почему это вас беспокоит?

— Не беспокоит —стораживает. Я не знаю, зачем это им надо. Никто из наблюдателей и специалистов по контактам еще не видел, чтобы маатане использовали накопленную ими энергию в каких бы то ни было целях. Никто! И никто не наблюдал смерти «черного человека». А ведь это как-то противостоит, а?

Ромашин промолчал. Эксперт смотрел на него, выпятив толстые губы, словно решал: стоит ли говорить дальше. Игнат оценил его скепсис.

— Ваши сообщения многое меняют. Признаюсь, я ошеломлен, хотя считал, что знаю маатан достаточно хорошо. Вы можете поделиться своими соображениями с Климом Мальгиным?

— Кто это?

— Тот самый «разведчик», который добыл информацию о маатанах непосредственно на Маате. Он нейрохирург, готовится к операции...

— Кажется, я слышал эту историю. Шаламов? Такая, мне помнится, фамилия у того парня, что получил информацию маатанского компьютера?

— Совершенно верно, Шаламов. Сейчас он... вышел из клиники, но вряд ли удастся обойтись без операции. Так что ваша информация будет весьма ценной для врачей, для Мальгина в особенности. Я пришлю его к вам, если не возражаете.

— Ради бога, о чем разговор, буду рад помочь.

Ромашин встал, поколебался немного, но все же задал вопрос, ради которого он и пришел:

— Скажите, Герхард... маатане могут стать... не врагами, но опасными для людей?

— В каком смысле? — выпучил глаза Маттер.

— В прямом. Могут ли их внутренние императивы — равнодушие и агрессивность — возобладать в их поведении? Превратить их в злобные, не знающие жалости и доброты существа?

Эксперт покачал головой.

— Тут я пас. Их внутренние мотивы для нас пока — черный ящик, ларец за семью печатями. Сами знаете пословицу: чужая душа — потемки, а тут речь идет о «душе» негуманоида...

— Понятно. Спасибо за консультацию.

Оставив озадаченного толстяка эксперта в лаборатории, Ромашин лишь по дороге к метро вспомнил, что

забыл спросить Маттера об Орилоухе: почему ученый приравнял маатан и орилоунов? Невооруженным глазом видно, что «черные люди» отличаются от неуловимых орилоунов, как журавль от крокодила. Что имел в виду эксперт?

* * *

— Послушайте, Игнат, — сказал негромко Лондон, останавливаясь перед дверью в свою квартиру; дверь утратила твердость, свернулась валиком вверх, хозяин пропустил гостя в прихожую. — Мне кажется, ваше участие в деле Шаламова не ограничивается рамками теперешнего служебного положения. Как эксперт отдела, вы можете только консультировать оперативников, но ни в коем случае не решать проблемы сами.

Ромашин прошел в гостиную, огляделся, не пряча любопытства, как обычно.

Майкл Лондон жил в стандартном этажно-ступенчатом модульном доме типа «гроздь винограда» с прихотливым расположением квартир-«виноградин»; квартира Лондона венчала «гроздь» на головокружительной высоте в триста метров и была открыта всем ветрам и горизонтам. Дом стоял на окраине Колорадо-Спрингс, в центре древнего экопарка, и с его «крыши» можно было целый день любоваться живописным пейзажем, включающим в себя реки, скальные ансамбли, величественные каньоны, прерии и дикие леса.

Квартира нового начальника отдела безопасности состояла из четырех комнат, жил он с женой и дочерью, уже взрослой самостоятельной особой, хотя самому ему пошел всего тридцать восьмой год.

Из «глубоких ниш» великолепных стереофотографий, которыми были увешаны стены гостиной, смотрели на гостя дикие звери: волки, медведь-гризли, барс, гиена, россомаха, тигры и львы. Причем все они стояли к фотографу анфас, а некоторые — рассерженные, с угро-

жающим оскалом — явно готовились к прыжку. Мастерство фотографа было очевидным, хищники казались живыми.

Лондон принес по бокалу прозрачно-желтого, янтарного напитка, протянул один Ромашину, отпил глоток.

— Нравится?

— Отменно! — пробормотал Игнат, пригубив. — Кто фотограф?

Хозяин сел в кресло, выдолбленное из целого пня секвойи, отпил напитка, ткнул себя пальцем в грудь.

— Увлекаюсь с детства.

— Инцидентов не было?

Лондон задрал рукав рубашки, обнажив мускулистую руку с несколькими беловатыми зажившими шрамами.

— Таких украшений у меня много. Но вы же знаете: охота пуще неволи. Так все-таки, Игнат, вы не ответили на вопрос. Почему вас так волнует судьба Шаламова?

Ромашин, не отвечая, выцедил холодный напиток, поднял брови.

— Черт возьми, это же сбитье*!

— Совершенно верно, сбитье, рецепт родителей жены. С удовольствием пьет вся семья. Итак?

Ромашин покрутил в пальцах бокал и поднял на хозяина спокойные глаза:

— Он опасен, Майкл. Проанализируйте весь объем информации, случаи с экипажем угнанного им спейсера, с Джумой Ханом, с Мальгиным, а главное, поговорите с ксенопсихологами, изучающими маатан. Шаламов — наполовину «черный человек», психика его расщеплена, и этот процесс...

Лондон поднял ладонь, Ромашин замолчал.

— Я все это уже анализировал, Игнат, и не только — крупнейшие эфаналятики отдела и погранслужбы,

---

* Древнерусский напиток из меда, мяты и хмеля.

и наши мнения совпали: да, Шаламов может стать оборотнем, химерой, соединяющей в себе черты «черного человека» и землянина, но он не может стать нашим врагом, нет причин. Понимаете? Нет ни объективных, ни субъективных причин. Ведь даже настоящие «черные люди» не являются врагами людей.

Ромашин покачал головой.

— Вы не учитываете нюансы, Майкл. Конечно, Шаламов не враг нам, ни вообще, ни кому-нибудь конкретно, но... он не всегда способен контролировать свои поступки, как раньше, до катастрофы. Что бы ни утверждали врачи, психика его нарушена серьезно, восприятие им действительности не может быть адекватным, он уже больше начинает мыслить категориями маатан, а много мы знаем о «черных» — что они считают для себя нормальным поведением? Может быть, для них смерть землянина — нормальное явление, исключительно полезное с точки зрения энтропийного равновесия. Именно поэтому Шаламов должен быть изолирован, хотя бы на время изучения его возможностей и попытки лечения.

Лондон улыбнулся, и Ромашин, как и Мальгин когда-то, оценил эту улыбку, отражавшую вторую, скрытую во время официальных деловых разговоров и напряженной служебной деятельности, натуру начальника отдела: мягкую, деликатную, великодушную и тактичную. Ромашин признался в душе, что по внутренним качествам в чем-то уступает этому человеку, не признающему за собой особых достоинств и не претендующему на исключительность. И вместе с тем мягкость Лондона хорошо сочеталась в нем с высокой требовательностью и упорством. Во всяком случае, убеждений своих он не менял и если уж решил что-то по-своему, то решил.

— Хотите еще сбитня? Предпочитаю его остальным фирменным напиткам, хотя люблю и кока-колу, и со-

линт. Хмель и мяту собирала дочь в прошлом году, а делает напиток жена, она у меня русская, Катя.

— А дочь как назвали?

— Забава. Жена настояла. — Лондон вздохнул.

Ромашин засмеялся.

— Вы предлагали другое имя?

— Вообще-то я хотел сына, хотя уже знал, что будет дочь. Но знаете, все теплилась надежда, что медики ошибаются. Кстати, вы знаете, что предложил врач «Скорой» Джума Хан?

Ромашин замаялся на мгновение, Лондон собрал у глаз веселые морщинки.

— Знаете.

— Результатов еще нет?

— Просчитаны обе Америки, Южная и Северная, Австралия и Африка, остались Европа и Азия. Вряд ли орилоунский трансгресс отыщется на территории Европы, слишком уж хорошо она изучена, остается Азия. Ждем. Что вы хотели у меня спросить еще?

Ромашин помолчал немного. Было воскресенье, выходной день. Лондон, конечно, удивился, когда Игнат попросил его встретиться, но виду не подал. Жена и дочь, очевидно, не обрадовались тому, что супруг и отец остается дома, но привыкли ко всему. Зря пришел сегодня, подумал Ромашин, мог бы потерпеть до понедельника, человек и так отдыхает редко...

— Майкл, вы верите в интуицию?

Лондон снова прищурился, изучающе глядя на гостя.

— Верю.

— Тогда установите наблюдение за женой Шаламова. У меня нехорошее предчувствие, что Даниил вот-вот появится на Земле.

Хозяин посмотрел на окно сквозь бокал красного стекла, встал и принес еще напиток. Сказал, стоя:

— Игнат, вы на двадцать лет старше меня и намного опытней, я всегда уважал вас и прислушивался к

вашему мнению, когда мы работали вместе — вы в службе Б, я в погранслужбе, — но не все то, что подходит вам, подходит мне. Извините. — Лондон с сожалением развел руками. — Я слеплен из другого теста и чту принципы, заложенные в меня с детства. К тому же вы сами, да и СЭКОН в первую голову, не дадите мне санкции на наблюдение. Нет причин.

Игнат полужакнул глаза.

— Принцип у нас один: безопасность людей.

— Да, вы правы, и все же...

— Я понял.

— Извините еще раз, обидеть вас я не хотел, просто я так думаю. Но мы сделаем все, что следует сделать в создавшемся положении. Обещаю советоваться с вами по каждому... — начальник отдела не договорил, с панели домашнего координатора, декорированного под древнеафриканскую маску, кузнечиком протрещал вызов.

— Включай, — скомандовал Лондон автомату.

Панель превратилась в окно виома, из которого выглянул дежурный североамериканского спас-центра:

— Майкл, вам «две семерки» по треку*.

— Причина?

— Разве ваши мудрецы сообщат? Но я понял, что речь идет о какой-то жутко необычной находке.

Лондон оглянулся на Ромашина, тот встал.

— Орилоун?

— Похоже на то. Где именно, Джо?

— Русский Север, полуостров Таймыр. Больше ничего не знаю.

— И на том спасибо. Идемте, Игнат. Кажется, интуиция вас не подвела. Да и моя меня тоже, иначе я не остался бы дома.

---

* Трек — тревожный канал; «две семерки» — вызов по тревоге общей степени.

Обменявшись понимающими полуулыбками, они вышли из квартиры и поднялись к причалу дежурных машин, где Лондона всегда ждал скоростной куттер.

3

Сложена была Карой великолепно. В своем таитянском парео, загорелая до бронзового свечения, она казалась Мальгину Алкменой, дочерью царя Электриона, чья исключительная красота заставила даже Зевса обратить на нее внимание.

Плавала она бесшумно и надолго уходила в глубины заводи, словно поддразнивая хирурга, пугая его своей смелостью. Мальгин лежал на берегу, покусывая травинку, и думал о том, что наряд женщины не должен быть вызывающим, намек на тайну всегда интереснее и влекомее; полное откровение всегда интимно и редко не вызывает самого примитивного желания, но Карой и в парео не вызывала у Мальгина возражений, лишь восхищение и невольное легкое волнение.

Они позавтракали у костра, вместе с отцом Клима, выпили по кружке вкусного чая, пахнувшего дымком, малиной и чебрецом, потом Мальгин-старший отбыл на лодке вниз по течению, скрылся за излучиной реки. Карой предложила искупаться и позагорать, и Мальгин, в душе забавляясь непосредственностью женщины и своими растерянностью и ожиданием неизвестных, но приятных событий, первым полез в воду.

Говорили они мало, ограничиваясь в основном междометиями и малозначащими замечаниями. Какова причина или цель визита, Карой не сообщила, а Мальгин не спросил, пережив мимолетное разочарование, когда увидел Карой на берегу вместо Купавы. Теперь он уже не жалел, что его одиночество — отец не в счет — получило пробоину.

— Что вы на меня так смотрите? — спросила Карой, выходя на песчаную отмель и стряхивая с волос капли воды.

Мальгин отвел взгляд от ее загорелой груди с маленькими темными сосками и подвинулся на махровой простыне. Карой села, потом легла навзничь, зажмурясь и подставляя лицо солнцу.

— Господи, как хорошо!

Мальгин тихо засмеялся.

Карой открыла глаза.

— Что вы смеетесь?

— Просто так. Рад, что вы нашли меня... хотя час назад готов был убить на месте всякого, кто пожелал бы нарушить мой покой.

— Я это заметила. И все-таки вы не ответили на вопрос. Когда я выходила на берег, вы смотрели на меня, как...

— Бальзак.

— Нет.

— Македонский.

— Я не то хотела сказать, а вы, кстати, Клим Мальгин и им останетесь, хотя что-то от Македонского в вас, пожалуй, есть. — Карой оценивающим взглядом окинула жилистую фигуру хирурга. — Нет-нет, не напрягайте мышцы, я уже поняла, чем вы похожи — шрамами на груди.

Мальгин снова засмеялся, с удовольствием.

— Благодарю за столь лестное сравнение, но есть еще одна вещь, которая объединяет меня с великим Александром: упрямство. . Знаете, о чем я подумал, глядя на вас?

— Честно?

— Вполне. Вы — копия Алкмены, жены Амфитриона, красота которой опьянила Зевса до такой степени, что он три дня и три ночи...

— Не продолжайте. — Карой задумчиво разглядывала лицо Мальгина. — В результате их встречи родил-

ся Геракл, так? Я хорошо помню эти мифы, они интересны тем, что женщины в них равны мужчинам почти во всем. Поцелуйте меня...

Мальгин, замерев, долгое мгновение смотрел в глаза женщины, постоянно меняющие цвет от желто-рыжего до черного, наклонился и поцеловал ее в полуоткрытые, пухлые, необычайного рисунка губы. Отодвинулся.

— Еще, — прошептала она с закрытыми глазами.

Клим вздохнул, покачал головой, сказал коротко:

— Хан.

— Что? — Карой изумленно распахнула глаза.

— Джума узнает, — серьезно сказал он. — Вызовет на дуэль и убьет, я его знаю.

Она не ответила, снова закрывая глаза и отворачиваясь. Несколько минут прошло в молчании.

— Вы обиделись? — негромко сказал Мальгин, укладываясь рядом, и тоже подставил лицо солнцу; по сравнению с Карой он казался незагорелым.

— Знаете, что мне в вас нравится? — проговорила женщина. — Не поверите.

— Простота.

— Не гадайте, у вас это плохо получается, к тому же вы очень непростой человек, Мальгин, хотя и очень открытый. Вы интересный собеседник, прекрасный специалист, хороший организатор, смелый и решительный человек, и прочее, и прочее, но меня тянет к вам просто как к мужчине. И я не могу этому противиться. И не хочу. Не верите?

— Почему, верю, — сказал Мальгин, чувствуя легкий эйфорический звон в ушах, словно от избытка кислорода. — А как же Джума?

Карой резко привстала, повернулась к хирургу, как разъяренная тигрица, на Клима глянули бездонные черные омуты. Он опасно отодвинулся.

— Извините, Карой, я не хотел... честное слово, больше не буду.

— С Джумой у меня все иначе, хотя вряд ли я смогу объяснить — как. Помните у Блока? «Принимаю тебя, неудача, и удача — тебе мой привет...» Джума — моя неудача, и не надо было напоминать о нем, я думала о вас...

Мальгин не дал ей договорить и поцеловал еще раз, и не отпускал, пока она не задохнулась. Пробормотал:

— Есть такой закон: с пола упасть нельзя. Лично я нахожусь на полу, и падение мне не грозит. А вам?

— Мне тоже. — В глазах Карой сквозь изумление, гнев, вопрос, растерянность и колебания пробился опасный блеск взаимопонимания.

— Тогда ползком за мной. — И Мальгин пополз по траве к шалашу, сделанному из лещины и осоки. Эйфорический звон в ушах усилился, перекрывая нудный шепот внутреннего «контролера», думать не хотелось ни о чем и ни о ком, кроме лесной феи, принявшей облик Карой и глядящей ему вслед с радостью и недоверием. Тогда он встал, вернулся и подхватил ее на руки...

* * *

Карой улетела в полдень, вызвав по рации видеобраслета из ближайшего поселка загородный пинасс.

— Презираешь? — сказала она с пленительной улыбкой, вглядываясь в лицо Мальгина, стоя вплотную к нему.

— Нет. В противном случае пришлось бы презирать себя. Все не просто и... не знаю, как назвать... вообще надо бы начать с анализа своих эмоций, но я и так себе верю... Пусть все идет, как идет, не надо уточнений... Мне придется многое переосмыслить и кое-что решить... хотя я и рад этому.

— Решай, Мальгин. Мне тоже надо многое переоценить, и прежде всего в себе. Может случиться, что в результате наших переоценок мы больше не встретимся... так. Но если я позову, ты... придешь?

— Приду, — тяжело обронил Мальгин.

Женщина засмеялась, легонько поцеловала его в подбородок и нырнула в хрустальное нутро пинасса-такси. Аппарат бесшумно взмыл в небо, превратился в золотую точку, пропал. «Пойду спать, — подумал Клим, — почти-таю немного — и спать...» Он стоял несколько минут лицом к небу, ни о чем особом не жалея, собрался было достать книгу и в это время заметил, что в небе снова засияла звездочка. Пинасс возвращался. Однако это оказался другой аппарат, не Карой.

Пинасс был оранжевый, класса «три крыла», и принадлежал спасательной службе. Из кабины на траву выбрался Джума Хан, помахал рукой, подходя. Мальгин почувствовал укол совести и неприятный холодок в груди: если бы Джума прилетел на минуту раньше, он застал бы Карой, хотя сам Клим и не был инициатором встречи. Что было бы, прилети врач десять минут назад, говорить не приходилось.

— Привет, путешественник, — скупое улыбнулся Джума (по-ромашински, подумал Мальгин). — Что-то выглядишь ты бледновато, не по погоде, не любишь загорать?

— Не успел, да и гости отвлекают. Только что от меня улетела Карой.

Джума поднял брови, в глазах его мелькнула хмурая отчужденность.

— Карой? Это любопытно.

Они смотрели друг на друга некоторое время, проверяя впечатление и реакцию, но Мальгин закрылся «наглухо», и прочитать, что творится в его душе, Джуме не удалось.

— Не возражаешь, если я посижу с тобой полчася? — Врач «Скорой» огляделся. — Благодать-то какая...

Клим надул два матраса и улегся в тени клена, одного из редких лиственных деревьев среди сосен и елей. Джума расстегнул рубашку и пристроился рядом.

— Как здоровье?

— Нормально. Я здесь уже третьи сутки отдыхаю, не думал, что это так приятно после покорения пространств. В суете и обыденности бытия как-то мало задумываешься над философскими проблемами, смыслом жизни, над своим местом в системе отношений и в межчеловеческом пространстве. А ведь жизнь — это лишь пауза между рождением и смертью, антракт между двумя сценами, как сказал бы Ваня Заремба, завзятый театрал. Каждый заполняет эту паузу сам, в меру таланта и способностей, не рассчитывая терять, рассчитывая только приобретать. По молодости лет я все считал, что мои потери зависят не от меня, а только от внешних обстоятельств, а теперь вдруг понял: я и только я виноват в том, что терял. Хотя в отличие от поэта с потерями не согласен.

— Это хорошая формула, я, пожалуй, возьму ее на вооружение. Но ведь не всегда точно знаешь, что твои лучшие побуждения могут обернуться потерей. Например, будучи женатым человеком, я неожиданно вывел другую формулу: не целуйте спящих жен, они пугаются.

Мальгин подумал.

— Это наводит на размышления.

— Вот именно.

— Если жена пугается, она не уверена, что ее поцеловал...

Джума засмеялся.

— Примерно так же рассуждал и я, и в результате — Карой ушла. Так что, как видишь, я далеко не идеал. А вообще всерьез вести такие разговоры трудно, тем более с умным собеседником.

— Согласен. В каждом из нас сидит свой «черный человек», ждет своего часа, и бороться с ним порой просто нет сил.

— Тебе ли плакаться, мастер? По-моему, до сих пор ты справлялся со своим «черным человеком» успешно. Это Шаламову труднее, а нам с тобой не пристало жа-

ловаться при наличии мощных сдерживающих систем. Я не узнаю тебя, Клим.

— Я сам себя не узнаю, — пробормотал Мальгин.

Где-то в лесу послышался шум, словно кто-то на бегу застучал по стволам сосен. Такой звук Мальгин слышал впервые, на ум пришло слово из лексикона Бажова: голк... По лесу гулял звонкий, светлый, деревянный голк...

— Дятел, — сказал Джума Хан, прислушиваясь. — Лупит по сухой сосне. Ты уже знаешь, что орилоунский трансгресс, о котором упоминал маатанин в разговоре с Шаламовым, в Антарктиде не найден?

— Мне говорил Ромашин. Решено вести поиски и в Северном Ледовитом океане. Но и там его вряд ли найдут.

— Сведения от самого Ромашина?

— Конечно. А твои?

— Из первых рук. Я уже не стажер отдела безопасности, а рядовой оперативник.

— Поздравляю, если только выбор твой обоснован. Как и Оскар Уайльд, я тоже люблю мужчин с будущим... и женщин с прошлым.

По лицу Джумы прошла тень. Он поколебался немного, потом все-таки спросил:

— Клим, можешь не отвечать, если вопрос покажется чересчур личным, но все же: чем объясняется визит к тебе Карой?

— Скукой, — ответил Мальгин, наблюдая за гаммой чувств, отразившейся на лице собеседника: интерес, ожидание, недоверие, облегчение. — А насчет поисков орилоухской машины, — продолжал Мальгин, — я посоветовал бы искать ее иначе: дать задание большому интелмату спас-центра покопаться в ПОБах*, содержащих всю подробную картографию Земли вплоть до дна океанов и морей, и проанализировать формы релье-

---

* ПОБы — проблемно-ориентированные банки данных.

фа, близкие к геометрии орилоухских, зданий, причем не только живых, но и мертвых, то есть скелетов, как на Страже Горловины.

Джума неожиданно рассмеялся. Клим поднял брови, не понимая причины смеха. Бывший врач толкнул его в плечо:

— Не обижайся, просто мы с тобой действительно схожи по складу ума. Эту идею я уже предложил Лондону.

— Кому-кому?

— Это новый начальник отдела вместо Ромашина, работал в погранслужбе, потом заведовал Североамериканским филиалом Б. Мужик толковый. Говорят, он прямой потомок Джека Лондона, и хотя я в прямую генеалогию не верю, он действительно похож на Джека почти как две капли воды.

Мальгин вспомнил слова Купавы и проговорил:

— Передавай ему привет. Джек Лондон — один из самых любимых моих писателей, его циклы рассказов, как северный, так и южный, можно перечитывать всю жизнь. Я благодарен ему за то, что он был, а судьбе за то, что она позволила начать изучение литературы с его «Конца сказки» и «Прибоя Канака».

Джума молча вскинул руку прощальным жестом и полез в кабину пинасса.

— Подожди, — вспомнил Мальгин. — Ты-то с какой целью нашел меня в этой глуши?

Новоиспеченный безопасник придержал дверцу машины.

— Во-первых, я соскучился, во-вторых, Ромашин просил передать, что твоей расчетливости предстоит экзамен в самом ближайшем будущем.

— Поясни, не совсем уразумел.

— У слова «расчетливость» шесть тысяч орфографических вариантов, но смысл всего один. При появлении Шаламова ты должен рассчитывать каждый свой жест, и это время не за горами. Он вернется на Землю, оди-

ночество — не его удел, потому что он все-таки не совсем «черный человек». И еще учти, что он способен трансформировать внешность.

Хан захлопнул дверцу, пинасс, прошелестев обшивкой по кустам, скрылся за верхушками деревьев.

День померк.

Джума улетел озадаченный, а может быть, и уязвленный — если понял значение визита Карой, неожиданного лишь для него; Мальгин-то его ждал, чего уж там греха таить, хотя ждал и другой встречи, которой он одновременно боялся, как удара в спину. Он боялся Купавы, потому что не мог гарантировать собственной твердости и дружески ровного к ней отношения; он боялся ее, потому что давно простил, но не простил самому себе; он боялся, потому что любил ее до сих пор, хотя и казалось ему иногда, что это чувство размывается, как рисунок акварелью под дождем. И не потому ли так легко ему было с Карой? Женщина была независима, свободна в решениях и поступках в той же степени, в какой он был несвободен. Господи, зачем ты формулу «нет любви без препятствий» возвел в ранг абсолюта?..

Мальгин очнулся: из лодки на него вопросительно и странно смотрел незаметно подплывший отец.

— Ты что-то сказал, па?

— У тебя сегодня день приема гостей? Кто это был?

Заноза тревоги вошла в сердце Клима с этим вопросом и так и осталась, пока он умывался, собирал вещи и одевался.

— Па, я должен идти, извини. Есть неотложные дела. Не сердись, ладно?

— Жаль, — тихо, с грустью сказал старик. — Как я могу на тебя сердиться? Береги себя.

— Спасибо за два прекрасных дня, два вечера и две ночи. Я отдохнул так, как не отдыхал никогда в жизни. Мы еще порыбачим с тобой, обещаю.

Старик прижал его к себе, уколол небритым подбо-

родком: он никогда не брился на природе, отращивал бороду, пробормотал:

— Ты изменился, Клим...

Мальгин поцеловал его в темную от загара шею и пошел, не оглядываясь, к их туристскому пинассу.

* * *

Заремба вошел в кабинет в тот момент, когда Мальгин собирался выключить связь с «Гиппократом»: он успел узнать все новости института и размышлял теперь о том, с чего ему начинать в первую очередь.

— Привет директору, — сказал молодой нейроконструктор; руки, как всегда, в карманах, на лице непробиваемая безмятежность, в глазах любопытство. — А Богдан говорил, что ты выйдешь только в августе.

— А я еще не вышел, просто заглянул ради интереса. «Гиппократ» сообщил, что ты успешно сделал сложную операцию на ганглион спинале*. Поздравляю.

Заремба небрежно махнул рукой.

— Не стоит поздравлений, я могу работать и сложнее.

Мальгин засмеялся.

— Ты не меняешься. Как дела у Стобецкого?

— У него тоже ничего не меняется: работает, бурчит, каждую неделю ходит в театр с новой дамой. Лучше расскажи, где ты пропадал, — вдруг жадно сказал Заремба. — А то слухи ходят один страшней другого. Где Шаламов? Что там у вас произошло?

На миг в душе Мальгина шевельнулось дремлющее раздражение, он отвык от манеры поведения Зарембы, парень так, наверное, и не отвыкнет от амикошонства, не научится тактичности самостоятельно, надо бы позаниматься с ним, хотя чувство такта, деликатность и галантность должны быть врожденными, генетически за-

---

* Ganglion spinale — спинномозговой узел.

программированными. А их планируемое приобретение в зрелом возрасте — процесс длительный и не всегда результативный...

— Какие слухи ты имеешь в виду? — спросил Мальгин, снимая эмкан и приглаживая волосы.

— Говорят, ты дрался с Шаламовым, но тот превратился в «черного человека» и удрал на Орилоух. А еще говорят, что ты стрелял в него...

— Кто говорит? — наливаясь яростью, сипло спросил Мальгин.

Заремба испуганно отступил, в замешательстве почесал верхнюю губу.

— Да ребята, из неврологического, Стоун, Роб, Жека...

— А они откуда знают такие «подробности»? Кто их источник информации?

— Не знаю точно. — Заремба пожал плечами. — У Роба приятель в спас-центре, может, он?

— Имя приятеля не помнишь?

Молодой нейрохирург засмеялся, преодолевая внутренний трепет: он никогда не видел у товарища та к и х глаз, в них плавилась ненависть и угроза.

— Ты ведешь себя, как на допросе. Имени приятеля Роба я не помню, спроси у него сам. Так ты расскажешь о своих приключениях?

— Расскажу. — Мальгин взял себя в руки; он уже понял, откуда ветер дует, информатором Роба, равно как и Купавы, мог быть только один человек — Марсель Гзаронваль, мстивший ему подобным образом. — Позже расскажу. Не обижайся, Иван, я еще не совсем здоров, и мне вредно волноваться.

Заремба торопливо закивал, выставил вперед ладони.

— Все понял, прошу прощения, Клим, но смотри — ты пообещал. Моя помощь не понадобится?

— В чем? — усмехнулся Мальгин через силу. — Спасибо за сочувствие, обойдусь, Таланов у себя?

Заремба как-то странно посмотрел на него.

— Тебе разве никто не говорил?..

Мальгин молча смотрел на коллегу; тот снова почувствовал себя неудобно.

— На Совете академии Таланов снял с себя обязанности директора и взял месяц на отдых. Мотивировал тем, что не предусмотрел последствий пробуждения Шаламова и тем самым подверг риску ни в чем не повинных людей.

Вставший было Мальгин снова сел.

— А «Гиппократ» этого мне почему-то не сообщил... странно... Что Богдан собирался делать?

— Сказал, что будет согласен с любым назначением, и Совет принял решение поменять вас местами. Так что ты теперь — без пяти минут директор. Ты разве не слышал, как я тебя приветствовал?

— Думал, ты шутишь, как всегда.

Мальгин медленно и глубоко вдохнул и так же медленно выдохнул: в голове тонко задергал-запульсировал сосудик, и тотчас же ожил «филер» на груди — его писк был слышен только хозяину.

Такой новостью можно свалить здорового, подумал Клим, а я еще действительно не в форме. Бедный старикан, что ему пришлось пережить! Он ведь на самом деле всю жизнь будет считать себя виновником случившегося, и доказать обратное ему невозможно, уж такой он человек. Если уж он вбил в голову какую-нибудь идею — обухом не выбьешь. Кремень... Дредноут!

Последнее слово Мальгин произнес вслух.

— Кто? — не понял Заремба.

Мальгин очнулся.

— Я, конечно. Не обращай внимания, это эвфемизм. Ты иди, пожалуйста, Иван, мне надо побыть одному. Не говори, что я в институте, не хочу паломничества, хватит с меня и твоих расспросов.

Хирург подошел, похлопал его по плечу и вышел, несколько разочарованный тем, что не смог полностью

удовлетворить своего любопытства. Однако он быстро примирился с неудачей и тут же переключал внимание на новый интерес. Мальгин невольно позавидовал легкости его характера, сам он был слеплен из другого теста.

На груди снова зашелся писком «филер».

— Слышу, слышу, не нервничай, — буркнул хирург. — И без тебя ясно, что мне необходима консультация.

Он позвонил Купаве, не включая обратной связи, полюбовался на крошечное существо в колыбели, возле которой топтался робот-нянька с немыслимым набором игрушек, и вызвал отдел безопасности УАСС.

4

Уже после второго путешествия по «струнным» трассам, связывающим Орилоух с «живыми» станциями метро на других планетах, Шаламов ощутил потребность делиться с кем-нибудь своими открытиями. «Черный человек», которого он не отпускал, таская за собой в качестве гида, живого справочника и просто собеседника, замкнулся в себе и все реже отвечал на вопросы, а скафандровый микрокомпьютер не годился для роли сопереживателя и товарища, его забота не распространялась на душу хозяина. И тогда снова вернулась мысль посетить Землю и забрать с собой Купаву. Это был бы самый благодарный слушатель и сопереживатель из всех возможных, включая даже ученых-ксенопсихологов, а уж что показать Купаве — Шаламов знал.

Первый прыжок с Орилоуха после схватки с чужим автоматом, из которой Даниил вышел победителем, впервые воспользовавшись «универсалом», занес его в иную галактику, на планету, где царствовала электрическая жизнь. Ничего в ней не поняв, Шаламов стартовал снова

и оказался за пределами местного скопления галактик, в которое входили и Туманность Андромеды и галактики в Волосах Вероники, и Галактика, давшая жизнь Солнцу.

Орилоун-метро, выбросивший спасателя с «черным человеком» на поводке, с первого взгляда был установлен на небольшом по космическим масштабам скалистом планетоиде, изъеденном порами, как голова сыра. На самом же деле «планетоид» оказался чудовищным скелетом жившего некогда существа! В поперечнике скелет-планетоид достигал шестисот шестидесяти шести километров! Сам Шаламов, наверное, никогда не догадался бы, что это такое, новость сообщил ему маатанин, взволновавшийся на короткое время. Потрясенный спасатель долго не мог прийти в себя от неожиданности, бродя по «внутренностям» монстра, но не верить «черному человеку» не мог, маатане не были способны на ложь, да и на творческую фантазию тоже.

Исполин был мертв давно, сотни тысяч лет, но трансгресс-метро на нем работало исправно, как ни в чем не бывало, хотя от старости само превратилось в «скелет».

Не найдя на «труп» ничего достойного особого внимания, Шаламов отправился дальше и вышел на Орчлоухе, только в другом районе. Снова нырнул в «струну» мгновенной транспортировки и вылез под водой неизвестно где...

Потом были десятки голубых, красных, желтых солнц, гигантов и карликов, с планетами и без них, вращающихся вокруг «черных дыр» и нейтронных звезд, в шаровых скоплениях, в эллиптических, спиральных и не имеющих определенной формы галактиках, а однажды Шаламов вышел из метро, выраженного в системе квазара, и в течение суток любовался грандиозной картиной горящего обломка праматерии, сохранившегося с момента Большого взрыва Вселенной.

А потом идущий внутри Шаламова процесс распада

психики достиг той стадии, когда включение памяти «черного человека» стало уже не раздражающим, а приятным фактором, хотя сам Даниил не понимал, что при этом состояние озарения сопровождается устойчивым безразличием ко всему, что еще недавно казалось интересным и волновало душу. Вспыхивающее восхищение быстро сменялось равнодушием, интерес к новым ощущениям гас, разгорался ненадолго и снова потухал; человеческая психика все еще боролась за власть внутри Шаламова, но силы были уже неравны — подсознание, принадлежащее маатанской психике, постепенно подчиняло сознание, а таявшему человеческому обломку «я» все труднее было контролировать поступки хозяина. Спасти личность Шаламова могла бы только немедленная операция.

Вернулись головные боли, появилась тяга к обычной человеческой пище, несмотря на то, что спасатель не был голоден, приспособив организм к прямому поглощению энергии, как это делали «черные люди».

Спустя неделю с начала путешествия Шаламов заметил, что за ним следует тот самый непонятный орилоухский автомат с «миллионом глаз», с которым он столкнулся еще на Страже Горловины, когда гнался за сбежавшим маатанином. На запросы «глазастый» фантом не отвечал, только смотрел, а когда Шаламов брался за пистолет — исчезал, словно понимая, к чему это может привести. Однако исчезал ненадолго, на час-два, чтобы потом выскользнуть из ниоткуда, как стеклянная змея, и превратиться в зыбкое полупрозрачное облако со множеством живых, внимательных, мигающих вразнобой глаз.

На вопрос Шаламова: «Что это такое?» — «черный человек» ответил коротким: «Было всегда», — но пояснить свой ответ не стал. В конце концов спасатель привык к необычному преследователю будто к детали пейзажа и перестал обращать на него внимание: «глаза-

стый» был безвреден и представлял собой скорее всего автомат-наблюдатель.

Почувствовав, что ему становится хуже, Шаламов решил серьезно поговорить с маатанином: многое из того, что всплывало в сознании из хранившихся в памяти запасов маатанских знаний, оставалось непонятным, хотя спасатель уже знал главное: кто такие маатане, как возникла их «цивилизация», что такое Орилоух и для чего создан Страж Горловины. Но оставались «темные» знания, передаваемые маатанами из поколения в поколение и не используемые ими в повседневной жизни, вот они-то и будоражили остатки любопытства Даниила. Ему казалось, найди он ответ на все загадки — и его болезнь прекратится сама собой или он сможет вылечить себя сам, без помощи хирурга Мальгина и земных врачей вообще, поэтому Шаламов наконец перестал метаться по неизвестно кем созданной сети мгновенного масстранспорта и попытался разговорить молчаливого «черного человека», полного непонятной тоски и скорби.

Вышли они в угрюмом дождливом мире с низкими, зеленоватыми тучами, нависшими над серо-коричневыми, рябыми от дождя водоемами и голой скалистой почвой, черной и блестящей от пленки воды.

Джордж определил, что вода в этом мире насыщена целой смесью кислот от серной до плавиковой, и Шаламов вынужден был вернуться в сухой грот метро; глазастый орилоухский автомат остался висеть снаружи, видимо, погода ему нравилась.

Шаламов уже знал, что «черные люди» не имеют имен, хотя это и не мешало им различать друг друга, но для определенности называл «своего» маатанина Отшельником.

— Послушай, старик, — просигналил он мысленно, свободно переходя на маатанский. — Я, конечно, мог бы оставить тебя помирать, коль уж тебе приспичило, но все же войди в положение, мне тяжело носить в себе

драгоценный груз, не зная, как и где его можно применить. Откуда пришли ваши хозяева, Вершители, как ты выражаешься, я понял, но зачем они оставили вас одних? Да и орилоунов тоже? Бросили за ненадобностью или рассчитывали вернуться? И почему тогда не вернулись? Ведь прошли уже тысячи лет, если не миллионы.

— Маатане давно перестали быть теми, кем их создали Вершители, и хозяев у них нет.

— Обиделся? А с виду камень камнем. Ладно, мне все равно непонятно, зачем эти самые Вершители провалились в нашу Вселенную из своей, сотворили вас, орилоунов, колоссальную систему мгновенного перемещения, охватившую десятки галактик, и ушли. Кстати, ты на самом деле не знаешь, что это за «мешок с глазами» сопровождает нас?

— Было всегда. Сначала появиться они, потом Вершители. Сделать Орилоух. Орилоуны создать нас... мы искусственные существа.

— Ну это я знаю. М-да, понятно... что ничего не понятно. Как хоть выглядят Вершители? Ты их видел?

— Они везде и нигде, они могут быть всем и ничем, от атома до звезды, они принимать любой облик...

— Ну-ну, не пересказывай только всю свою религию, я сыт ею по горло. Похоже, вы деградируете, Отшельник, вас хватило только на то, чтобы создать религию, а запасы знаний, добытые для вас Вершителями, вы умудрились засунуть в компьютеры и забыть про них. Зря я тебя таскаю за собой, плохой ты помощник, а гид и вовсе никудышный. Кто бы мог заглянуть мне в башку и выпустить на волю все, что там записано?

Шаламов вздохнул. Его мутило, голова раскалывалась от боли, хотелось принять душ, выпить молока и лечь спать в чистую, благоухающую свежесть постель, хотя, с другой стороны, он отлично знал, что ни в чем таком не нуждается.

— М-да, вахлак ты, Отшельник, прости меня гос-

поди! Столько в тебе запасено информации! — а поговорить не о чем.

— Не видеть смысла, хомо.

— Зато я вижу, дубина ты стоеросовая! Мне на Землю надо, хочу забрать с собой... свою половину, а ты не хочешь помочь.

— Что значит «свою половину»? Ты — не есть целое?

— Не поймешь. Она поможет мне, да и вдвоем веселей будет. Как туда добраться? Можно ли нащупать канал связи с метро на Земле?

— Попросить орилоуна, он доставит тебя куда надо.

— А разве орилоухские метро соединены не случайным образом?

— Это не есть рационально. Каждый соединяться с каждым.

Шаламов присвистнул.

— Ну и дурака же я сваял! Надо было раньше сообразить. Что ж, лучше поздно, чем никогда. В таком случае поехали домой. И не возражай, не поможет. Побудешь гостем, покажу Землю, нашу жизнь. Ведь тебе все равно, где помирать?

— Снова хомо упоминать этот странное понятие «помирать», хотя я и понимать, о чем идти речь. В лексиконе маатан нет такое понятие, и если маатанин терять интерес к жизни или исчерпать лимит бытия, это не значит, что он хочет собраться «помирать».

— Отшельник, не надо нагнетать страсти вокруг маатанской смерти, ваша «философия» мне известна. Я мог бы вообще с тобой не церемониться, зная, кого спас в Горловине, а я, как видишь, довольно вежлив.

— Хомо, твоя половина во мне заставит меня много переосмыслить, и я тоже не мочь поступать так, как поступить бы на мое место любой маатанин. Но все же ты не знаешь, как умирать маатанин. Это опасно для всех твои соплеменники, не только для ты один. Еще

ни один маатанин не умирать в эта Вселенная. При достижении предела бытия в нас просыпаться вторая целевая программа, и мы уходить в тот мир, откуда прийти Вершители. Мой срок близок очень, весьма, сильно, я должен уходить, не задерживать меня. Да!

— Подождешь, — буркнул ослотивший Шаламов. — Отпущу, когда объяснишь все, что я храню в своем сейфе. — Спасатель шлепнул себя ладонью по затылку. — Кстати, почему ты полез в Горловину? Разве ваше собственное маатанское метро, этот ваш Хранитель Пути, не мог доставить тебя к Вершителям? Или куда ты там собрался?

— Нет, остаться только два, может быть, три живых орилоуна, способность к выводу в иную Вселенную через «серую дыру», да и то они больные и мочь необратимо трансформировать уходящего.

— Посмотрим. Любопытно будет взглянуть на мир Вершителей, да и на них самих. Первым делом я спрошу, чего им у нас было надо. Пришли, покрутились, бросили своих слуг и ушли. Ну что, вперед? Кстати, наш «глазастый» призрак-преследователь, кажется, остался наконец. Послушай, Отшельник, а что если я спрошу у него, он поможет?

Маатанин не ответил.

Пожав плечами, Шаламов, подбадривая себя, пропел дурным голосом: «Где над омутом синее тонкий лед, там часочек погощу я, кончив лет»*, — и нырнул в открытую дверь чужого метро.

* * *

Боль внезапно отступила, сменилась волной возбуждения, и Шаламов, с трудом пробившись из внутренних метро наружу сквозь забитый песком, грязью и льдом выход, даже засмеялся, увидев над головой темно-синий купол неба с полосой Млечного Пути.

---

* И. Анненский.

— Слава богу, дома! Слышишь, Отшельник? Красиво у нас, на Земле? Кажется, вылезли мы где-то в северных широтах, в зоне мерзлоты.

— Я плохо видеть, у вас сильно темнота.

— Извини, я забыл, что ты видишь в другом интервале спектра. У вас, на Маате, тоже не очень-то светло с моей точки зрения. Теперь держись, я буду действовать по своему усмотрению. Рано или поздно нас, конечно, засекут, поэтому действовать надо быстро, не хочу я объяснений с властями. Одно хорошо, что ты есть не хочешь и на горшок не просишься, это великое преимущество маатан перед людьми.

Понял ли «черный человек» грубоватый юмор Шаламова, неизвестно, но возражать не стал. При свете звезд на фоне земного пейзажа: тундра, край озера, приземистая березовая роща неподалеку, — маатанин выглядел настолько необычно, что Шаламов возблагодарил его Величество Случай за прибытие в полночь. До утра они успеют найти транспорт и упрятать бесформенную глыбу вместе с ее «гнездом». «Черный человек», конечно, не ведьма на метле, но встреча с ним любому нормальному человеку может стоить сердечного приступа: что издали, что вблизи — нечистая сила, да и только!

Шаламов ухмыльнулся и, пристроив на теле маатанина свой скафандровый «динго», превратил того в двухметровый снежный ком. Затем утопил скафандр в озере, приметив место, с неведомым доселе наслаждением искупался сам, хотя вода была по человеческим меркам исключительно холодной, и принялся искать транспорт. Через полчаса дежурный куттер общетранспортной инспекции доставил его к станции метро на Таймыре. Внушив пилоту, что он отвозил влюбленную парочку, Шаламов отыскал кабину для «негабаритных» пассажиров и вышел в Брянке.

Купавы дома не оказалось.

Побродив по комнатам, Даниил сел на кровать и несколько минут размышлял, вспоминал ее поведение

в последние дни перед его неудачным кенгуру, жесты, улыбку и голос. Проснулась головная боль, а вместе с ней и древние атавистические инстинкты ревности, обиды и пренебрежения нормами этики. Справиться с ними было нелегко, да и не очень хотелось. В условиях постоянной внутренней борьбы двух психик и медленной, но растущей дезорганизации личности Шаламовым начинали командовать те стороны характера, о существовании которых он и не подозревал и которые остались в человеке от его общих предков по эволюционной лестнице — динозавров и хищных млекопитающих: индивидуализм, высокомерное сознание собственной исключительности, бессердечие и равнодушие. Правда, все эти черты пока еще сглаживались волей, сознанием и запасом лучших человеческих качеств, свойственных Шаламову в прежней жизни, врожденных и воспитанных, но моменты равновесия наступали все чаще и чаще, а сам Шаламов не способен был проанализировать свои мысли и поступки с точки зрения стороннего наблюдателя. Мелькающие изредка сомнения в правильности принимаемых решений и мысль: он что-то упускает из виду, что-то делает не так, — таяли, как мираж, оставляя в душе саднящий след. И все же спасатель верил в свои силы, нося в себе знания, расшифровка которых позволила бы землянам решить проблему контакта не только с орилоунами и маатанами, но и с загадочными их прародителями, перекинувшими мост между двумя Вселенными еще в те времена, когда по Земле бродили мамонты...

Мальгин, подумал Шаламов с неприязнью. Купава может быть только у Мальгина... черт его побери! Он же ее до сих пор любит, это заметно невооруженным глазом. Но с другой стороны, Клим исключительно щепетилен в вопросах чести, искренне считая меня своим другом. Не может он перемениться вдруг, не тот человек... «человек-да». М-да... А с третьей: меня уже могли сплести с довольствия, погиб, мол, на Орилоухе, вот и раз-

вязали ему руки. Да он из простой заботливости обязан был забрать Купаву к себе, да и ребенок его...

Шаламов вскочил, снова сел, но успокоился только после того, как обдумал план дальнейших своих действий. Хотя во время последней своей встречи с Мальгиным он и был не очень вежлив, тем не менее помня изречение Бернарда Шоу: «Берегись того, кто не ответил на твой удар», — должником себя не считал. «Ты сам во всем виноват, Клим, — подумал он, — я не отбирал у тебя жену, она ушла от тебя сама... по неведомому даже мне зигзагу настроения. А если думаешь, что я этому был дико рад, то глубоко ошибаешься. Это только со стороны кажется, что мы остались друзьями, да тебе самому, на самом деле мы враги. Жаль, что ты этого не понял раньше. И, кстати, мне Купава нужней, она это поняла. Если бы она была нужна тебе, она бы не ушла...»

Спасатель вызвал городское транспортное бюро по обслуживанию населения и заказал грузовой куттер. Интелмат бюро не удивился вызову, хотя шел второй час ночи, и пообещал подогнать машину через пятнадцать минут.

— Вот и все, — сказал Даниил «черному человеку». — Скоро мы будем далеко отсюда, осталось уладить кое-какие дела. У меня предчувствие, что ухожу я отсюда надолго. Юкиккирини*, как говорят японцы.

— Мне жаль тебя, — ответил с необычной, прорвавшейся совсем человеческой тоской и горечью маатанин,

5

...Он бежал, задыхаясь, по странному и сложному лабиринту, сворачивая в бесчисленные коридоры с чер-

---

* Навсегда, надолго.

ными стенами и светящимся потолком, полные жутких теней и танцующих призраков, слепленных из струй лилового тумана. Сзади все явственней доносился тяжелый топот, сотрясавший лабиринт: кто-то черный, бесформенный, страшный, без лица и без ног, догонял и жег спину угрожающим взглядом. «Как же он бежит без ног?!» — мелькнула мысль, но тут же была задавлена темным, слепым ужасом, поднявшимся из глубин души. Мальгин уперся в тупик и повернулся к преследователю лицом. «Черный человек» тоже остановился и начал менять форму, превращаться в невиданное существо, помесь тигра, орла и дракона с человеческой головой...

Все исчезло. Мальгин шевельнулся и бессмысленным взглядом осмотрел комнату. Он лежал на кровати, мокрый от пота, одеяло валялось на полу, исчерченном голубыми полосами света. Тревога не проходила. Какие-то смутные ассоциации продолжали роиться в голове, чье-то лицо, бледное, странно знакомое и в то же время чужое, маячило на стене, притягивало взор, будило неуверенность и страх.

Мальгин рывком поднялся. Это был просто лунный блик на стене, высветивший кружевной узор старинной картины. И все же тревожное ощущение чьего-то присутствия осталось. Клим вспомнил слабый шорох в гостиной, который он принял за звук упавшего одеяла, бешумно встал и выглянул из спальни.

Дымящиеся столбы лунного света пробивали гостиную насквозь, придавая ей нереальную призрачность воздушного замка. Никого. Все на своих местах. Тишина. И запах...

Обоняние у Мальгина было, как у собаки, поэтому, приняв себя, он сразу выделил из спектра домашних запахов тонкий незнакомый аромат, чужой этому дому. Так могла пахнуть лунная пыль... или марсианский лишайник...

Хирург включил свет, обошел все три комнаты, опустевшие после ухода Купавы. При ней в доме вечно торчали какие-то друзья и подруги, бросая свои и вещи хозяина, где попало. Никого. М-да, не хватало только горячечных бредовых снов. Однако откуда в квартире этот слабый, но отчетливо чужой запах? Может быть, из сада? Ночные цветы?..

Мальгин выглянул в окно, постоял с минуту, прислушиваясь, потом выключил свет и вернулся в спальню. Левую ступню вдруг пронзил укол боли. Клим присел, пошарил рукой и поднял с пола миниатюрный значок, очень тяжелый, похожий на бокальчик с отбитой ножкой: диаметр чаши — около сантиметра, длина игловидной ножки — тоже около сантиметра, а цвет неопределенный, то как стекло, то как ракушечный перламутр... а весит, как будто сделан из осмия... Действительно бокал в миниатюре, только внутри чаши застряла какая-то крошка...

Клим попытался вытряхнуть застрявший в бокальчике предмет, но не смог. Заинтересовавшись, поднес значок к глазам: точно такой же формы чаша, только чуть меньше, а в той еще чаша, и еще... словно набор матрешек, штук шесть-семь одна в одной. Хмыкнув, Мальгин задумчиво подкинул непонятный значок на ладони, весивший не менее килограмма, принялся — запах был тот самый, «лунный». Как же он попал сюда? Сам Клим принести его не мог, а гостей у него не было давно, с момента начала внеземных путешествий. Тогда кто его принес? И когда?

Заныло под ложечкой. Мальгин вдруг ясно и четко представил, как в квартиру проникает неизвестный, скорее всего Шаламов — он знает мысленный код замка — и роняет на пол значок... а потом уходит, удостоверившись, что хирург Клим Мальгин спит один, без Купавы...

— Один, — вслух пробормотал Мальгин, голос был хриплым. — Один, без Купавы...

Эта мысль объясняла все: в доме действительно побывал Даниил, чтобы убедиться, что Купавы здесь нет.

Спокойно, приказал себе Мальгин, ничего еще не произошло, просто фантазия разыгралась, с чего бы Шаламову переться прямо ко мне, когда он мог бы сначала навестить свой собственный дом, не вяжется тут у тебя, мастер, перестань психовать... Но мысль уже рисовала такие картины, с которыми не справлялись ни логика, ни воля, и хирург, не выдержав, набрал номер Купавы.

Нить виома развернулась в плоскость, но глубины не приобрела: с той стороны связь не включили. Прошла минута, другая, третья, на вызов никто не отвечал. И тогда Мальгин испугался по-настоящему. Бросив взгляд на часы в стене — три двадцать три утра, — набрал телекс Ромашина и стал поспешно одеваться. Ромашин ответил, когда он застегивал рубашку.

— Клим? Что случилось?

Выглядел Игнат так, словно спать и не ложился.

— По-моему, у меня только что побывал Шаламов.

Бывший начальник отдела безопасности внимательно рассмотрел лицо Мальгина, отметил его нервозность, кашлянул.

— Что значит «по-моему»? Вы его видели?

— Нет, но... ощущение, что в квартире кто-то был... странный запах... и еще вот это. — Клим показал «значок».

— Что это?

— Похож на значок с отломанной булавкой, но какой-то необычный и весит около килограмма.

— Из ваших гостей никто не мог его обронить?

— Я обнаружил бы его раньше. Повторяю, у меня ощущение, что был именно Шаламов. И еще меня тревожит... — Клим заколебался. — Купава не отвечает на вызовы, дома ее нет. — Заметив взгляд Ромашина, с усилием заставил себя успокоиться, сказал с усмешкой: —

Все-таки неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое.

В глазах Ромашина мигнули колющие огоньки.

— Вряд ли эту формулу можно применить к данной ситуации. Давайте сделаем вот что: проверьте, дома ли Купава, может быть, у нее просто не работает связь, а я кое-кого предупрежу. Встретимся возле ее дома. Идет?

Клим кивнул, уколол руку «значком» и, спрятав его в карман, вызвал такси к дому.

Начало уже светать, когда он, преодолев две тысячи километров на метро, а остальные десять на такси, позвонил в дверь квартиры Шаламова, подождал, позвонил снова и вошел, мысленно приказав двери открыться.

В квартире стойко держался тот же самый запах, что появился и в доме хирурга, ошибиться было невозможно, а сама квартира была пуста и прибрана, Купава исчезла. Исчезла и колыбель с антиграв-подвеской. Мальгин со звонким туманом в голове сел на несмятую кровать Купавы и сидел так до тех пор, пока в квартиру не вошел Ромашин. Он сразу все понял.

— А не может она поехать к вашему отцу?

— Он сразу бы позвонил.

— И все же я с вашего позволения проверю. — Игнат негромко продиктовал распоряжение в каплю микрофона, свисавшую с мочки уха; на нем уже была рация компьютерной связи, подобная той, что носил недавно Мальгин. — Идемте со мной. С вами хочет познакомиться мой преемник.

— А не рано?

Ромашин молча ждал.

Клим еще раз кивнул и встал.

Они спустились вниз, сели в белый скоростной кутер пограничной службы, из которого выпрыгнули двое крепких ребят в кокосах. Шел шестой час утра, и солн-

це уже встало, вызолотив вершины берез недалекой рощи.

В пути почти не разговаривали. Ромашин покрутил в пальцах тяжелый «значок», вопросительно посмотрел на соседа.

— Вы разрешите взять его на время?

Мальгин безмолвно пожал плечами, решая и в дальнейшем обходиться минимумом слов и жестов. Он искал ответ на вопрос, где могла находиться Купава. Подруге ее новых он не знал, а из старых помнил только Наташу Верченко, проживавшую где-то в Днепропетровске. Но едва ли Купава ни с того ни с сего поедет к подруге, когда у нее есть люди ближе, сестра, например, под Курском, родители Дана в Бежице... Или она все-таки поехала к отцу? Зачем? Да и он сообщил бы...

— Не ломайте голову, Клим, — посоветовал проницательный Ромашин, — отыщется. К сожалению, мое предложение об установлении постоянного наблюдения за Купавой не прошло, СЭКОН добро не дал, поэтому я тоже не знаю, где она, однако по всем адресам, известным мне... и вам, уже пошли люди. Подождем.

Хирург не ответил. Тоска вползала в сердце струей холодного и зябкого тумана, и все время хотелось про-снуться. Купава смотрела на него из памяти тревожно и с ожиданием, словно хотела о чем-то предупредить, и ничего с этим ощущением Клим поделать не мог. Правда, уже в здании спас-центра его усилия взять себя в руки наконец возымели действие, и в отдел безопасности он вошел, повторяя девиз Фихте: «Действовать! Действовать! — вот для чего мы существуем».

В знакомом кабинете, хозяином которого был недавно Ромашин, стоя, разговаривали двое: дюжий, средних лет мужчина, широкий, но болезненно рыхлый на первый взгляд (Мальгин вспомнил, что таких мужчин скорый на эпитеты Шаламов обычно называл «гроб с музкой»), и невысокий, но крутой, весь на качанный, большерукий молодой человек. Лицо у него было оваль-

ное, широкоскулое, с широко расставленными серыми глазами под выпуклыми дугами бровей и с тяжелым подбородком; волевое, умное, серьезное лицо, чем-то неуловимо схожее с лицом Ромашина. Во всем облике этого человека проглядывала спокойная надежность. Мальгин понял, что это и есть новый начальник отдела.

— Знакомьтесь, — сказал Ромашин, поздоровавшись. — Клим Мальгин, нейрохирург.

— Майкл Лондон, — подал широкую сильную ладонь начальник отдела. — Очень приятно.

Мальгин молча пожал руку.

— А это Герхард Маттер, ксенолог, привлечен нами для работы с объектами в Горловине.

— Извините, — шевельнул двумя подбородками Маттер, наклонил голову с громадной лысиной, — слышал о вас много, но все никак не удавалось познакомиться. Заходите в лабораторию, Клим, поговорим. Я сейчас вынужден вас покинуть, дефицит времени просто жесточайший. До встречи.

Он ушел

Лондон поправил усик микрофона у губ, он тоже был включен в систему компьютерной связи, жестом указал на стулья:

— Располагайтесь, побеседуем, хотя Маттер прав: дефицит времени катастрофический. Клим, вы лучше знаете свою бывшую жену... простите...

— Ничего, — сказал Мальгин.

— Ее нет ни у вашего отца, ни у сестры, ни у подруг и друзей, известных нам. Куда она могла отправиться? Вполне вероятно, что панику мы затеяли зря, но Игнат опытней меня, я доверяю его интуиции. К тому же выяснились новые обстоятельства. Пять часов назад обнаружена орилоунская станция метро.

Мальгин невольно вздрогнул, посмотрел на ничем не выдавшего свои чувства (уже знает?) Ромашина, перевел взгляд на Лондона, но от вопроса «где» удержался.

Начальник отдела снова поправил усик микрофона, кивнул.

— Ваша идея оправдалась, равно как идея Джумы Хана, первым ее предложившего. Большой интелмат Геоинститута за несколько часов обнаружил три похожих образования, одно из них оказалось орилоунской транспортной машиной, вернес, ее «скелетом», таким же, как и «храмы» на Страже Горловины. Координаты: северная оконечность озера Таймыр.

— Таймыр? В тундре?

— «Скелет» полностью прячется в слое вечной мерзлоты, видна только его «крыша», да и то лишь сверху, со спутников. По мнению ученых, орилоунские трансгресс-метро — бесконечно сложные объекты, чем больше их изучают, тем больше возникает проблем. Мало того, есть предположение, что эти машины, Страж Горловины и объекты Орилоуха созданы или выращены пришельцами не из нашей Вселенной. По косвенным данным и расчетам эфналитиков, это мир, где размерность дробная, а число координат изменяется с течением двух, а то и трех времен. Это совершенно иная физика, более сложная, чем наша, и более сложная геометрия, таким образом открытие Шаламова — факт исключительного научного и социально-исторического значения! Вот как обстоят дела на самом деле. Теперь о насущных проблемах. Есть подозрение, что орилоунское метро все еще работает, хотя и заплыло торфом, водой и песком, а главное, что в нем обнаружены следы, позволяющие предположить: не далее вчерашнего вечера на Землю прибыли гости.

— Гости? Разве их было много?

— Скорее всего двое. Один, очевидно, человек.

— Шаламов!

— Возможно. А второй... здесь есть неясности. Повторяю вопрос: куда могла уехать Купава с ребенком?

Мальгину стало жарко. «Неужели Данька успел забрать Купаву и увезти ее с собой? — подумал он. — Ку-

да? Зачем?.. Вспомнил о Гзаронвале, но без колебаний решил. — К нему я схожу сам. Парень, похоже, давно ищет возможность и способ переступить границу сложившихся отношений, определил себя на место Дана. Неужели Купава не видит низменных глубин души этого «супермена»?»

— Не знаю, — покачал головой Мальгин. — Я начинаю думать, что Шаламов успел раньше нас и забрал Купаву с собой. Она все же его... жена.

Лондон неожиданно улыбнулся, отчего его лицо преобразилось неузнаваемо. Прав Шатобриан, подумал Мальгин рассеянно, чем серьезней лицо, тем прекрасней улыбка. Правда, неизвестно, к чему относится улыбка Майкла. Видимо, уровни информированности у него и у Ромашина одинаковы, и он тоже знает, что Купава ушла от меня к Даниилу...

— Мы учитываем эту возможность, — сказал Лондон, погасив улыбку. — В этом случае Шаламову будет труднее остаться незамеченным, он потеряет свободу маневра и мобильность. Но прежде, чем объявлять его розыск, необходимо выяснить главное — цель! Цель его действий, вектор устремлений, его желания. И тут нам без вашей помощи не обойтись. Судя по личному делу и послужному списку, Шаламов был личностью неординарной, в его жизни большую роль играло... скажем так, странствие сердца.

— Что вы хотите сказать? — осторожно проговорил хирург.

— Даниил был подвержен эмоциям чуть больше, чем позволяла ему специфика работы, любил рисковать, любил острые ощущения, а его бесшабашность даже вошла в поговорку, недаром его прозвали «сверхрисковантом» спас-центра. Существуют открыватели проблем и их закрыватели, так вот Шаламов — открыватель. Нет?

«Интересно, кто же тогда я, если следовать этой классификации, — подумал Клим, — закрыватель?»

— Пожалуй, — сказал он. — О характере Дана я уже говорил с... э-э, с Игнатом.

Ромашин не пошевелился, будто речь шла не о нем.

— Я знаю. — Лондон больше не улыбался. Он был здорово похож на своего предшественника, не внешне — внутренне, манерой поведения, способностью к оценке вещей, и это обстоятельство сбивало Мальгина с мысли.

— Последний вопрос. Вы уверены в том, что если Даниил будет доставлен в клинику, вы его вылечите?

В кабинете стало тихо, как в пустой комнате. Мальгин задержал дыхание; не ожидая этого вопроса, он не был готов к нему, хотя давно уже в глубине души пытался ответить на него сам. Но ответа для других, как и для себя, у него не было.

— Не знаю, — честно сказал он, помедлив; подумал: «Кажется, прошли времена, когда я на все вопросы такого рода мог ответить «да».

— Это плохо.

— Почему? Какое отношение результат лечения имеет к службе безопасности?

— Прямое: пропадает смысл нашей «охоты» за этим человеком.

Ромашин встрепнулся, хотел что-то сказать, Лондон посмотрел на него, но не прервал речь:

— Игнат не согласен с этим, но у меня другое мнение. У СЭКОНа тоже. Не думаю, что Шаламов способен нанести кому-нибудь вред, поэтому искать его следует только как пациента, нуждающегося в лечении. А если излечить его невозможно, какой смысл в операции поиска и захвата? Понимаете?

— Вполне. Вообще я придерживался такой точки зрения давно. Извините, Игнат. — Мальгин поглядел на невозмутимого Ромашина, тот слегка развел руками. — Но отыскать Даниила все же необходимо, мне обязательно надо встретиться с ним, поговорить, мы не договорили в последний раз, а мне почему-то ка-

жется, что ему плохо... Убежден, он скажет мне, чего хочет.

Ромашин с сомнением покачал головой.

— Клим, он мог убить вас...

— Не убил же? К тому же он мой друг... — Утверждение прозвучало неуверенно и беспомощно. Почувствовав это, Мальгин разозлился. — Не верю я в его полное интрапсихологическое перерождение, не верю! Задавить человеческое в человеке довольно просто, но лишь в том случае, когда он этого хочет, и если применить внешнее психотропное давление, а у Даниила случай особый.

Ромашин вздохнул, встретил взгляд Лондона и пожал плечами.

— Расщепление личности Шаламова — факт, не подлежащий сомнению, я уже говорил, и не учитывать его нельзя. Вы это прекрасно понимаете, Майкл.

— Ноу коммент, — развел руками начальник отдела.

— Обещайте мне, — медленно сказал Мальгин, вставая, — обещайте, что как только вы обнаружите Даниила — предоставите мне возможность поговорить с ним первому.

Лондон тоже встал, не колеблясь, протянул руку.

— Обещаю.

Оставив Ромашина в отделе, Мальгин вышел в парк, окружавший здание спас-центра, и, машинально оглядя деревья, направился по склону холма к реке, раздумывая над всем, что услышал. Солнце уже стояло высоко и пригревало, день обещал быть жарким. Отец, наверное, свернул удочки и бродит по лесу, мимолетно подумал Клим, сожалея, что оставил старика одного. Что-то мешало ему, словно натирающий ногу мокасин или тесный ворот рубашки... нет, словно головной убор! Мальгин вспомнил о подарке Ромашина, потрогал дугу «защитника», спрятанного под волосами, и вдруг укол тревоги заставил его вздрогнуть и очнуться. Гзарон-

валь!.. С визитом к Гзаронвалю следовало поторопиться. Если Купавы нет и у него, значит, Шаламов действительно забрал жену с собой. Данька, Данька, баловень судьбы, что же ты затеял еще?..

* * *

Спасатель из группы Жостова жил, как ни странно, под Рязанью, в Спас-Клепиках, в коттедже, стилизованном под старинную русскую избу из толстых бревен, с двускатной крышей и резными наличниками. Ошеломленный Мальгин — даже не предполагал, что родина Гзаронваля не Руан или Марсель, а Рязанщина, как и у матери Клим, — оставил такси у закрытой калитки и огляделся.

Солнце стояло в зените и пекло как по заказу. Улица в оба конца была почти безлюдна, две шеренги похожих друг на друга коттеджей проглядывали оквозь кружевную резьбу листвы плодовых деревьев, возле некоторых коттеджей стояли личноры — машины индивидуального пользования от одноместных пинассов типа «гном» до многоместных скоростных драккаров класса «семь самураев». У дома Гзаронваля личнор не стоял, хотя по характеру спасатель должен был иметь какой-нибудь из престижных аппаратов.

Мальгин прошелся вдоль штакетника, невысокого, символического забора из планок, калитка сама открылась перед ним — автоматика в порядке, — и вошел в сад, окружавший коттедж. Яблони — антоновка, золотой налив, штрифель, груши, экзотичный дуриан (на широте Рязани он вряд ли плодоносит, это уже явный снобизм хозяина), малинник, смородина, заросли крупноплодной земляники — все, как полагается. Где же хозяин?

Что-то зашуршало в малиннике, у Мальгина екнуло сердце. Из кустов выползло страшилище, похожее на крокодила и древних динозавров, глянуло на гостя

стеклянными глазами, стрельнуло длинным розовым языком. Дракон Коммодо! М-да...

Мальгин покачал головой, усмехаясь в душе. Все-таки Гзаронваль верен себе даже в таких мелочах, привычка выделяться, хотя бы внешне, у него в крови. Правильно, выходит, Клим вычислил его сущность во время первой встречи. Надо же — притащить на дрез-нерусские равнины заморского дракона! И посадить дуриан! Что он с драконом делает зимой? Отвозит домой, на остров? Или эти гигантские ящерицы зимой спят? А экземпляр неплох, метра три с половиной от морды до кончика хвоста...

Клим потрепал медлительное пресмыкающееся за отставшую на затылке кожу.

— Что, зверь, холодно и скучно? Где твой хозяин?

Дракон мигнул, снова показал язык и уполз на солнцепек.

— Вы Сеню ищете? — раздался сзади женский голос.

Мальгин обернулся. Из-за разросшихся кустов смородины на него смотрели две пары глаз, принадлежащих женщине средних лет с волосами, собранными на затылке в тяжелый узел, и мужчине на склоне жизни, одетому в белую майку и полосатые брюки. На их лицах читалось сдерживаемое любопытство.

Соседи, сообразил Мальгин. Только при чем тут Сеня? Неужто я ошибся адресом и этот дом — не Гзаронваль?

— Добрый день, — слегка поклонился хирург. — Я, кажется, немного промахнулся. Я ищу Марсея Гзаронваля.

Мужчина засмеялся, женщина тоже улыбнулась.

— Это его дом и есть, просто мы привыкли называть его крещеным именем.

— Сейчас модно иметь по два имени, — пояснил сосед. — Мальчишкой он был Семеном Руцким, а вырос — стал Марселем Гзаронвалем. — В голосе соседа

прозвучало осуждение. — Он и вообще-то был слишком заносчив...

— Пантюша, — с укором сказала женщина, краснея, — ну что ты говоришь? Вы его не слушайте, Сеня — мальчик неплохой, просто немножко любит порисоваться, знаете, как это бывает у молодежи? А второе имя взял не из прихоти, просто спас какого-то француза и поменялся с ним именем...

— Он тебе не то еще наплетет... — Мужчина фыркнул. — «Спас»... Знаем мы, кого он и когда спас... Неплохой... базло* он луженое, позер и хвастун, к тому же злопамятный...

— Пантелей!

Мужчина махнул рукой.

— Вот на баб он влияет здорово, этого у него не отнять, раз уж даже ты его хвалишь... Извините, вырвалось, но уж очень хорошо я его знаю. Ну что Пантелей, Пантелей? Вспомни, как он буквально облаял бабушку Улю? А его «шутки» вроде ям и капканов в саду? А что он учудил в прошлом году с компанией друзей? А сколько слез ты из-за него пролила? Хоть одно обещание свое он выполнил?..

— Пантелеймон! — Женщина смутилась, но держалась твердо, хотя и краснела при каждом слове. — Не надо об этом, молодой человек может подумать, что мы со зла...

— Можно подумать, они там, в своей конторе, ничего этого не знают. Я еще много чего могу вспомнить, если понадобится.

Кажется, меня тоже приняли за другого, подумал Клим. Сюрприз за сюрпризом! Ай да Марсель Гзаронваль... Семен Руцкий! Кого же ты спас? Неужели было такое на самом деле? Ведь, судя по реакции соседей, зарекомендовал ты себя «хорошо». Оказывается, наклонности твои имеют глубокие корни в детстве. Куда

---

* Глотка, горло (олонецк.).

же смотрели родители, особенно отец? Кто тебя воспитывал? И что нашла в тебе Купава, кроме мужественного профиля? Какой же слепой она умеет быть! И как часто ее доверчивость и вера в лучшее человека подводит ее саму и друзей.

— Так где же хозяин? — спросил Мальгин.

— Вы третий, кто об этом спрашивает, — буркнул склонный к прямоте Пантелеймон.

— Утром прилетал какой-то мужчина, — извиняющимся тоном пояснила соседка Гзаронваля. — Суровый такой, глаза такие у него... словно он видит все насквозь. Спрашивал про какую-то Купаву. Потом следом за ним пожаловал вежливый молодой человек. Теперь вы...

Шаламов! Первым несомненно был Даниил. А вторым — посыльный Лондона или Ромашина. Опоздал я со своими догадками. Впрочем, это не беда, главное, Шаламов еще не нашел Купаву, а значит, есть шанс его опередить...

— Простите, а Марсель... э-э, Сеня один уехал? Не знаете, куда? Он не говорил?

Соседи переглянулись.

— Один. — Пантелеймон махнул рукой вдоль улицы. — Оседлал своего «носорога» и умчался. Вообще-то он редко здесь бывает, да и то с компанией.

— Сказал, что его ждут в раю, — добавила женщина, виновато и робко посмотрев на спутника. — Но что он имел в виду, извините, не знаю.

— И за то спасибо, — бодро сказал Мальгин. — Прошу прощения за беспокойство. Всего вам доброго.

— И вам того же! — ответили соседи Гзаронваля Руцкого дружно.

У калитки Мальгин оглянулся. Все трое смотрели на него: Пантелеймон, задравши майку и почесывая бледный живот, его жена или, может, сестра, и дракон с острова Коммодо.

В «раю», повторил про себя Мальгин, чувствуя в ду-

ше опустошающую горечь и бессилие. Ждут в «раю». Где он, этот «рай» по-гзаронвальски? Купава, ау!..

«Подожди, мастер, не суетись, — раздался вдруг внутри Мальгина трезвый голос. — Что тебе, собственно, надо? Что ты так переживаешь за чужую жену? Ты же отрезал ее от себя, с кровью, болью и мукой, но отрезал! Какого ж рожна, спрашивается, тебе от нее надо? Пусть за нее беспокоятся те, кому это положено по службе».

«За нее больше некому беспокоиться, — возразил Мальгин-второй, — сестра не в счет, как и сам Шаламов и его родичи».

«Есть отдел безопасности, это его работа. Брось свои сентиментальные замашки, игру в благородство, никого не поразишь, никто не оценит. Вчера ты, кажется, думал о другой женщине».

«Если б все было так просто...»

«Не оправдывайся хотя бы перед собой. Карой пришла не к кому-нибудь, а к тебе, и о Джуме ты в тот момент не вспомнил. Вступил на дорогу — иди до конца».

«А шел бы ты сам!» — сказал Мальгин себе-первому с отвращением, оглядываясь на дом Гзаронваля. Ему показалось, что из окна посмотрел ему в спину кто-то угрюмый и неприязненно-враждебный.

6

В институт идти не хотелось. Вообще никуда не хотелось. Сообщение Зарембы о замене Таланова хотя и взволновало Мальгина, однако думал он сейчас о другом и планов своей дальнейшей судьбы в качестве директора не строил. Поскольку он не знал, где искать Гзаронваля, а вместе с ним и Купаву (наверняка она в компании спасателя), то решил прогуляться на Таймыр, посмотреть на орилоунское метро.

Шел пятый час вечера по Москве и девятый на долготу Таймыра, когда Мальгин вышел из кабины второго таймырского метро в Хатанге (первая станция располагалась в Норильске), ближайшего к океану и к озеру Таймыр, на северной оконечности которого был найден утопленный в земле орилоунский «скелет».

Пока Мальгин искал транспорт, способный доставить его в нужное место, стемнело. Такси так далеко за город не летало, а рейсовый неф уходил в десять по местному времени, так что предстояло провести в Хатанге целых полтора часа, но Мальгин не любил изнывать от безделья и решил погулять вокруг станции метро, не рассчитывая встретить кого-нибудь из знакомых.

Еще дома он несколько раз порывался позвонить Карой, то ли объяснить, то ли просто убедиться, что она есть и не желает его видеть, потом все же нашел в себе силы не звонить. Он не знал, что скажет ей при встрече, а мямлить «как дела? как жизнь? где будешь вечером?» — не хотел. Изгиб судьбы, толкнувший их навстречу друг другу, был ему непонятен, хотя в глубине души Мальгин чувствовал: всему виной не логика и трезвый расчет, и не любовь, может быть, а желание уйти от одиночества, признаться в котором не могли себе ни он сам, ни Карой. И все же странно, что его снова потянуло к этой женщине, словно в доказательство известной истины: очарование разлуки скоротечно... как и очарование встречи, впрочем. Ведь давно все решено и взвешено: нет в мире второй Купавы... или есть?

«Зато совершенно точно есть Карой, — проговорил знакомый голос внутри Мальгина. — И брось притворяться, что можешь справиться со своим желанием увидеть ее снова. Это было бы, кстати, лучшим выходом из положения. Купава к тебе не вернется, даже если — не дай бог, конечно, — что-то произойдет с Шаламовым, она просто мечется от одиночества, не найдя в себе достаточно сил для поддержки, а один ты — половина пары».

«Но Карой меня не любит, она же сама сказала об этом просто, прямо и открыто...»

«А ты точно знаешь, что такое женская любовь? Ее формула: правда хорошо, а счастье лучше...»

«Я не знал, что ты циник».

«Я — это ты, дорогой мой, но циничного я ничего не сказал, это народная мудрость. Не узнаю тебя, ты стал слишком раздражительным и легко выходишь из равновесия. Неблагополучие души — хуже, чем любая физическая болезнь. Может быть, тебе пора отдохнуть от дел, мастер? Полечиться?»

«Нет, я справлюсь».

«Что ж, хотелось бы верить...»

Клим очнулся и, озираясь, попытался определить, куда его занесли ноги.

По-видимому, он вышел не к центру города, а наоборот, попал на окраину. Сзади за деревьями вставало облако света центральной части Хатанги, впереди в сгущающейся темноте вырастали редкие, мозаично светящиеся башни жилых кварталов, соединенные дорожками из хрусталита с зеленовато светящимся покрытием. Чуть вправо виднелась стена какого-то мрачного низкого здания, дорожка огибала его и исчезала за поворотом. Слева начинался пустырь или луг, за которым Мальгин разглядел какие-то неясно видимые громады, увенчанные вертикальными алыми огнями или гроздьями алых искр. Заинтересовавшись, повернул в ту сторону.

Конечно, он шел по лугу, заросшему невысокой травой, пушицей, цветущей камнеломкой, княженикой и мхом, обошел несколько островков карликовой березы и наткнулся на невидимую в темноте узорчатую металлическую ограду в рост человека. Оглянувшись — не видит ли кто? — подпрыгнул и, помогая руками, перемахнул через ограду на ту сторону.

Тот же луг с теми же цветами и травой, но луговые ароматы здесь не превалировали: все перебивали запа-

хи озона и металла, к которым примешивался тонкий горьковатый аромат, напомнивший Мальгину космодром.

Первая темная громада высотой в шестиэтажный дом оказалась, как он уже понял, спасательным шлюпом с включенными габаритными огнями, подогнавшим свою форму под формулу «отдых-ожидание». Перед Мальгиным простиралась взлетно-посадочная площадка курьерских коггов. Возле каждой машины торчал «журавль» с «клювом» энергопитания, у некоторых хлопотали многорукие кибер-погрузчики, но большинство шлюпов было погружено в сторожкий сон-ожидание тревоги. Лишь у тонкой спицы орбитального лифта на дальнем конце поля, где располагались вокзал и пост управления, то и дело сверкали молнии, с шипением стартовали и садились дежурные машины.

Вдруг Мальгину показалось, что над полем пролетел бесшумный косяк электрических птиц или рой светляков. Кольнуло в груди: хирургу почудилось что-то знакомое в этом «рое», отзвук былого происшествия заставил работать память, но «птицы» поднялись выше и затерялись в небе. Ощущение неуютной причастности к непонятному явлению усилилось, Мальгин был уверен, что уже видел где-то нечто подобное, однако память не попылась выдать ему нужное воспоминание, не хватало зацепки.

Обойдя когг, Мальгин двинулся к зареву рабочей зоны и наткнулся на спешащего по дорожке человека.

— Чокко, ты?

— Нет, — ответил Мальгин.

— Кто это еще? — Вспыхнул фонарь. — Кто вы? Каким образом здесь оказались? Ба! Да никак это хирург Мальгин! Ну и сюрприз!

Человек осветил себя, и Клим узнал Жостова, начальника курьерской группы спасателей.

«Черт возьми, это же их база! — сообразил хирург с удивлением. — Как я не догадался раньше? Дан говорил, что их база в Хатанге, а я забыл... Везет же!»

— Здравствуйте, Прохор, — пробормотал он. — Я, кажется, случайно попал туда, куда надо. Вы не можете подбросить меня к северной оконечности озера Таймыр?

Жостов хмыкнул, выключил фонарь; темнота вокруг сгустилась.

— Вас искал Ромашин, спрашивал, не интересовались ли вы кем-нибудь из моих ребят.

— Когда?

— Когда спрашивал или когда интересовался? Если первое, то с час назад. Кстати, он тоже должен быть там, куда вы проситесь. Вообще-то у меня другой маршрут... да и не уверен я, можно ли вам на Таймыр, там у них развернулись какие-то непредвиденные события, зона объявлена «квадратом гарантированного риска»...

— Что за события? Нашли Шаламова?

— По-моему, нет, но... пограничники закрыли зону наглухо.

— Что же делать?

Жостов помолчал, изучая лицо хирурга, выступившее из темноты из-за включившегося освещения кормового люка ближайшего к ним когга. В кармане у начальника отряда пискнул вызов.

— Ладно, попробую помочь. Пойдемте, через минуту стартуем.

Жостов свернул к шлюпу, возле которого началась быстрая предстартовая суматоха: появились, как по мановению волшебной палочки, киберы, какие-то механизмы, люди.

— Понимаете, рейсовый неф на север отправляется в одиннадцатом часу, — забормотал Мальгин, обрадованный и смущенный одновременно, — и я решил прогуляться... а тут стемнело... увидел огни...

— Рейсовые маршруты на север Таймыра отменены, — не оборачиваясь, бросил Жостов, — так что, считайте, вам повезло.

«По старинной поговорке — везет дуракам и влюбленным, — подумал Мальгин. — Дураком я вроде бы не

был, а быть влюбленным хочется взаимно... что весьма проблемагично в создавшейся ситуации. Пока что я способен только разрушать взаимность...»

Он споткнулся, подумал: «Не хватало еще, чтобы я себе что-нибудь сломал...» И вдруг отчетливо понял, что видел над ВПП не стаю светящихся птиц, а... орилоунский автомаг с «миллионом глаз»! Он дважды встречался с ним в Горловине, на планете-кубе, и на Орилоухе. Но почему «глазастый» объявился здесь, на Земле? Что ему надо? За кем он наблюдает?..

Мальгин похолодел.

Как это за кем? За Шаламовым, конечно! А это значит, что Дан и в самом деле на Земле... а может быть, и здесь, близко, на Таймыре...

— Что остановились? — оглянулся Жостов, подходя к осветившемуся при его приближении пандусу люка. — Поторопитесь, у нас мало времени.

Мальгин очнулся и безмолвно последовал за руководителем группы спасателей-курьеров.

В рубке Жостов критически оглядел костюм хирурга и остановил пробегающего мимо парня с пышной шевелюрой.

— Чокко, принеси кокос на мой размер. — Повернулся к Мальгину. — Вам лучше переодеться, в цивильном вас туда не пропустят, а так будете, как все.

Клим кивнул, все еще находясь под впечатлением своего открытия. Шаламов был где-то рядом, и существовал реальный шанс встретиться с ним. «Хорошо, что миллионоглазый орилоун попался на глаза в нужный момент, — подумал хирург, — теперь я буду готов к неожиданностям, а то совсем расслабился. Мне и в самом деле везет. Спасибо случаю, что столкнул меня с Жостовым, мужик он умный и деловой. Черта б с два я добрался без него к озеру...»

Переодевшись в компенсационный костюм спасателя с эмблемой курьерского сектора на предплечье, Мальгин уселся в предложенное кресло в кабине десанта и

затих. Кроме него, в кабине находилось четверо молодых людей, ведущих разговор о спорте; из динамиков интеркома доносились голоса членов экипажа, приглушенный говор двух десятков людей — экипажей других машин, тоненькие посвисты автоматов; перед мысленным взором хирурга проплывали сумрачные пейзажи Маата, лица тех, кто участвовал вместе с ним в десанте, напряженное лицо Джумы и красивое нежное лицо Карой, потом возник земной пейзаж с плесом и отец в лодке, подзывающий к себе... Очнулся Мальгин от прикосновения:

— Ну и нервы у вас, — с одобрением сказал нависший над ним Жостов. — Ребята сказали, что вы уснули, едва сели в кресло. Мы почти на месте, пойдемте, покажу вам объект.

В видеорубке когга, предназначенной для работы командира десанта — пилот сидел отдельно в коконе психуправления, — продолжалась эфирная переключка многих десятков людей, раздавались команды, пiski, гудки, скороговорка и бормотание автоматов, резкие трехтональные сигналы кодовых сообщений. Жостов поднес к голове дугу эмкана, и тотчас же стены и пол рубки растаяли, Мальгин оказался висящим в воздухе над ночной землей, вернее, над черным зеркалом озера. Прямо перед ним, километрах в десяти от шлюпа, вырастала из земли колоссальная струя светящегося тумана или пыли, бьющая в небо и тающая где-то на высоте двух десятков километров, хотя точно оценить высоту этого факела Мальгин, конечно, не мог.

— Что это? — спросил он тихо, уже догадываясь, что произошло.

— Ромашин тоже здесь, — ушел от прямого ответа Жостов. — Я высажу вас на берегу, недалеко от бункера управления спас-обоймой, а там сориентируетесь.

Мальгин молча пожал руку спасателю.

Через минуту упругий язык десантного лифта выплюнул его на плотный песок берегового откоса и когг Жос-

това растаял в ночи, мигнув на прощание кормовыми огнями.

Мальгин вдохнул в себя воздух и закашлялся: не горький и не кислый, но резкий запах перехватил дыхание. Амбре, однако... Пыль! «Так пахнет лунная пыль, — подумал хирург, зажимая нос рукой. — Значит, факел на горизонте — фонтан пыли. Не лунной, конечно, но, похоже, и не земной. Неужели Жостов не знал, что дышать в этом угаре практически нельзя? На него это не похоже».

Вглядываясь в бьющий в высоту факел, Мальгин двинулся к мигающему огнями десятиметровому диску драккара, который на данный момент представлял собой временный мобильный бункер управления ситуационной работой. Рядом то и дело садились и взлетали пинассы, куттеры и черепаховидные галеоны чистильщиков. Их уносило круговертью к недалекому факелу, но из ниоткуда возникали новые аппараты, садились, взлетали, уходили, как выстрел в темноту, оставляя штриховые очереди трасс мигающих габаритных огней.

Людей почти не было видно, лишь изредка из финишировавших машин выскакивали командиры групп с надвинутыми респираторами, одеты в такие же кокосы, что и Мальгин, и ныряли обратно, чтобы освободить место прибывающим машинам, принадлежащим чуть ли не всему спектру земных специальных служб и ведомств.

— А вы почему без респиратора? — окликнул Мальгина какой-то ражий детина с бородой, выбивающейся из-под маски. — Немедленно наденьте!

— Рад бы... — развел руками Клим, чувствуя, как в голове поплыл легкий звон.

— Присылают же растяп! — рявкнул детина и махнул рукой в сторону драккара. — Быстро внутрь, в тамбуре есть маск-фильтры.

Мальгин не заставил себя ждать. Надев респиратор, вздохнул с облегчением, но голова прояснилась не сразу, видимо, в газе, затопившем окрестности озера, были

компоненты, вызывающие нечто вроде кислородной эйфории. Побродив по кольцевому коридору, уступая место спешащим пограничникам в синей форме и безопасникам в серо-голубой, Мальгин набрел на десантный отсек и вошел.

Отсек был на удивление просторен и почти пуст. У висящей подковы пульта располагались в креслах операторы, еще трое стояли у виома с плавающими по всему объему визирными метками и вспыхивающими зелеными и красными цифрами. Виом показывал светящийся факел с кружившими вокруг мотыльками исследовательских и тревожных машин.

Входившие в зал люди подбегали к сидевшим у пульта, получали инструктаж и кассеты программ, убегали, снова возвращались. Один из стоявших у виома обернулся, и Клим узнал Ромашина; его респиратор висел на шее. Собеседниками Игната были Майкл Лондон и Калина Лютый, дружески кивнувший Мальгину. Лондон что-то сказал им, и бывший начальник отдела безопасности, не удивившись внешне появлению хирурга, быстро подошел к нему.

— Уж полночь близится, а Германна все нет... но вот он появился... неожиданно-негаданно. У вас случайно индивидуального метро нет? В зону сейчас попасть невозможно.

— Меня пропустили по блату. Что происходит?

— Потом поделитесь опытом проникновения в закрытые зоны. А происходит следующее: исследователи орилоунского метро попытались забраться в него поглубже, в нем что-то сработало, и он начал генерировать джет.

— Что, простите?

— Термин астрофизиков: джет — высокоскоростная струя газа из области формирования молодых звезд. В общем, к «скелету» метро подойти нельзя, из него со скоростью сто двадцать километров в секунду бьет струя пыли и газа. К счастью, обошлось без жертв, хотя ребят-первопроходчиков покалечило здорово. Пытаемся

локализовать, готовим «панцири» для похода в метро, может быть, сможем заткнуть глотку этому вулкану.

Мальгин молча смотрел на колоссальную струю серебристого свечения, перечеркнувшую небосвод.

— Кстати, вы хорошо помните свой поход на Маат? Так вот «клиника», где вы встречались с «черным человеком», не имеет к медицине никакого отношения. Это нечто вроде информационно-энергетического центра. Вам это ни о чем не говорит?

Мальгин подумал, пожал плечами.

— Нет. Но если это энергоцентр, что там делали с маатанином?

— Насколько я понял объяснения ксенологов, у «черного человека» что-то не в порядке с балансами энергии. У маатан вообще энергобаланс весьма странный, они больше получают, чем тратят, то есть представляют собой своеобразные живые аккумуляторы, а вот у нашего маатанина этот запрограммированный генами баланс нарушился, он стал излучать больше, чем получать. — Ромашин помолчал, посматривая то на пульт, то на безучастное лицо Мальгина, потом что-то вспомнил и достал из кармана значок, найденный Климом дома. — Узнаете?

— Мой значок?

— Если бы значок. Есть предположение, что это... «обрывок» материализованной «суперструны», связывающей некогда наш мир с иной Вселенной!

Клим фыркнул. Ромашин остро взглянул ему в глаза.

— Что, не воспринимается? Моя реакция тоже была под стать вашей: как это можно материализовать «струну», по сути — пространственное измерение! Оказывается, можно. Не нам, конечно, природе. Время на границе этого «значка» застыло, поэтому он кажется вещественно осязаемым. Самое удивительное в нем — его «конструктивное» исполнение. Видите, его внешняя форма — гиперboloид вращения на тонкой ножке, внутри — точно такой же гиперboloид, который крепится к внешнему

ножкой, внутри того — еще один, и до бесконечности! Так что гипотеза физиков правомерна.

— Как до бесконечности?!

— В прямом смысле этого слова. — Ромашин подкинул тяжелый «обрывок суперструны», довольный произведенным эффектом. — У русской матрешки пять-шесть сестер одна в другой, а у этой штуки ряд гипер-болоидов-чашечек уходит в бесконечность. Специалисты с помощью нейтринных умножителей насчитали больше триллиона чашечек, одна меньше другой, но так и не дошли до конца, не хватило глубины микроскопов. То есть последняя «чашка» этого «значка» по размерам меньше не только атома, но и нуклона*!

Мальгин перевел дыхание, он был ошеломлен.

— Из чего же тогда он сделан? Не платина, конечно, и не осмий?

— По цвету и массе действительно похоже, но не осмий и вообще никакое другое вещество. Физики предложили кучу объяснений: устойчивые конфигурации известных частиц типа нейтрино; глюоний**; мезовещество; «вспененный вакуум» и черт знает что еще. По-моему, они сами плохо разбираются в своих гипотезах. Но реально дело обстоит так: неизвестно что, сделанное неизвестно из чего и неизвестно каким образом. Лично я склоняюсь к уже высказанному мнению: это «обрывок суперструны», соединявшей наш мир с иным во времена Большого взрыва.

— Я могу забрать?

— Пока нет. — Ромашин спрятал «значок». — Это вещественное доказательство, говоря языком следствия, да и физики готовы за него продать душу не только мне, но и дьяволу. И принес «значок» наш общий друг Даниил Шаламов.

---

* Нуклон — класс элементарных частиц, в который входят нейтрон и протон.

** Глюон — частица, «склеивающая» кварки в элементарные частицы.

— Вы на что-то намекаете?

— По возможности я стараюсь говорить прямо, без намеков. Просто я хотел сказать, что Шаламов знает такое, что и не снилось нашим мудрецам. А главное, он знает маатан, которые знают остальное.

— Ну и что?

— Клим, он должен быть задержан. Видите, во что вылилось только одно его появление на Земле? Укротить этот фонтан пыли и газа будет очень нелегко. А кто знает, что может произойти еще? Обладая колоссальным запасом чужих знаний, атакующих подкорку, будучи энергетически независимым, имея расщепленную психику, Даниил способен... — Ромашин замолчал, увидев, как изменилось лицо собеседника.

— Как бы ни был болен Шаламов, — угрюмо выдавил из себя Мальгин, — он не способен на преднамеренное зло. Нет причин. Если только они не появятся, когда вы попытаетесь задержать его силой.

Глаза Ромашина стали грустными.

— Вы рассуждаете, как Майкл. — Он перевел взгляд на работающего у пульта Лондона. — По-моему, вы даже похожи, хотя по натуре он ближе к «человеку-нет», чем к «человеку-да».

Клим невольно улыбнулся, отрицательно качнул головой.

— Я давно перестал быть «человеком-да». Потому что понял: всегда и во всем быть уверенным — не достоинство, надо и уметь говорить «нет», особенно самому себе. А Лондон, как мне кажется, надежный человек.

— Значит, я был ненадежен? — Ромашин тоже улыбнулся.

— Нет, почему... — Мальгин смешался. — Я не сравниваю вас... во всяком случае, с таких...

— Не оправдывайтесь. Все правильно. Мы с Майклом мыслим по-разному, но человек он действительно на-

дежный, хотя, с моей точки зрения, ему надо бы иметь больше творческого воображения и способности рисковать. Извините, я вынужден удалиться. Что вы намерены делать дальше?

Мальгин посмотрел на светящийся столб пыли, издали похожий на раздувшийся канал орбитального лифта, почувствовал вдруг неимоверную усталость и пробормотал:

— Пойду спать.

— Моего «защитника» еще не выбросили? У меня ощущение, что он может понадобиться вам с минуты на минуту.

Клим раздвинул волосы на виске, показал сетку и часть дуги «защитника», о котором он уже успел забыть. Ромашин кивнул.

— Не призываю вас чураться Шаламова, как черт лаdana, однако опасайтесь его. Он не знает пределов своей мощи... и неосторожности. Если хотите, ребята доставят вас в Норильск, туда проложена курьерская линия спас-центра.

— Спасибо, буду обязан.

— Вы так и не определили координат Купавы?

Мальгин молча отвернулся.

— Жаль. Найдете — дайте знать, вас соединят со мной по «спруту» немедленно. — Ромашин некоторое время смотрел на хирурга с каким-то неопределенным сожалением. — И все же вы не сказали, что привело вас на Таймыр, к орилоунскому метро. Надежда на встречу с Шаламовым? Любопытство?

— Игнат, подойдите, — позвал Ромашина Лондон.

И в этот момент Мальгин снова физически почувствовал на спине знакомое «дыхание притаившегося зверя», как и давеча у дома Гзаронваля: «зверь» посмотрел ему в спину и «тихо зарычал»... Хирург стремительно обернулся. Дверь медленно закрывалась за мелькнувшей спиной человека в синем кокосе. Мальгин выбежал в коридор, потом наружу, простучав каблуками по пан-

дусу. Надвинул респиратор. Человек в синем комбинезоне уже садился в куттер, взмахнул рукой, и куттер тут же взмыл в небо.

— Что с вами? — окликнул Мальгина выглянувший Ромашин, реагирующий на все, что касалось хирурга, как настроенный на его эмоции камертон. Зажал нос пальцами, потом вспомнил о респираторе.

Мальгин проводил взглядом тонущие искры света под брюхом куттера, оглянулся и сказал почти равнодушно:

— Это был Даниил.

7

Такси несло его над засыпающим городом, как хрустальную вазу, осторожно, быстро и плавно. И мысли у Мальгина плыли такие же плавные, невесомые, не затрагивающие эмоциональные центры: о спорте — забросил тренировки и вышел из формы; о библиотеке — давно не брал в руки книгу, не «дышал запахом истории», переживая приступы ностальгии по прошлому; о работе — проблемы остались, а решать их придется другим, если он согласится на пост директора; вспыхивали на миг и другие мысли, но, не разбудив активность сознания, гасли, не оставляя следа...

После того, как Мальгин сообщил Ромашину на Таймыре о том, что видел Шаламова, Игнат оперативно организовал поиск скрывающегося спасателя, но тот как в воду канул, хотя полуостров был перекрыт буквально за несколько минут по всем направлениям. Задержали два куттера местных служб и пинасс лесничего, но куттер Шаламова исчез, словно растворился в воздухе.

Мальгин участвовал в поиске пассивно: сидел в драккаре рядом с Ромашинным, пока машина пахала ночное небо над Таймыром, координируя работу тревожных

групп — десантных обойм. Поиск закончился ничем, Ромашин остался таким же невозмутимым, как и Лондон, и не стал выяснять, видел ли Мальгин Шаламова на самом деле или ему это показалось.

Высадили хирурга в Норильске недалеко от метро, и вдруг ему остро захотелось увидеть Карой.

Ровно в восемь часов вечера метро выбросило его в Братиславе, на берег Дуная, а такси за десять минут доставило в пригородную зону, застроенную коттеджами, владельцы которых имели высокий индекс социальной значимости.

Коттедж Карой был выстроен в липовой роще: двухэтажный «финн», среднеевропейский вариант, с сауной, открытой верандой, эллингом для флайта и коралем для верховой езды. На белом пятачке для гостевых машин стоял голубой неф, а на веранде Мальгин в компании Карой увидел Джуму Хана.

Настроение резко упало, возбуждение схлынуло, но поворачивать было уже поздно, его заметили. Не выдавая своих чувств, Мальгин выпрыгнул из пинасса, не забыв отослать такси, и по густой траве прошел к веранде, издали помахав рукой в ответ на жест зоркого Хана.

Карой была удивлена, так же, как и Джума, Мальгин перехватил ее взгляд, брошенный на врача спасцентра, и понял, что его здесь не ждали.

— Какими судьбами? — Хан встал навстречу, протягивая коричневую сильную руку. Одет он был в ослепительно белую рубашку, обтягивающую торс с рельефными мышцами, и белые брюки. Карой в белой блузке свободного покроя и белых шортах была похожа на него, как сестра-близнец.

Клим встретил пытливый взгляд бывшего хирурга «Скорой помощи» и сумел ответить открытым взглядом уверенного в себе человека; он уже взял себя в руки.

— Летел мимо, дай, думаю, загляну.

Хан засмеялся, сжимая ладонь Клима в полную силу. Мальгин ответил. Борьба, незаметная со стороны, длилась полминуты и закончилась ничьей.

— Садитесь, мастер. — Карой подвинула плетеное кресло.

Джума снова сел с ней рядом, пряча в глазах вызов и грусть. Он все понял еще до того, как понял сам Мальгин.

— Хочешь, угадаю, откуда ты «летел мимо»? С Таймыра.

Мальгин усмехнулся, ткнул пальцем себя в грудь.

— По кокосу? Ты прав, я только что с Таймыра.

— Не только по кокосу — амбре.

— А-а... возможно. — Мальгин вспомнил незнакомый тревожащий запах газопылевого фонтана, бьющего из орилоунского метро. — Я к нему уже привык и не ощущаю.

— О чем речь, джентльмены? — вставила наконец слово недоумевающая Карой.

Джума покосился на ее ноги, потом, прищурясь, глянул на Мальгина.

— Но Таймыр лежит несколько в стороне от Европы, насколько я разбираюсь в географии.

Клим не успел ответить, Карой встала:

— Джентльмены, я переоденусь, и мы погуляем.

Вошла в дом. На веранде установилась тишина. Двое мужчин смотрели друг на друга, оценивая причины присутствия каждого в обществе Карой. Клим вспомнил стихи Велимира Хлебникова:

Вечер. Тени.

Сени. Лени.

Мы сидели, вечер пья.

В каждом глазе бег оленя,

В каждом взоре лет конья...

«Лет копыя» Джумы был холоден и грустен, однако ни злобы, ни ненависти он с собой не нес.

Вечерние тени уже затуманили даль, заштриховали детали пейзажа и превратили близкий лес в таинственное обиталище троллей и гномов. В воздухе разлился аромат вечерних цветов, дурманящий и пряный. Вечер был полон ожидания, только у каждого из сидящих на веранде причины ожидания были разными. Мальгин думал о том, что шкура у него стала, как у носорога, толстая, шершавая и непробиваемая, потому что почти никаких угрызений совести он не ощущал. Первое чувство неловкости прошло, и хотя он мог в любой момент подняться и уйти, помня удивление в глазах Карой и не боясь показаться смешным, все же что-то удерживало его на месте, не то желание объясниться, не то упрямство пополам с любопытством: чем все это закончится?

«А ведь раньше я покраснел бы и ушел, сославшись на дела, и долго бы мучился потом, пытаюсь выглядеть человеком, не ведающим сомнений», — подумал Клим, невольно развеселившись. Хан заметил в нем эту перемену, улыбнулся в ответ:

— Хочешь, угадаю, о чем ты подумал?

— Стоит ли? Мы же убедились, что мыслим одинаково. Я могу прямо и откровенно сказать, что привело меня сюда.

— Стоит ли? — в том же тоне сказал Джума. — Что бы тебя ни привело в этот дом, дружище, я не вправе требовать от тебя отчета. Единственное, о чем хочу предупредить: я буду бороться за нее. До конца. Я многое понял в последнее время, кстати, не без твоей помощи, и взял на вооружение твою формулу: с потерями не согласен.

— И уже есть результаты?

— Поэтому-то я здесь.

— И я тоже.

На веранду внезапно выскочил громадный пушистый,

с рыжими полосами по черной шерсти, кот. Зыркнул на Мальгина прозрачно-бирюзовыми глазами и подошел к Джуме, потерся о ногу.

— Привет, зверь, — сказал Хан, почесав кота за ухом.

— Хорош! — невольно восхитился Мальгин. — Оцелот? Или каракал?

— Ни то, ни другое.

— Манул?

— Нет, селективная модификация, хотя яйцеклетка от каракала.

— Вид у него довольно устрашающий.

— Хищник без всяких скидок, всю охотится за птицами на лугу, за мышами и леммингами, но ластится как ни в чем не бывало. Мне иногда кажется, что он понимает все, о чем мы говорим.

Кот обнюхал ноги Мальгина и ткнулся носом ему в бок с такой силой, что едва не опрокинул вместе со стулом. Мальгин с удовольствием погрузил пальцы в шерсть на загривке животного. Кот еще раз толкнул его, словно стараясь вывести из равновесия, зевнул, показывая розовую пасть.

— Гаргантюа, отстань! — На веранде появилась Карой.

Расположились вокруг накрытого стола с напитками, бутербродами и горячим кофе.

За время ужина ни разу не обмолвились словом, только переглядывались, и этот разговор взглядами был красноречивее слов. Мальгин уже понял, что он имеет такие же права на присутствие в доме, как и Джума, ну, может быть, чуть меньшие, но уходить не торопился, хотел убедиться в своих выводах и выяснить, что означает мерцающее в глазах Карой обещание и к кому оно обращено.

Джума выпил свой кофе первым, отодвинулся вместе с креслом, мельком посмотрел время.

— Знаете что, ребята, мне надо идти, важная встреча, а я пунктуален. Хотите, я на прощание вам кое-что сыграю? — Не дожидаясь ответа, Джума вошел в дом, и переглянувшиеся Карой и Клим вынуждены были последовать за ним.

В гостиной Карой, обставленной в стиле «персидская сказка», к изумлению Мальгина стоял музыкальный синтезатор «Терпсихора», которыми пользовались все знаменитые вокально-инструментальные ансамбли и достать которые было практически невозможно, таким они пользовались спросом. «Странно, что он стоит у Карой, — подумал Мальгин, — на таком могут работать только виртуозы...»

Джума сел за панель синтезатора, привычно натянул эмкан и нацепил на запястья браслеты биосъемов. Замер на мгновение... и заиграл.

Мальгин ошупью нашел кресло, сел, вслушиваясь в каскады звуков сначала с недоверием, потом заворуженно, затаив дыхание. Перед ним возникали видения бешеных горных рек, грохочущих водопадов, моря в шторм, смерчей в океане и на суше, сменялись бездонными каньонами, мрачными пропастями, извергающимися вулканические бомбы кратерами, озерами плюющей огнем лавы, цунами, снежными лавинами и селями; придвинулось вплотную солнце с протуберанцами, показались взрывающиеся звезды, галактики, квазары; запылала Вселенная!.. Но постепенно бурные земные и космические катаклизмы стали стихать, пока не остались перед глазами призрачное окошко родника и тонкий ручеек, исчезающий в траве...

Мальгин очнулся, потрясенный до глубины души. — Колдовство! — хрипло выговорил он, не в силах сказать больше ни слова.

Хан, сгорбившись, посидел за синтезатором несколько мгновений, сорвал эмкан, встал и, улыбнувшись своей обычной всепонимающей, чуть иронической улыбкой, как ни в чем не бывало сказал:

— До связи, ценители.

Ушел, не взглянув на Карой. В комнате повисла неловкая пауза.

Мальгин, подумав: «Похоже, первый раунд он выиграл без боя», — собравшись с силами, нарушил тишину первым:

— Я не знал, что он еще и музыкант экстра-класса...

— Не преувеличивайте, мастер, — тихо ответила задумчивая Карой. — Такое играет редко, лишь когда что-нибудь сгорает: вера, надежда или... — Она зябко передернула плечами. — Зачем ты пришел ко мне?

— Не знаю, — помедлив, признался Мальгин. — За тобой, наверное.

— Ты считаешь, что имеешь право?..

Клим поморщился.

— Извини, что перебиваю, но я ничего не считаю и выяснять отношения не хочу. Мне нужно было увидеть тебя — я увидел, вот и все... — Мальгин наткнулся на взгляд женщины и не договорил. — Впрочем, — сказал через силу, — вру. Я, кажется, люблю тебя...

Глаза Карой вспыхнули, засияли, хотя в них остались плавать хрупкие льдинки вопроса и сомнения.

— А как же Купава?

Мальгин, не ожидавший такого вопроса, замер, потом встал и пошел к двери. Карой догнала его у входа на веранду, обняла сзади, прижалась к спине.

— Прости, мастер, я не хотела обидеть. Теперь ты понимаешь, как на меня действуют подобные вопросы? Мы квиты... Но я... еще ничего не решила... Ты же знаешь, с тобой немногим по дороге. Не обижайся, ладно? Ты, наверное, думаешь, что я бесстыжая? Играю с обоими ради удовольствия?

— Нет, — глухо сказал Мальгин. Он устал и хотел теперь только одного — спать.

Карой прижалась к нему тесней, Клим не сразу слышал ее голос, она читала стихи:

*Исполненный греха, без разума и воли,
Непрочен и тщеславен человек.
Куда ни погляди — одни утраты, боли
Ему терзают плоть и душу целый век.
Едва уйдут одни — на смену им иные,
Все в мире для него страдания сплошные:
Его друзья, враги, любимые, родные...**

Добавила тихо:

— Особенно друзья и любимые... Ты не пожалеешь о том, что сказал мне сегодня?

Мальгин повернулся, и его ослепил влажно-фарфоровый блеск ее зубов между полуоткрытыми, ждущими губами...

Домой Мальгин добрался на «автопилоте», в полубреду-полусне. Сил хватило только на то, чтобы снять кокос и доплестись до кровати.

Ему снился Джума Хан, и слышался дивной красоты голос, чем-то смутно знакомый, заставляющий плакать злыми слезами бессилия и тоски...

* * *

Проснулся он рано утром от какой-то важной мысли. Полежал немного, пытаясь разлепить веки, и вспомнил сон. Дурман тревоги накатил и отозвался в теле спазмом желудка, заныли натертые от вчерашней скачки боками и спиной лошади места; в последний раз он сидел на коня почти год назад, хорошо, что отец вовремя научил его не только сидеть в кресле, но и сносить ездить...

Мальгин окончательно проснулся, прошлепал босиком по ворсу пола в гостиную и набрал код аппарата отца. Виом сработал на шестом сигнале.

— Извини, па, — пробормотал хирург. — Разбудил?

---

* Анна Брэдстрит.

Отец запахнул на груди халат с изображением Рязанского кремля, посмотрел на часы: пять утра.

— В самый аккурат. Что-нибудь стряслось?

— Ты не знаешь, где Купава?

Мальгин-старший пригладил седой вихор на затылке.

— Меня уже спрашивали об этом твои коллеги... как их, безопасники, как ты их называешь.

— Ромашин? И что ты ответил?

— А я почему знаю? Она мне уже не невестка.

Клим помял лицо ладонями. Отец смотрел на него, хмурясь.

— Извини, па, я потом еще позвоню. — Клим протянул руку, собираясь выключить виом. Отец сделал жест: подожди.

— Может быть, это? В прошлом году ты вместе с ней и Данькой отдыхал где-то на Сахалине...

— На Симушире! — Сердце отозвалось падением и взлетом. Мальгин вспомнил, что долину Шаншири на Симушире Купава называла «раем». Вот, значит, куда рвался Гзаронваль!

— Спасибо, па! — Мальгин показал отцу кольцо из пальцев и побежал одеваться. Через несколько минут он уже мчался в такси к метро над еще спящим городом, обгоняя редкие утренние машины, не заметив, что за ним в отдалении следует белый куттер с номером «сто».

8

До Симушира он добрался за полдень по местному времени, уговорив пилота грузового галеона доставить его на остров от метро Петропавловска-Камчатского. Чтобы поймать такси на Симушире, надо обладать терпением и временем, а поскольку ни того, ни другого у Мальгина в запасе не было, он просто-напросто увел

со стоянки у вокзала чей-то пинасс, на панели которого мигал красный транспарант «занято».

Не обращая внимания на удивленный оклик пассажира пинасса, стоявших неподалеку, Клим закрыл дверцу и взлетел, отключая автопилот. От одной мысли, что он сейчас увидит сытое, презрительно-равнодушное лицо Гзаронваля с выражением превосходства в глазах, у Мальгина свело скулы, однако он заставил себя думать только о Купаве и о том, что будет, если Шаламов найдет ее первым.

Панорама Симушира легла под ним зелено-коричневым ковром, замыкаясь бухтой Броутона с одной стороны и седой далью океана с другой. Озеро Шаншири располагалось в семи километрах от вокзала орбитального лифта и станции местного воздушного транспорта, на северной оконечности острова, заполняло боковой кратер древнего вулкана. Его крутые берега заросли низкорослыми соснами-пиниями, багульником, можжевельником и высокой, по пояс, травой, сверху в этой зеленой кипени ничего заметить было нельзя, но Мальгин уверенно повел пинасс к восточному краю озера и не ошибся: под шатром сосновых крон на берегу заросшего ерика он увидел две (все-таки две!) палатки, одну — оранжевую, просторную, с компьютерным и хозяйственным обеспечением, типа «Колыбель-комфорт», и вторую, серебристую, разворачивающуюся автоматически за несколько секунд — типа «Спартанец». Рядом стоял синий шестиместный куттер. На скале, нависающей над обрывом озера, покрытой мхом и прогреваемой солнцем, лежала с книгой на матрасе Купава, рядом висела яркая детская колыбелька. Гзаронваля нигде видно не было.

Мальгин посадил машину, некоторое время сидел, ни о чем не думая, просто глядел на женщину, одетую в такое же парео, что и Карой два дня назад, потом с усилием выбрался из кабины. Купава, отложив книгу, молча смотрела, как он приближается.

— Привет. — Мальгин сел на замшелый валун, по-

смотрев на солнце, расстегнул рубашку. — А где этот красавец... Марсель?

— Клим! — удивленно и обрадованно, словно только что узнала, нараспев сказала Купава. — Как ты нас нашел? Ты один?

— Один, — буркнул хирург. — Нашел по следу. Где Марсель?

— Занимается подводной охотой, он взял с собой лайтинг, лодку, ружье, обещал вернуться к обеду.

— И кто же из вас был инициатором этой идиллии?

— Марсель. Он сказал, что ты... — Купава запнулась.

Мальгин остался спокойным, только внутри живота болезненно напрягся какой-то мускул.

— Договаривай, не бойся, не укушу.

— Он сказал... мне надо держаться от тебя подальше, потому что... его предупреждал Дан... Ты правду мне сказал?

— Когда и что именно?

— Ну... что ты не... бросил Дана специально...

— Не узнаю тебя. Ты же всегда имела вкус и четкое чувство меры, по-моему, врожденное, и вдруг такой нонсенс. Неужели ты не видишь, что Марсель... — Клим хотел сказать «подонок», но удержался, — лжет! Неужели ты так слепа?

Купава нахмурилась.

— Я так и думала, что ты это скажешь. Марс предупреждал правильно. Ты же его совершенно не знаешь.

— Да знаю! — махнул рукой Мальгин. — Это ты не знаешь и не хочешь знать, отгородившись от мира стеной стереотипа. А он обыкновенный шантажист, который давно метит занять мое... то есть место Дана, и не видеть этого, благосклонно принимать его ухаживания, значит, совсем...

— Я поняла. — Ее тон похолодел еще больше. — Если ты прилетел, чтобы сказать мне гадость...

— Да! — твердо сказал Мальгин. — Именно поэто-

му я и прилетел. Большие всего меня поражает мысль, что ты веришь ему и не веришь мне, хотя я никогда не давал тебе повода обвинить меня во лжи или подлости. Но это твое дело, веришь — верь, ты действительно изменилась и далеко не в лучшую сторону, не обольщаясь. Видимо, влияние этого «супермена» в конце концов сказывается даже на такой самостоятельной личности, как твой супруг, если он тоже его не разглядел. Но известно, что поддается чужому влиянию тот, кто хочет поддаться, а тебе — и это понятно — очень хотелось бы убедиться в том, что я, железный Мальгин, «человек-да», не такой уж идеал, хотелось бы как-то подстраховать свое решение уйти от меня, вот и появляется Гзаронваль-Руцкий, удобное оправдание своей прогрессирующей... — Мальгин остановился, так как женщина закрыла лицо ладонями; говорил он без горечи, спокойно и даже удивился этому (неужели перегорел?). — Извини, если я излишне резок, но такого тебе больше никто не скажет, тем более твой Марсель. Я не в обиде, что заслужил, то заслужил, но друзей все-таки надобно выбирать, Пава. Ты как-то сказала, что я сильный и все вынесу. Да, я сильный, хотя слабостей у меня — хоть отбавляй. Тебя вот я же не смог удержать? А пришел я затем, чтобы просить: появится Дан, позвони мне обязательно. Это больше нужно ему, чем мне. Позвони. Обещаешь?

— Я здесь, — раздался сзади знакомый, с хрипотцой голос. — Зачем я тебе опять понадобился, Клим?

Купава отняла ладони от лица, глаза ее расширились. Мальгин рывком обернулся.

Возле его пинасса стоял белый куттер с номером «сто», из которого выпрыгнул Шаламов и направился к сидящим раскачивающейся походкой. В наступившей тишине вдруг заплакал проснувшийся ребенок в колыбели, заставив всех вздрогнуть.

Шаламов, загорелый до черноты, буквально обуглившийся под лучами неведомых солнц, одетый в синий ко-

кос, подошел к автоматически закачавшейся колыбели, наклонился, вглядываясь в захлебывающееся плачем существо.

— Спасибо за торжественную встречу, карапуз. М-да... А Марсель прав, ребенок — вылитый ты, Клим.

У Мальгина родилось знакомое ощущение, будто внутри Шаламова шевельнулся дремлющий тигр, поднял голову и обнажил клыки в предупреждающем беззвучном рычании. От напряжения заныли мышцы ног. В голове бесшумно раскрылся тугой веер необычных ощущений, лег на затылок, придав чувствам хирурга приятную тяжесть — сработал «защитник».

— Дан! — сдавленным голосом произнесла Купава, протягивая руки навстречу Шаламову. — Ты жив!..

— Жив, жив. — По лицу спасателя тенью пронеслось отражение грызущей голову боли, и снова оно стало гладким и равнодушным, без обычной, присущей ему мимики, отражавшей движения души и готовность к иронии и шутке. Шаламов шагнул к жене, взял ее за руки, наклонился: в ставших огромными и черными глазах женщины стояли слезы. — Я за тобой, Пава.

Брови Купавы в недоумении поднялись.

— Ты... что ты сказал? Как за мной?

— Ты мне нужна там, в космосе. На Земле мне нечего делать, а там — непочатый край неизведанных гармоний и красот, не пожалеешь. Собирайся, у нас нет времени.

— Но как же... — Купава, не ожидавшая такого предложения, беспомощно посмотрела на сидевшего неподвижно Мальгина, оглянулась на колыбель. — С ней?

Мальгин встал, все время чувствуя ворочавшегося внутри спасателя, чем-то недовольного или страдающего «зверья», подошел к обрыву, оставив за спиной чету Шаламовых, но продолжал слышать их разговор.

— Ты же болен, болен, — быстро, глотая окончания слов, говорила Купава, — ну почему ты не хочешь вы-

лечиться? Клим все сделает, и мы улетим, куда захочешь... а дочь куда я дену? Как я в твоём космосе буду с ней? Что я там буду делать? Кто ее воспитает? Пойми же, это глупо...

— Мне трудно одному, ты поможешь мне, а с дочерью ничего не случится, тем более что ее можно оставить здесь, на время хотя бы, Клим присмотрит, отец как-никак... — отвечал Шаламов скороговоркой, в голосе его появились нетерпеливые нотки. — Почему ты уехала из дома сюда? Клим посоветовал?

— Нет, Марсель. Он говорил, что ты погиб...

— Чушь! Я теперь бессмертен. Белены объелся твой Марсель? Где он? Я с ним поговорю, что это ему вздумалось объявить меня погибшим? Трогательная забота, ничего не скажешь.

— Он на озере, ныряет с подводным комплектом.

— Черт, времени нет совсем! Все время висят на хвосте... Ну, так ты идешь?

— Нет, Дан... не знаю... ну как ты можешь требовать? Зачем тебе уходить с Земли, разве здесь плохо? Послушайся, я тебя умоляю, пусть Клим посмотрит тебя, ты же совсем больной, я тебя не узнаю. Я боюсь тебя!.. — Купава заплакала.

— О, женщина!

Мальгин обернулся. Шаламов, морщась, смотрел на жену, потом поднял взгляд на хирурга.

— Как часто женщина, вдохновляющая нас на великие дела, мешает нам их исполнить*. Ты же не сможешь ничего сделать, мастер, это выше твоих сил. Ведь так?

— Не знаю, — тяжело сказал Мальгин.

— Вот видишь. Помогли уговорить ее, ведь она не хочет уходить из-за тебя, я чувствую.

— Дан, что ты говоришь! — жалобно запротестовала Купава сквозь слезы.

---

* А. Дюма-сын,

Оба посмотрели на нее. Мальгин, стараясь говорить проникновенно и убедительно, сказал:

— Я уже давно не имею права совета, Дан, а для нее и вовсе не авторитет... как уже смог убедиться. Для нее авторитет — Марсель, может, он тебе поможет? Но извини, я тоже не вижу смысла в твоём призыве. Подумай хорошенько, куда ты зовешь Купаву. Ей нужен спокойный образ жизни, уверенность в завтрашнем дне, возможность воспитывать ребенка, а не опасные приключения в космосе. Не доверяешь медицине — бог с тобой, это твое личное горе, но не ввергай в авантюру жену, риск ей противопоказан.

Лицо Шаламова исказилось. Мальгину показалось, что на него приготовился прыгнуть громадный зверь, удивительным образом соединившийся с фигурой спасателя. Одновременно под черепом родилось ощущение выросшей твердой скорлупы, отгородившей мозг от всего мира. Облик «зверя» побледнел, хотя и не исчез. Вспомнилось шекспировское: «Не стой между драконом и яростью его...» И тут Мальгин неожиданно увидел над лесом странное полупрозрачное облако, опускающееся с неба. Вгляделся и не поверил глазам: это был орилоухский фантом с миллионом глаз!

Шаламов оглянулся, следуя застывшему взгляду хирурга.

— Смотри-ка! Отыскал-таки, дьявол глазастый? Слышишь, Отшельник?

Из грузового люка куттера выполз «черный человек», осторожно, почти по-человечески, пробуя псевдоногой почву. У Мальгина не было пси-рации, и ответа маатанина он не услышал, но и без того он был буквально ошарашен появлением новых действующих лиц.

Шаламов выслушал ответ «черного человека», отмахнулся. В отличие от маатанина он дублировал свои мысли звуковой речью:

— Не дури, ничего с тобой не случится, потерпишь... Что значит — не можешь? Эти песни я слышу давно...

ну и что? Держал же... ну хорошо, хорошо, мы скоро... — Даниил снова поморщился, схватившись рукой за голову, ему действительно было плохо.

— Дан,— сказала Купава, вставая.— Я тебя за клинаю! Пусть Клим хотя бы посмотрит тебя, как врач.

Шаламов окинул Мальгина горящим взглядом.

— Каким образом он посмотрит меня без своей аппаратуры?

— Напрямую, — хрипло сказал Мальгин. — У тебя есть еще одна пси-рация? Одна есть точно, ты же общаешься с «черным».

— Найду. И что дальше?

— Прямой синхроконттакт. Я подключусь к твоему... мозгу напрямую, мне приходилось проделывать подобные контакты во время дежурства на «Скорой помощи».

— А не боишься? Я ведь наполовину «черный».

Мальгин усмехнулся.

— А ты, в свою очередь, не боишься?

«Зверь» внутри Шаламова «обнажил клыки и посмотрел на хирурга ледяными глазами».

— Хорошо, — сказал Даниил. — Даю тебе три минуты сроку, а потом мы с ней уйдем. Собирайся пока, Купава.

Подготовка к пси-контакту заняла всего две минуты. Шаламов сел в кресло пилота, Мальгин в соседнее, настраивая волю, нервные резервы, душевные силы на сопротивление первому натиску чужой пси-информации. Он почти справился со своим отчаянием, рожденным неизвестностью финала создавшейся ситуации, и старался не думать ни о чем, кроме предстоящего сеанса. Корону «защитника», которую вручил ему Ромашин, он снял, вызвав понимающую усмешку Даниила. Было видно, что Шаламов держится из последних сил, хотя и старается не показывать этого. Временами его облик начинал плыть, Даниил становился не похожим на себя, чужим, вмещающим в себя десятки других типа-

жей, и тогда «дремлющий тигроящер» в нем ощущался сильнее.

— Готов, мастер? — спросил Шаламов гортанно; в голосе спасателя отчетливо слышался органно-металлический клекот.

— Да! — ответил Мальгин.

«Держись, «черный»!» — подумал он с появившейся веселой злостью и доломал отчаяние о колено. А в следующее мгновение на голову обрушился весь внутренний мир-космос, Вселенная Шаламова, измученного борьбой двух психик, человеческой и маатанской...

* * *

Первый взрыв эмоциональных переживаний Даниила Мальгин выдержал, хотя и с трудом, удержавшись на грани сознания, помогли опыт, воля и страстное желание сделать то, что до него не делал никто. Погружение в «маатанское» подсознание Шаламова, властно довлеющее над большей частью его внутреннего пространства, было очень трудным и болезненным. «Черный человек» психики сопротивлялся вторжению извне и «выталкивал» Мальгина, с яростью пытаясь подчинить его себе.

Мальгин шел по цепи чужих знаний и ассоциаций медленно, пресекая попытки собственного «я» посочувствовать запертому в тесноте шаламовской психики «черному человеку» и постепенно приближая «скальпель» деформации биотоков к узлам информации, как бы готовя ее постепенный спуск по «информационным ступенькам» в свою память, и в какой-то момент остро пожалел, что Шаламов не в хирургической камере: можно было бы вывести из его организма основные «шлаки» чужой информации, пользуясь благоприятным моментом.

Клим уже разобрался в хаосе вспыхивающих психических состояний Шаламова и готов был предельной концентрацией воли и психических сил подавить центры чужой памяти и без вмешательства гипноаппаратуры,

но в следующий миг ему показалось, что на голову рухнула скала!..

Очнулся он спустя несколько секунд. В голове гудело, сверкало, звенело, перед глазами мельтешили какие-то призрачные лица, геометрические фигуры и цветные пятна — «следы» памяти Шаламова, в ушах шумел прибой странных звуков — не реальных, а мысленных, потому что с другой стороны Мальгин осознавал, что вокруг стоит тишина. Он повернул голову: Шаламова в кабине не было, его эмкан валялся на сиденье. Голову пронзила острая, как заноза, тревога. Мальгин встал, его шатнуло, в глазах поплыло, но он заставил себя выбраться из кабины. Открывшаяся картина запечатлелась в памяти предельно ярко и четко: Купава, зажавшая рот рукой и протягивающая другую в сторону Даниила; сам Шаламов, пригнувшийся, неестественно растопырившийся, оглядывающийся на недалекие кусты; «черный человек» с орилоухским глазастым фантомом; Ромашин в необычном блестящем шлеме и телескопических очках, выглядывающий из-за кустов; и Марсель Гзаронваль, наполовину вылезший из-за обрыва с подводным ружьем в руках.

В ушах Мальгина бесшумно лопнула пленка глухоты, и он наконец услышал жуткую тишину непредвиденной им драмы. Шлем на голове Ромашина был прицельно-расчетным устройством «василиска», а ружье в руках Гзаронваля говорило само за себя.

— Не стреляйте! — крикнул Мальгин, надсаживаясь.

Ромашин включил «василиск», гипнолуч накрыл Шаламова и Купаву. В то же мгновение Шаламов ответил на удар, и даже на расстоянии в три десятка шагов Мальгин почувствовал силу ответного пси-удара, обрушившегося на Игната: это было уже не «рычание дремлющего зверя», а смертельно опасный прыжок «рассвирепевшего хищника»! Купава и Ромашин упали почти одновременно, хотя Клим и не понял в первый момент, из-за чего упала женщина. Зато он первым от-

реагировал на жест Гзаронваля, поднявшего ружье:

— Дан!..

Шаламов остался стоять в прежней позе, вполоборота к нему, словно не слышал окрика, и тогда Мальгин, чувствуя себя так, словно внутри его рвутся мышцы и сухожилия, в три прыжка достиг Гзаронваля и ударил его по руке. Тяжелая металлическая стрела подводного ружья на длинном лине с треском вошла под камень у ног Шаламова. Тот медленно завалился навзничь, прямой, как монумент, будто стрела обладала силой убивать, не прикасаясь.

Оцепенелый Мальгин смотрел, как одетый в плавки Гзаронваль деловито сматывает литье ружья и снова поднимает его к плечу, прицеливается...

Зачем? Что он делает?..

— Стой! — шепотом проговорил он.

— Не мешай, слабак, а то очнется, — ответил Гзаронваль спокойно. — Неужели не понимаешь? Ромашин убил в нем человека, а очнется монстр.

— Не смей! — На негнущихся ногах Клим загородил Гзаронваля Шаламова.

— Уйди, неудачник! — Стрела ружья угрожающе уперлась в грудь хирурга. — Натворил дел, а другие расхлебывай. Ну?! — Голос курьера-спасателя был все так же спокоен и равнодушен, он верил в то, что говорил, и это дикое, циничное в данном положении спокойствие возбудило в душе Климана вулкан ненависти и жажду убийства. Прыгнув к Гзаронвалю, он выбил у него ружье, и, хотя спасатель мгновенно встал в стойку и приготовился к защите — осознанно, без удивления, он так жил, уверенный в том, что имеет право на исключительность, — с первого же удара уложил его на камни, дав выход ярости и непривычному, никогда не испытанному раньше чувству мести. Остановился, опустошенный, оглядывая страшную картину места боя.

В разных позах на земле лежали четверо: Шаламов, Ромашин, Гзаронваль и Купава, но из них только Ку-

пава лежала относительно спокойно, мгновенно уснув от удара гипнолуча «василиска».

И Мальгин вдруг с ужасом понял, что никогда не был и не будет свободен, всегда будет зависеть от взгляда, слова и жеста этой женщины, а его встречи с Карой — всего лишь слабый протест души, попытка обрести смысл жизни и выйти из заколдованного круга несчастливого бытия, куда он запер все свои мечты и чувства после ухода жены. Какие же силы потребуются ему, чтобы и после этих событий остаться для всех «человеком-да»? Где искать эти силы, и кто поможет ему? Не Карой, и не Купава... и не Джума Хан... Снова одиночество? Если можешь, отче, чашу эту мимо пронеси...

Мальгин постоял немного на подгибающихся ногах рядом с Шаламовым, глядя на его разгладившееся, спокойное лицо, неуловимо схожее и с лицом Прохора Жостова, и Висенте Оросо, и Ромашина, и многих других людей, кто был знаком со спасателем. Вспомнил о куттере. Еще можно было попытаться спасти Шаламова, как и Ромашина. Мозг начнет умирать минут через двадцать, и за это время можно было доставить их обоих к метро...

Клим поплелся к куттеру, будто во сне раздвигая руками воздух, ставший плотным, как вода. И тут над лесом сверкнули бесшумные молнии скоростных машин, с неба на берег озера посыпались пинассы и нефы безопасников с мигающими лампами предупреждения. Хирург остановился, рыхлый, словно набитый ватой, опустошенный до нежелания жить.

Из севших машин выскакивали люди в белых кокосах — полная аварийная обойма — тридцать одна душа. К Мальгину подбежал Лондон.

— Черт возьми, что здесь произошло, Клим? Неужели Ромашин был прав? Опоздали?

— Извините, Майкл, — пробормотал Мальгин, прислушиваясь к себе; внутри его вдруг проклюнулось

странное ощущение безмерной пустоты, в которой начали вспыхивать искры звезд, сначала редкие, тут же гаснущие, а потом по нарастающей — роями и облаками. И каждая «звезда» превращалась в строчку информации, в понятие, которых Малыин до этого не знал, — это заговорила в нем память Шаламова!

— Что с вами? — донесся сквозь глухой «шум» колоссального поля информации голос Лондона.

— Господи! — прошептал Мальгин, поднимая глаза на поддерживающего его под локоть начальника отдела безопасности. — Помогите мне... — Клим шагнул к оплывшему телу «черного человека», уперся в него плечом. — Помогите втащить его в куттер, быстрее!

— Зачем?!

— Я знаю, что это такое! Маатане не разумные существа в полном смысле этого слова, они действительно аккумуляторы, причем не только энергии, но и информации. Правы были эксперты... Миллиарды лет назад их хозяева пришли из иной Вселенной по «струне» первичных «серых дыр», соорудили Орилоух и Стража Горловины... Страж — это центральный узел перехода обратно в тот мир, хотя к настоящему времени он почти «зарос»... Все это не суть важно. Помогайте!

Лондон очнулся и дал неслышимую команду: трое оперативников бросились к ним на помощь, приволокли универсальный антиграв для транспортировки негабаритных грузов, взгромоздили на него тушу маатанина и впихнули в чрево куттера.

— Майкл, эта машина поднимет меня только километров на двадцать, дальше нужен драккар или десантный когг, без экипажа. Пусть встретит меня по пеленгу на выходе из стратосферы. Спасайте Ромашина, еще успеете.

Лондон остановил его.

— Что вы хотите делать?

— «Черного» надо немедленно убрать подальше от Земли, тысячи лет он аккумулировал энергию, и теперь

внутри его — адова пропасть! В идеале было бы хорошо отправить его в Горловину... он туда и направлялся, вез готовую к употреблению продукцию... вместе с собой, но Дан вытащил его обратно, не ведая, что вытаскивает величайшую из бомб...

— Я думаю, что вы не правы, он понимал, кого возил.

— Не знаю... и последнее. — Мальгин передохнул, чувствуя головокружение. — На тот случай, если я... маатанские «проникатели» — это нечто вроде передвижных «роддомов», предохраняющих «черных» от спонтанного энергоизвержения, поосторожнее с ними, если встретите. Я пошел. До встречи, Майкл.

— Стойте. — Лондон отстранил Мальгина твердой рукой. — Это уже не ваше дело. — Сел в кабину. — Всем продолжать работу в прежнем темпе. Ромашина и Шаламова — в клинику! Калина—«три девятки» в эфир!

Блистер бесшумно вошел в паз, куттер свечой рванул в небо. За ним тенью скользнул миллионоглазый орилоухский «призрак». Мальгин, опустив руки, смотрел им вслед, постарев сразу на сто лет. Взмолился в душе: господи, если ты человек, не дай им взорваться! Не карай невинных, ни слабых, ни сильных, а с недобрыми мы справимся сами! Подожди немного...

Кто-то тронул его за плечо, раз, другой... Клим повернул голову — рядом стоял Джума.

— Очнись, мастер. Кажется, наша работа еще не завершена. — Хан смотрел на спину хирургу. Мальгин оглянулся.

Шаламов пытался встать, царапая землю руками, не обращая внимания на обступивших его людей. Встал! Оперативники попятились.

Внезапно Мальгину показалось, что воздух вокруг странно загустел, завибрировал, навалилось жуткое ощущение нависшей над всеми горы! В ушах поплыл звон гигантской, готовой лопнуть струны.

Шаламов повернулся к ним, и на Мальгина сквозь маску человеческого лица взглянула иная Вселенная!..

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. СЕРАЯ ДЫРА	5
Часть 2. ЧЕЛОВЕК-ДА	57
Часть 3. ЧЕЛОВЕК-НЕТ	185
Часть 4. НЕЧЕЛОВЕК	255

ИБ № 7105

Головачев Василий Васильевич

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Заведующий редакцией **В. Щербанов**

Редактор **В. Родинов**

Художник **Е. Вельчинский**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Г. Прохорова**

Корректоры **И. Ларина, Н. Овсяникова**

Сдано в набор 02.02.90. Подписано в печать 29.08.90.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,4. Усл. кр.-
отт. 15,75. Учетно-изд. л. 16,3. Тираж 100 000 экз. Цена 3 руб.
Заказ 1034.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-01482-0

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

Б И Б Л И О Т Е К А

3 руб.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ф
С
А
О
Н
В
Т
Е
А
Т
С
С
Т
К
И
О
К
И
И

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Б
С
И
О
Б
В
Л
Е
Т
О
С
Т
К
Е
О
К
И
А

Ф А Н Т А С Т И К И

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

